

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

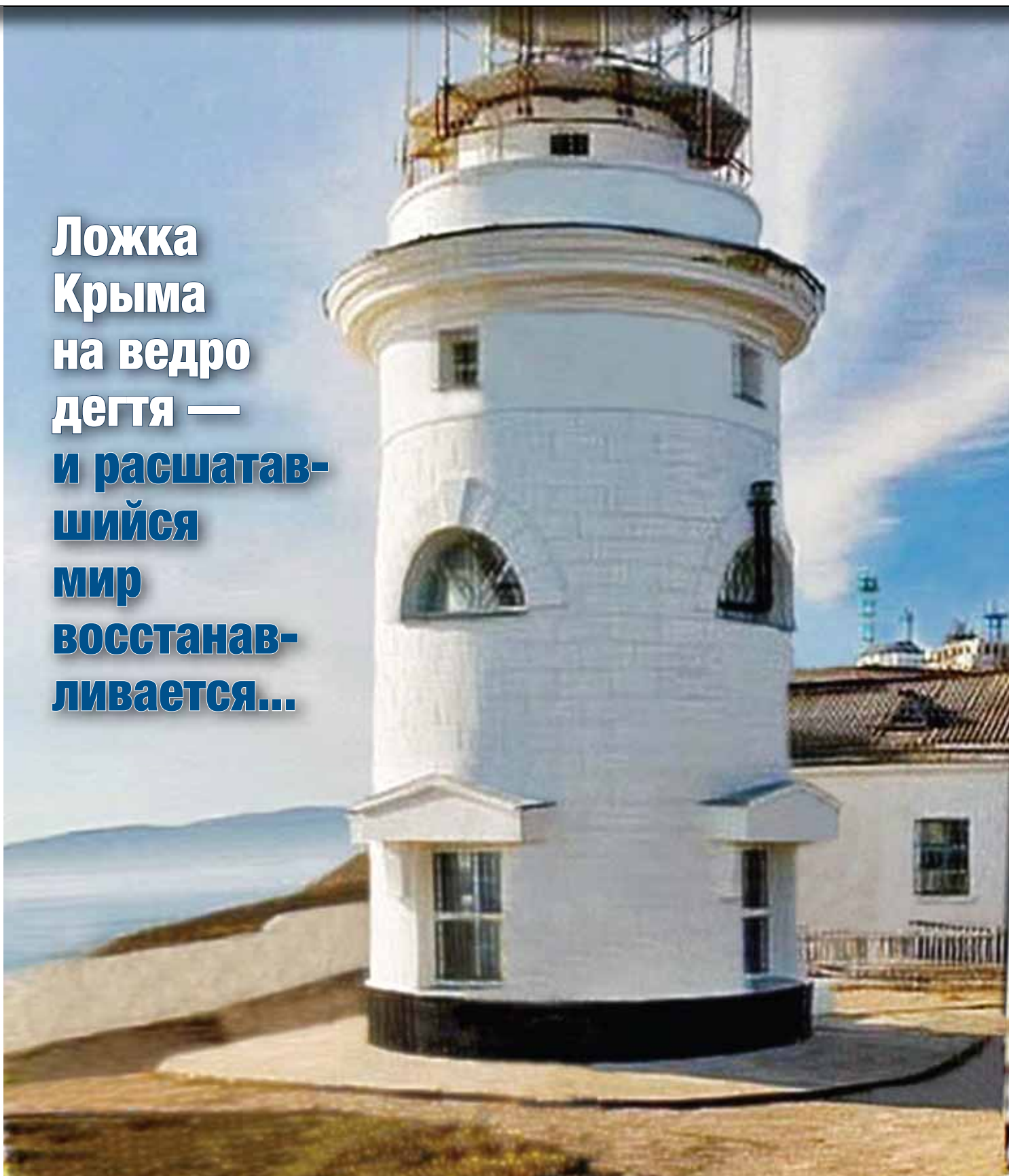
СМЕНА

№9 СЕНТЯБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2019

Ложка
Крыма
на ведро
дегтя —
и расшатав-
шийся
мир
восстанав-
ливается...

О жизни и творчестве художника Валентина Серова
и о судьбе Веры Мамонтовой читайте на странице 65.

Это интересно

<i>Алла Зубкова</i>	«Странствующий музыкант» Сергей Рахманинов 4
<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Тихая гроза 20

Замечательные современники

<i>Денис Логинов</i>	Руслан Трушкин: «Не пациенты для нас, а мы — для пациентов» 34
<i>Иван Переверзин</i>	Мой Глазунов 54
<i>Елена Воробьева</i>	Владимир Скворцов: «Режиссерская профессия затянула меня так, что я стал буквально одержим новым делом...» 74

Неизвестное об известном

<i>Дмитрий Зелов</i>	Миссия невыполнима, или Путешествие в Страну Чудес 44
<i>Юрий Осипов</i>	Великий «бюджетлянин» Велимир Хлебников 110

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	Валентин Серов. «Девочка с персиками» 65
---------------------	---

Минувшее

<i>Евгения Гордиенко</i>	Прасковья. Крепостная сцены 83
--------------------------	---

Рассказ

<i>Светлана Чуфистова</i>	Немчура 90
---------------------------	-------------------------

Эссе

<i>Елена Логунова</i>	Фео Миа 124
-----------------------	--------------------------

Детектив

<i>Ольга Степнова</i>	Моя шоколадная бэби 128
-----------------------	--------------------------------------

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Ильинский маяк в Феодосии

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

Можайский
полиграфический
комбинат

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.08.2019

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

« Стихи, как вспоминал сам Иосиф Бродский, он начал писать с 18 лет, и они определили всю его дальнейшую судьбу. В душе он навсегда остался питерским пацаном: «Ни страны, ни погоста не хочу выбирать. На Васильевский остров я приду умирать». Впоследствии именно в Ленинграде Бродский будет подвергнут унижительному судебному процессу, ссылке, запрету печататься. Отсюда его, по сути, выдают из страны, а потом даже запретят приехать на похороны родителей. Увы, Петербург причинил поэту слишком много боли...

Юрий **Осипов** «Иосиф Бродский: «Что сказать мне о жизни?»»

« Существует красивая легенда о том, как князь Александр Гагарин, без ума любивший свою молодую жену Анастасию, построил в Крыму недалеко от Алушты сказочной красоты рыцарский замок и тем самым увековечил свою любовь в камне. История эта долгая и, по большей части, печальная, если не сказать — трагическая.

Светлана **Бестужева-Лада** «Легенда о любви»

« Нашего соотечественника Николая Судзиловского часто называют первым и последним энциклопедистом XX века. По специальности он был врачом-хирургом, имел степень доктора медицины. Но помимо этого занимался генетикой, биологией, этнографией, был членом многочисленных научных обществ, а еще философом, писателем, журналистом, политиком и владел восемью европейскими языками, а также японским и китайским. В возрасте 25 лет, спасаясь от царской охранки, он покинул Россию. За 55 лет своих скитаний по миру Судзиловский совершил поистине кругосветное путешествие, но завершить его и вернуться на родину так и не смог.

Владимир **Братченко** «Кругосветное путешествие доктора Н.К. Судзиловского»

« Продолжение детектива Ольги **Степновой** «Моя шоколадная бэби»

Алла Зубкова

«Странствующий музыкант»

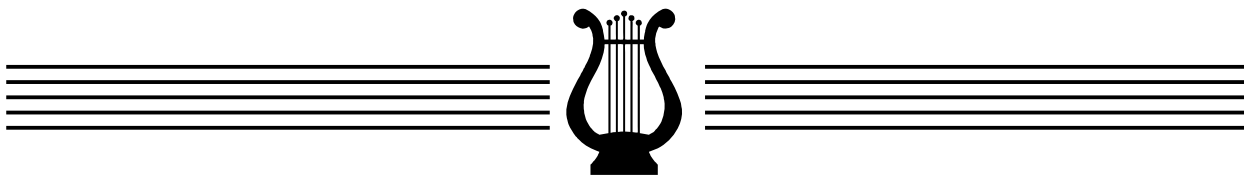
Сергей Рахманинов

В нем словно бы ожил волшебный камертон, способный улавливать звуки небес. Соединив в одном лице гениального композитора, великого пианиста и крупнейшего дирижера, Сергей Васильевич Рахманинов явил уникальный случай тройственной артистической деятельности. Других таких примеров, за исключением Ференца Листа, история музыкального искусства не знает.

О его романтических увлечениях молодости известно не так уж много, зато история его женитьбы на двоюродной сестре Н.А. Сатиной совершенно неординарна, поскольку разрешение на брак дал сам император.

Последние двадцать пять лет жизни Сергей Васильевич провел в Соединенных Штатах. Он пользовался колоссальной популярностью, но не было ни одного дня, когда бы он не вспоминал о далекой родине. Уже смертельно больной, он радовался отрадным вестям из России после Сталинградской битвы.

Сергей Васильевич Рахманинов появился на свет 20 марта 1873 года в усадьбе Семеново старорусского уезда Новгородской губернии. Основателем рода Рахманиновых был сын молдавского господаря Стефана IV Иван Вечин, переселившийся в Россию в конце XV века. Сын Вечина, Василий, был прозван Рахманином, что на диалекте вятичей и костромичей, в землях которых он первоначально осел, означало «веселый», «говорливый». Отсюда и происходит фамилия Рахманинов.

Отец будущего композитора, Василий Аркадьевич, штаб-ротмистр лейб-гвардии Гродненского полка в отставке, в молодости воевал на Кавказе. Оставив военную службу,

он, однако, сохранил гусарские повадки — любил кутнуть, кружил голову женщинами, а главное, был завзятым картежником, зачастую проигрывая крупные суммы и делая долги. Став помещиком, он женился на дочери заслуженного генерала П.А. Бутакова. Любовь Петровна слыла женщиной с характером довольно замкнутым и суховатым. Нрав мужа раздражал и пугал ее. Нелады в семье начались довольно скоро, тем не менее, дети у супругов появлялись с завидной регулярностью. Всего их было пять. Сергей — четвертый по счету. Он рос в имении отца Онег, расположенном верстах в пятидесяти от Новгорода на берегу реки Волхов. Через всю жизнь

пронес Рахманинов любовь к неброским, милым его сердцу северным пейзажам.

Необычайная музыкальная одаренность мальчика проявилась очень рано. Родители, и отец особенно, сам весьма одаренный музыкант, понимали, что сыну необходимо учиться. Первые уроки ему давала мать. Уже в четырехлетнем возрасте он довольно бойко играл на фортепиано и читал ноты с листа. «За игру получал конфеты, бумажные рубли,

от чего приходил в восторг», — вспоминал композитор. Однако были и неприятные воспоминания, связанные с музыкой. «В наказание за скверное поведение меня сажали под рояль. Других детей в таких случаях ставят в угол. Сидеть под роялем было в высшей степени позорно и унижительно».

Позднее с Сережей стала заниматься подруга матери, Анна Дмитриевна Орнатская, окончившая Петербургскую консерваторию. Она

очень много дала мальчику. В 1896 году уже взрослый Рахманинов посвятит ей один из своих лучших романсов «Вешние воды» на стихи Тютчева.

Мальчик подрастал. Отец мечтал о Пажеском корпусе для него, однако для этого нужны были средства, а их, увы, не было. Василий Аркадьевич хозяйственными делами не занимался, зато много времени проводил за карточным столом. Имение приходило в упадок, семья шла к разорению. Сначала с торгов ушло Се-

бя, перестала уделять сыну достаточно внимания. Сережа часто и подолгу жил у своей тетки со стороны отца М.А. Трубниковой. Там с ним обращались тепло и ласково, но воспитанием по-настоящему не занимались. Сережа обожал свою бабушку, Софью Александровну, но она в Петербурге бывала лишь наездами.

Между тем, мальчик рос сорванцом. У него была своя жизнь, которая с консерваторией была связана очень мало. С утра он напрямик на-

На экзамене в консерватории за сочиненные им фортепианные пьесы Сергей получил высший балл. Он видел, как Петр Ильич Чайковский, взяв экзаменационный лист, что-то вписал в него, а уже позднее узнал, что к пятерке с плюсом, поставленной экзаменационной комиссией, Чайковский прибавил еще три плюса — сверху, снизу и сбоку.

меново, где родился Сережа, затем та же судьба постигла Онег. О военной карьере для Сережи пришлось забыть. Было решено отдать его в младший класс Петербургской консерватории, и вскоре семья переехала в столицу. Впечатлительный мальчик тяжело привыкал к новой жизни. Чувство неуютта усиливалось тяжелыми раздорами между родителями, которые, в конце концов, привели к полному разрыву. Любовь Петровна все больше уходила в се-

правлялся на каток. «Я стал очень хорошим конькобежцем, но никогда и не приближался к консерватории», — вспоминал Сергей Васильевич. Вторым его любимым развлечением стала езда на подножке конки, куда он запрыгивал и соскакивал на полном ходу, рискуя попасть под другой экипаж. Проводя время таким образом, Сережа успевал благодаря своим способностям только по музыкальным предметам, завалив все общеобразовательные.

До поры до времени он решал эту проблему довольно просто, переправляя в зачетной книжке единицы на четверки. Весной 1885 года после трех лет обучения перед ним реально маячила угроза отчисления. После семейного совета расстроенная мать решила перевести его в московскую консерваторию и отдать подростка в руки опытного педагога Николая Сергеевича Зверева. В этом человеке уживались депот и добряк, сумасброд и человек широкой души. Зверев сумел оценить выдающуюся одаренность мальчика и направить его развитие по верному пути. Сергей вместе с двумя другими учениками жил у Зверева дома на полном пансионе практически бесплатно. Зарабатывал Зверев в основном частными уроками. К своим «зверяткам», как называли его воспитанников в консерватории, он относился почти с отеческой заботой. Учили их не только музыке, но и иностранным языкам. По воскресеньям ребята ездили на уроки танцев. Не пропускали и премьер в Большом и Малом. Зверев позволял им пользоваться своей богатейшей библиотекой. Дом его посещали известные музыканты, писатели. Часто бывали А.С. Аренский, С.И. Танеев, наведывался и П.И. Чайковский.

За три года у Зверева Сергей повзрослел, стал сдержанным, довольно замкнутым. Уже в то время игра Рахманинова отличалась высокой артистичностью. Феноменальная музыкальная одаренность, исключительный слух и память по-

зволяли ему выучивать труднейшие произведения за необычайно короткий срок.

В 1868 году он перешел на старшее отделение консерватории и был зачислен в класс гармонии замечательного музыканта А.С. Аренского сразу на второй курс. На экзамене в конце года за сочиненные им фортепианные пьесы он получил высший балл. На следующий день произведения Рахманинова прослушал Чайковский. Сергей видел, как Петр Ильич, взяв экзаменационный лист, что-то вписал в него. Позднее он узнал, что к пятерке с плюсом, поставленной комиссией, Чайковский прибавил ее три плюса — сверху, снизу и сбоку.

На следующий год Сергей попал в класс Танеева, преподававшего контрапункт. Его все больше манила тайна композиции. Однако сочинительство требовало сосредоточенности и уединения, которых ему не хватало. Юноша попросил Николая Сергеевича предоставить ему отдельную комнату с роялем. Поначалу беседа протекала совершенно мирно, однако какое-то замечание Сергея неожиданно взорвало вспыльчивого Зверева, и он швырнул в своего ученика первым попавшимся под руку предметом. На следующий день молодой музыкант собрал свои пожитки и покинул дом учителя.

Оставшись без крова, Рахманинов нашел приют у своей тетки, Варвары Аркадьевны Сатиной. Это радушное, добросердечное семейство стало для него близким на всю жизнь.

*Николай Сергеевич
Зверев со своими
воспитанниками —
Пресманом,
Рахманиновым
и Максимовым*

У Сатиных Рахманинов прожил около двух лет. Он много писал в это время, пробуя свои силы в разных музыкальных жанрах, и в ряде его сочинений уже заметно проступали черты самобытной творческой индивидуальности. Особенно плодотворными были два лета, 1890 и 1891 годов, проведенные им в имении Сатиных Ивановке Тамбовской губернии. Именно там молодой композитор закончил свой Первый кон-

церт для фортепиано с оркестром. В Ивановке эти два лета гостили родственницы Сатиных — семейство Скалон, мать с тремя дочерьми. Со старшей, Натальей Дмитриевной, Татушей, как называли ее близкие, у Рахманинова, по мнению некоторых биографов, был юношеский роман. Татуша, кстати, была на четыре года старше семнадцатилетнего Сергея. В сохранившейся переписке молодых людей имеются

намеки на нежные чувства, но ничего явного и определенного. Уже тогда Сергей Васильевич отличался исключительной скрытностью. И в дальнейшем жизнь его сердца для других всегда будет за семью печатями.

В середине марта 1892 года Рахманинов получил экзаменационное задание сочинить одноактную оперу по поэме Пушкина «Алеко». Либретто написал один из будущих основателей Московского Художественного театра Н.И. Немирович-Данченко. Работал молодой композитор со страстью. Такой окрыленности он еще никогда не испытывал. Скорость, с которой он создал «Алеко»,

Получив золотую медаль, Сергей распрощался с консерваторией. Началась самостоятельная жизнь. Он нуждался. Не имел даже плохонького пальто. Уроки, которые приходилось давать, отвлекали от творчества и превращались в тягостное испытание. Тяжелой для Рахманинова была его бытовая неустроенность, необходимость скитаться по чужим углам, мешавшая ему сосредоточиться на работе. Тем не менее, в эти месяцы он создал пять фортепианных сочинений. Одно из них — Прелюдия до-диез минор — со временем станет одним из самых знаменитых произ-

С палочкой дирижера перед оркестром Рахманинов буквально завораживал зрителей. Но еще больше потрясало его несравненное мастерство пианиста-исполнителя. Очевидцы описывали его руки как совершенные образцы скульптуры: кисти большие, сильные, пальцы длинные, мягкие, эластичные... «Он довольно свободно мог играть двойные терции в двух октавах одной рукой», — вспоминали его друзья-музыканты

была поистине фантастическая — менее двух недель. За свое сочинение, исполненное перед комиссией, он получил пять с плюсом. Тут же в зале к нему подошел Зверев, обнял, расцеловал, вынул из жилетного кармана золотые часы и подарил на память. Рахманинов хранил этот подарок всю жизнь.

ведений в мировой музыкальной культуре. В конце апреля 1893 года состоялась премьера «Алеко». Как только опустился занавес, с первыми же хлопками в директорской ложе поднялся П.И. Чайковский. Зная, что его заметят, он бурно аплодировал. Публика требовала автора. Когда зрители увидели совсем молодого

го человека, овации усилились еще больше.

Весной 1894 года Рахманинов начал преподавать в Мариинском, а затем в Екатерининском и Елизаветинском институтах. Он давно мог бы зарабатывать концертами, но давать уроки было для него как-то привычнее. Тем не менее, мысль о том, что

он так и останется на всю жизнь учителем, вгоняла его в дрожь. И вот неожиданная удача — он получил приглашение от С.И. Мамонтова, известного предпринимателя и мецената, основателя и владельца Русской частной оперы. Впервые в жизни Рахманинов встал за дирижерский пульт. Он дирижировал операми

*Наталья
Александровна
и Сергей
Васильевич
Рахманиновы*

Даргомыжского, Римского-Корсакова, Глюка, Бизе, Сен-Санса.

В те годы Рахманинов познакомился с Федором Шаляпиным, тогда еще молодым, не очень известным певцом, и эта встреча связала их на всю жизнь. Они быстро подружились. В июле 1898 года из Италии приехала невеста Федора Ивановича, балерина Иола Торнаги, и в церкви села Гагино, неподалеку от Путятина, состоялось венчание. Рахманинов был шафером жениха и держал над его головой венец, впрочем, до конца церемонии он выдержать не сумел — у него онемели руки, и он надел венец на голову друга.

Следует сказать, что работа в театре Мамонтова в известной мере

была связана с творческим кризисом, который композитор переживал после провала его Первой симфонии весной 1897 года. Депрессия сопровождалась сильными невралгическими болями. Однако время шло, и Сергея Васильевича снова потянуло к творчеству. Сочетать сочинительство с работой дирижера было невозможно, и Рахманинов принял решение уйти из театра Мамонтова. Окончание творческого кризиса многие биографы связывают с именем Н.В. Даля, известного невропатолога и гипнотизера. Его сеансы принесли композитору большую пользу, вдохнув в него новые силы. Не меньшую роль сыграла и встреча, происшедшая в конце

1898 года в доме доктора. Именно там Сергей познакомился с его дальней родственницей. Долгое время ее имя оставалось неизвестным. Помог нотный альбом, подаренный ею Рахманинову. В нем записан отрывок фортепианной фантазии, посвященной некой Delmo. Лишь гораздо позже удалось установить, что за этим сокращением скрывается имя — Даль Елена Морицевна — «D-el-mo». Был ли между молодыми людьми полноценный роман, и когда он закончился, до сих пор неизвестно.

Тайной для исследователей остаются и отношения Сергея Васильевича с Марией Шаталовой, экономкой семьи Сатиных. Все звали ее Мариной. Поговаривали, что у них был роман. Такие же слухи распространялись о Рахманинове и одной из сестер Сатиных — Софье Александровне. Обе молодые женщины были внешне весьма привлекательны.

А потом... Потом Сергей Васильевич удивил всех. Он сделал предложение своей двоюродной сестре Наташе Сатиной, которая была самым верным, самым бескорыстным его товарищем. Как заметила одна из родственниц, «Наташа выстрадала своего Сережу». Предложение было сделано, но препятствием стало их близкое родство. Для священника обвенчать двоюродных брата и сестру означало рисковать своим положением. Поэтому решили, что венчать их будет полковой священник, поскольку он подчинялся военному ведомству, а не Синоду. Ну а

прошение государю на разрешение брака нужно было подать в момент обряда, а никак не до него. Ведь при отказе уже никакой священник их не обвенчает. Венчание состоялось 29 марта 1902 года в Москве в церкви Шестого гренадерского Таврического полка. После церкви отправились к родственникам, где их ждала закуска и шампанское. Туда и подошло сообщение о том, что император начертал на прошении: «Что Бог соединил, человек да не разлучает».

Молодые переоделись и отправились на вокзал. Их ждала Европа — Австрия, Италия, Швейцария, Германия. Впечатлений от поездки было много. После возвращения родители Наташи подарили им флигель в Ивановке. В мае 1903 года у них родилась дочь Ирина. В том же 1903 году Рахманинов закончил работу над «Вариациями на тему Шопена», а затем, одну за другой, сочинил девять прелюдий (ор.23). В истории музыки эти произведения ожидала замечательная будущность.

Еще в конце 1901 года композитор завершил работу над своим Вторым концертом для фортепиано с оркестром, который обессмертил его имя. Впервые он исполнил этот концерт в Москве в том же 1901 году. А в Петербурге сыграл его в ноябре 1903 года.

В течение второй половины 1904 года Рахманинов поставил в Большом театре ряд опер крупнейших русских композиторов и завоевал репутацию выдающегося дирижера. Он также завершил работу над пар-

титурой оперы «Скупой рыцарь» на тему одноименной «маленькой трагедии» А.С. Пушкина, а чуть позже — и оперы «Франческа да Римини»

В 1907–1909-х годах Рахманиновы жили в Дрездене, а на лето приезжали в Ивановку, где Сергей Васильевич лечился от «нервов» и пил кумыс. Там, в Ивановке, и родилась у супругов дочь Татьяна.

В те годы Рахманинов много гастролировал, сначала в Англии, а затем в Соединенных Штатах. За довольно короткий срок он дал там 26 концертов. Американцы были поражены его искусством дирижера. С палочкой дирижера перед оркестром он буквально завораживал зрителей. Но еще больше потрясало его несравненное мастерство пианиста-исполнителя. Очевидцы описывали его руки, будто совершенные образцы скульптуры: кисти большие, сильные, пальцы длинные, мягкие, эластичные. Сочетание величины и гибкости было уникальным: «Он довольно свободно мог играть двойные терции в двух октавах одной рукой», — вспоминали его друзья-музыканты. Посадка у него тоже была своеобразная. Рахманинов был очень высокого роста, под роялем ноги не уместались, и приходилось сидеть, расставив колени, и не на краешке, а на всем стуле. Те, кто сидел близко, слышали, как он себе подпевал, а когда рокотали басы, громко рычал.

Февральскую революцию 1917 года Сергей Васильевич встретил с воодушевлением. Принимал участие

в благотворительных концертах, но затем события стали приобретать тревожный характер. В Ивановке крестьяне косо смотрели на господ. «Уезжай, барин, лучше от греха», — советовали старики. Во время Октябрьской революции семья находилась в Москве. В квартире было холодно, темно, неуютно. Сергей Васильевич поговаривал об объезде на юг, но в конце ноября неожиданно получил из Стокгольма официальное предложение дать несколько концертов в Скандинавии. Шаляпин прислал доброе прощальное письмо, белый хлеб, икру.

Для «странствующего музыканта» Скандинавия была тесновата, в Европе же еще продолжалась война, и Рахманинов принял приглашение ехать в США. С концертами он разъезжал по всей стране. У него даже появился свой вагон, где стояло пианино фирмы «Стейнвей», имелись спальня, повар и служащий. Но со временем чувство комфорта сменилось отвращением к жизни на колесах, и он предпочел останавливаться в отелях. Рахманинова все больше тянуло к тем, кто прибывал из России. Он нанял русскую прислугу, у него был русский секретарь. Когда в начале 1923 года в США с гастролями приехал Московский художественный театр, он устроил несколько приемов и с упоением слушал рассказы Москвина, стихи в исполнении Качалова, беседовал со Станиславским.

Однако особенно оживлялся Сергей Васильевич во время приездов

к нему Шаляпина. Милого друга Феденьку за пристрастие к шуткам, озорству, розыгрышам, фантастическим историям он любовно называл «дуроломом». Талантом его восхищался безмерно. Как-то Федор Иванович исполнил «Очи черные», и Рахманинов потом вспоминал: «Ведь как он вздохнул, подлец, как он всхлипнул: «Вы сгубили меня...» Вот,

думаю, одарил тебя Господь через меру».

Рахманинов помогал многим русским, среди прочих — И.А. Бунину, племяннику А.П. Чехова — велико-лепному актеру Михаилу Чехову.

Всем близким друзьям Сергея Васильевича было хорошо известно о его страстном увлечении автомобилями. Началось это увлечение еще

*Сергей
Рахманинов
и Федор
Шляпин*

в 1912 году, когда молодой композитор приобрел себе «Лорен-Дитрих», который он ласково именовал «Лорелея», «Лора». Водить он научился быстро, и порой делал это даже с известной долей лихачества. Особенно любил он гонять по проселочным дорогам Тамбовщины, близ Ивановки. Уже в Штатах Сергей Васильевич ездил на «кадиллаке», «паккарде» и других дорогих марках. Экзамен на права в Америке он сдал довольно легко. Впрочем, и у него иногда случались «проколы». Однажды к нему в его дом под Лос-Анджелесом заехал сын Шляпина, Федор. Он объ-

яснил, что едет в Лос-Анджелес оплатить штраф за то, что «проехал на красный свет». Рахманинов оживился: «Вот и я попался — тоже на красный проехал». Отправились платить вместе.

Сергея Васильевича в Штатах очень ценили. Трижды приглашали играть в Белом доме для президента. Вообще концертный сезон Рахманинова делился на две части. Обычно первую, более продолжительную — с октября по февраль, он проводил в Америке, затем уезжал с женой в Европу, где гастролировал в Англии, Бельгии, Голландии, Сканди-

навии, Германии. Заканчивался сезон в Париже. Оттуда Рахманиновы отправлялись в Швейцарию.

В 1930 году композитор с женой гостил у своего старинного друга

своих имен (Сергей и Наталья) и добавив начальную букву фамилии. Постепенно стали подниматься стены и своды дома. Выстроенный в стиле модерн, он вскоре заслужил

Летом 1939 года Сергей Васильевич писал из своего любимого швейцарского имения Сенар одному из друзей:

«Когда выглядывает солнце, я хожу по саду и думаю — Боже, как хорошо... если не будет войны». Увы, всем уже было понятно, что война неизбежна. За неделю до ее начала Рахманиновы вместе с дочкой Ириной и внучкой отплыли из Швейцарии в Нью-Йорк. Узнав там, что немецкие войска вторглись на территорию России, он страшно переживал и начал давать концерты, сбор от которых шел на медицинскую помощь Красной армии. Победа под Сталинградом его чрезвычайно обрадовала, но к тому времени он был уже серьезно болен...

Оскара фон Ризимана в его швейцарском доме на берегу Люцернского озера. Гуляя по окрестностям Фирвальштетского озера, Рахманинов был поражен сказочной красотой тех мест. Особенно по душе пришлось ему живописное местечко неподалеку от курортного городка Веггис, и он почти сразу же приобрел там участок площадью около двух с половиной гектаров, а в течение всего следующего года активно переписывался с архитекторами, изучая проекты своего будущего имения. Назвали его супруги Сенар — соединив первые слоги

славу одной из достопримечательностей этой части Швейцарии.

В 1932 году в Сенаре была выстроена пристань, и Рахманинов купил себе мощную моторную лодку. Особое удовольствие доставляло ему гоняться за прогулочными парходами. Управление лодкой после одного случая, который едва не закончился трагедией, он не доверял никому. Рахманинов катал тогда компанию друзей, среди которых был его импресарио, мистер Иббс. Пристань уже исчезла из виду за мысом, когда Иббсу пришла мысль показать свое искусство управления лодкой.

Рахманинов передал ему руль, а сам сел на скамью с гостями. Но едва он успел это сделать, случилось непредвиденное: Иббс хотел заложить крутой вираж, но лодка закрутилась и стала крениться на левый борт. Рахманинов мгновенно встал, быстрыми шагами подошел к растерявшемуся Иббсу, оттолкнул его и взял руль в свои руки. Борт уже касался воды, тяжелая лодка готова была опрокинуться и накрыть собой пассажиров, но затем выровнялась и легла на обратный курс. Впрочем, этот случай несколько не повлиял на увлечение Рахманинова водными прогулками.

Именно в Сенаре он обрел желанный покой и вдохновение, позволившее ему создать поистине гениальную Третью симфонию и Рапсодию для фортепиано с оркестром на тему Паганини. Она стала основой для балета, поставленного выдающимся балетмейстером М.М. Фокиным, который специально приезжал к Рахманинову в Сенар летом 1937 года.

Лето 1939 года стало последним сезоном, который Сергей Васильевич провел в Сенаре. Одному из своих друзей он писал: «Когда выглядывает солнце, я хожу по саду и думаю — Боже, как хорошо ... если не будет войны». Увы, всем уже было понятно, что война неизбежна. За неделю до ее начала Рахманиновы вместе с дочерью Ириной и внучкой отплыли из Шербура в Нью-Йорк.

Они жили на Лонг-Айленде, где композитор работал над переделкой своего Четвертого концерта. Именно там он узнал, что немецкие войска

вторглись в пределы России. Рахманинов страшно переживал, но надежды не терял. Первого ноября он дал концерт в Карнеги-холле, сбор от которого пошел на медицинскую помощь Красной армии. Затем последовали другие концерты. Известие о победе Красной армии в Сталинградской битве необычайно его обрадовало, но сил у него оставалось все меньше, он был серьезно болен. В феврале 1943 года Сергей Васильевич дал свои последние концерты. На выступлении в Чикаго зал был переполнен, и при выходе на сцену оркестр встретил его тушем, а вся публика встала, приветствуя его. Следующие два концерта он играл уже совершенно больной, так что остальные пришлось отменить.

Его сильно беспокоила боль в боку. В поезде по дороге в Лос-Анджелес пошла кровь из горла, и Рахманинова отвезли прямо в больницу. Были взяты анализы, затем состоялся консилиум. Через два дня его перевезли домой, и профессор, встретившись с женой музыканта, заявил, что у него редкая форма молниеносного рака легких, и никакой надежды на выздоровление нет. По просьбе семьи профессор сказал Сергею Васильевичу, что у него «воспаление нервных узлов». Поверил он в это или нет, сказать трудно. Болезнь прогрессировала так быстро, что даже лечащий врач А.В. Голицын был удивлен. 26 марта вызвали священника для причастия. Сергей Васильевич был уже без сознания. 28 марта в час ночи он тихо

скончался. Отпевали его в маленькой, очень красивой церкви «Иконы Божьей Матери Спасения Погибающих» на окраине Лос-Анджелеса. Гроб был цинковый, чтобы позднее композитора можно было перевезти в Россию. Похороны состоялись 1 июня 1943 года на кладбище в Кенсико под Нью-Йорком.

Весной 1958 года в Москве проходил Первый Международный конкурс пианистов и скрипачей имени П.И. Чайковского. Первая премия среди пианистов была присуждена Вэну Клайберну, который с огромным успехом исполнил Третий кон-

церт Рахманинова. Совершая после конкурса гастрольную поездку, Клайберн побывал в Ленинграде. Там он посетил могилу Чайковского и взял горсть земли, которую вместе с подаренным ему кустом сирени увез в США. На могиле Рахманинова он посадил этот куст, засыпав его землей с могилы Чайковского.

Замечательные слова о Сергее Васильевиче принадлежат его другу, известному музыканту И. Гофману:

«Рахманинов был создан из стали и золота. Сталь — в его руках, золото — в сердце».

Пожалуй, лучше и не скажешь. □

Светлана
Бестужева-Лада

Тихая гроза

На вопрос, когда началась Вторая мировая война, правильный ответ могут дать очень немногие. Считается, что с 1 сентября 1939 года.

Гитлер и возглавляемая им партия национал-социалистов к этому времени достигли в Германии пика популярности. Практически все страны Европы были либо оккупированы войсками Третьего рейха, либо превращены в его союзников-саттелитов. Причем все это произошло за считанные годы, без особой шумихи и кровопролитных боев. Они долгие годы не понимали масштабов разразившейся катастрофы, так как делали упор на «советскую угрозу», относясь к фигуре Гитлера с полным равнодушием, если не сказать — пренебрежением. Что, собственно, и определило роковой исход событий для Европы и привело к полномасштабной трагедии новой мировой войны.

Экономический кризис 1929–1933 годов, потрясший всю Европу и Америку, стал уникальной возможностью для малоизвестного политика пробиться во власть. В своих выступлениях перед избирателями Гитлер всячески подчеркивал необходимость взять реванш за унижительный Версальский мирный договор 1919 года, вернуть Эльзас и Лотарингию, богатые углем и сталью, и восстановить возможность создания сильной армии и дальнейшего наращивания ее мощи.

Кроме того, Гитлер выдвинул идею расового превосходства немцев над другими нациями, получившую колоссальную популярность в народе. В результате 30 января 1933 года лидер национал-социалистов стал рейхсканцлером Германии и получил право на формирование нового правительства, которое он пообещал сделать коалиционным.

Забегая вперед, следует отметить, что это обещание он выполнять не собирался и не выполнил, в чем ему существенно помог президент Веймарской республики (так тогда называлась Германия) престарелый Пауль фон Гинденбург. Причина оказания поддержки национал-социалистов президентом была проста: остальные партии импонировали ему еще меньше.

Новый рейхсканцлер, как и президент, был ярким противником демократии, парламентаризма и коммунизма. Но старый и прожженный политик фон Гинденбург даже пред-

ставить себе не мог, какого джинна он выпустил из бутылки. Да и никто тогда этого себе не представлял: к моменту избрания Гитлера рейхсканцлером его партию поддерживало меньше трети избирателей.

Но темпераментные выступления нового лидера за необходимость восстановления растоптанной национальной гордости сделали свое дело. Простым бюргерам почти примитивный подход Гитлера к действительности льстил и был более понятен, чем пропаганда левых сил. Популярность возглавляемой им партии стала взрывной: к 1932 году численность НСДАП выросла с 75 тысяч до 1,5 миллиона, а в феврале 1933 года количество обладателей партийных билетов достигло 12 миллионов.

На досрочных парламентских выборах 1930 года НСДАП завоевала 18,3% голосов, на выборах в рейхстаг в ноябре 1932 года — 33,1%.

Гитлер выступал с банальными идеями, не пытаясь объяснить, какие конкретно меры он готов принять, чтобы сделать жизнь немцев лучше. Он просто виртуозно играл на чувствах социальной несправедливости и превосходства немцев над другими народами.

В этой ситуации жесткая конфронтация социал-демократов и коммунистов Германии тоже играла на руку будущему фюреру. Коммунисты вообще никак не могли определиться в своих действиях: то запрашивали инструкций из Москвы,

то выступали на одной трибуне с соратниками Гитлера и даже поддерживали некоторые их акции.

Почему? Потому что искренне считали, что приход Гитлера к власти должен «ускорить пролетарскую революцию». Риторика рейхсканцлера и тут сработала в его пользу: когда он говорил о социальной несправедливости, с которой нужно немедленно покончить, можно было предположить, что говорит человек, полностью разделяющий идеи коммунистов.

Но 27 января 1932 года в Дюссельдорфе Гитлер выступил перед 300 представителями крупного немецкого бизнеса. Объявленный им экономический курс в общих чертах устраивал бизнес-верхушку, поскольку он даже не заикнулся о бесклассовом обществе и национализации предприятий, а, наоборот, клятвенно обещал сохранить капитализм и обеспечить магнатам наивыгоднейшие госзаказы, да к тому же бесплатную рабочую силу из политзаключенных, число которых в стране неуклонно росло.

Противник коммунистов и ярый антисемит — Гитлер по всем статьям устраивал олигархов. Они рассчитывали — и не без оснований — прибрать к рукам конфискованную в будущем недвижимость и капиталы своих еврейских коллег и предвкушали сверхвысокие прибыли.

В августе 1933 года Гитлер установил однопартийную систему — все остальные партии страны оказались под запретом, и членство в них

жестoko каралось, чаще всего — заключением в концлагерь. Гинденбург умер в августе 1934 года и после этого Гитлер своим указом объединил два самых высоких поста в государстве. Противостоять ему было некому — момент выступления единым фронтом против нацистов был безвозвратно упущен.

США заняли нейтральную позицию, но были готовы поддержать фюрера, считая его меньшим злом, чем «коммунистическая угроза». Великобритания и Франция держались в стороне, не одобряя, но и не порицая того, что происходило за их границами. Но каждый думал при этом только о своей выгоде, о своих внутренних интересах, даже не представляя себе возможности германской агрессии. К тому же у Гитлера нашлись последователи и в самой Европе: Болгария, Румыния, Венгрия, Польша.

Последняя, правда, колебалась, вынашивая планы одновременного (!) нападения на Германию и СССР.

В 1936 году в Испании вспыхнула гражданская война, военные под командованием генерала Франциско Франко выступили против блока Народный фронт, стоявшего во главе страны. Опасаясь перерастания этого внутреннего конфликта в новую европейскую войну, Великобритания и Франция провозгласили политику невмешательства, вступили в контакт с Италией, Германией и Португалией и добились от них обещания не вмешиваться в конфликт. Был

основан международный Комитет по невмешательству, его первое заседание состоялось в Лондоне в начале сентября.

Однако Гитлер и Муссолини, несмотря на свои заверения о неучастии, продолжали снабжать националистов оружием и людьми, причем во все увеличивавшихся количествах. Тогда Советский Союз заявил, что он будет выполнять соглашения о невмешательстве лишь в той степени, в какой это делают Германия и Италия.

И для Германии, и для СССР Испания стала полигоном для испытания нового оружия. А для романтиков практически со всего мира — полигоном для испытания острых ощущений. Интернациональные бригады добровольцев сражались в обоих лагерях, но победу в апреле 1940 года одержал генерал Франко. И при этом, как это ни удивительно, она оказалась единственной европейской страной, державшейся в стороне от сражений Второй мировой войны. У Франко хватило мудрости соблюдать абсолютный нейтралитет, хотя немцы исправно получали через порты Испании нефть из США.

1938 год фактически может считаться началом Второй мировой войны, хотя настоящих военных действий пока еще не было. Но в ночь с 11 на 12 марта германские войска, заранее сосредоточенные на границе, вошли на территорию Австрии и оккупировали ее без единого выстрела, так как австрийские солда-

ты получили официальный приказ не оказывать сопротивления.

Австрия капитулировала. Через несколько дней после этого был опубликован закон «О воссоединении Австрии с Германской империей». Страна получила новое название — «Остмарк», а Гитлер торжественно въехал в Вену, где на выступлении перед множеством собравшихся людей торжественно заявил:

— Я объявляю немецкому народу о выполнении самой важной миссии в моей жизни.

Фюрер по обыкновению лукавил и стремился отвлечь внимание мировой общественности от своих дальнейших планов, которые были куда более грандиозны. В Австрии же все прошло на удивление тихо и гладко, возможно, потому, что большинство австрийцев не имело ничего против союза (даже в таком виде) с сильным и непредсказуемым соседом.

К тому же в стране было немалое количество нацистов, к которым правительство относилось не слишком благосклонно, и которые надеялись на кардинальные улучшения в своей жизни. Католическая церковь также официально поддержала аншлюс, опубликовав соответствующее воззвание к верующим. В результате на апрельском плебисците «да» сказали 99,75% австрийцев, и они были лояльны к Гитлеру вплоть до падения Третьего рейха.

Гитлер получил не только стратегический плацдарм для дальнейших действий в Юго-Восточной

Европе и на Балканах, но и новые источники сырья, людские ресурсы и военные производства, а в состав вермахта были включены шесть австрийских дивизий.

Вдохновленный успехом, он перешел к осуществлению следующей части своего плана: потребовал передачи Германии Судетской области, где проживало 3,25 миллионов немцев. При этом Судеты были только «закуской»: Чехословакия привлекала Гитлера своим выгодным стратегическим расположением почти в центре Европы, богатыми природными ресурсами и развитой промышленностью. Аншлюс в данном случае проходил только с Судетами: умело инспирированные восстания и протесты немецкого населения позволяли захватить область «малой кровью» и присоединить ее к Германии. Затем пришла очередь дипломатов: воевать напрямую Гитлер пока не был готов, а Чехословакия была связана договором о взаимопомощи с СССР и Францией. 7 мая 1938 года послы Британии и Франции посетили МИД Чехословакии. Они поставили чехов перед фактом, что в вооруженном конфликте, который может возникнуть из-за «неуступчивости», помощи Чехословакии не окажут, так как опасаются, что в отместку Германия начнет военные действия против Западной Европы. Кроме того, в помощи Чехословакии было отказано со стороны Венгрии и Польши, которые были заинтересованы в пограничных землях — Сло-

вакии и Закарпатья, а также Румынии и Югославии, подчеркнувших, что на возможный конфликт с рейхом их военные обязательства не распространяются.

Гитлер умело сыграл на желании Европы избежать войны любой ценой: западные политики посчитали, что разумнее пожертвовать Чехословакией, чем подвергать себя риску военного столкновения с Третьим рейхом, и судьба ее была окончательно решена.

В сентябре 1938 года состоялась Мюнхенская конференция — она проходила тайно. В ней принимали участие только премьеры и министры иностранных дел. Германию представлял Адольф Гитлер, Италию — Бенито Муссолини, Великобританию — Невилл Чемберлен, Францию — Эдуард Даладье. Представителей СССР на встречу не пригласили.

В Европе наступила относительная тишина. Но, увы, она продолжалась очень недолго. До утра 15 мая 1939 года, когда немецкие войска без объявления войны (и фактически не встретив какого-либо серьезного сопротивления) оккупировала почти всю территорию Чехословакии, разделив ее на протектораты — Богемию и Моравию. Две области достались Польше, которая посчитала это добрым знаком. Небольшая территория под названием Словакия формально оставалась независимой, но была вынуждена подписать союзный договор с Германией.

Немецкая армия приобрела сорок чехословацких «союзных» дивизий и вооружила столько же своих дивизий захваченным у чехов оружием. Оказалось, что Чехословакия — не откажись она от союза с СССР — вполне могла оказать достойное сопротивление оккупантам и вернуть их в исконные этнические границы, предотвратив тем самым последовавшую катастрофу. Но чешское правительство предпочло не портить отношения с западноевропейскими странами и вовсе не горело жела-

политической карте было занято громадной Австро-Венгерской империей, а двадцать лет для истории вообще не срок.

Над Балканами нависла злоеющая тень: Германия стала фактически господствовать на Дунае.

Тише всего, пожалуй, было в Болгарии, где с 1934 года запретили деятельность всех политических партий вообще, а в 1938 году для подстраховки подписали Договор о ненападении со странами Балканской Антанты — Грецией, Турцией, Румы-

В сентябре 1938 года состоялась Мюнхенская конференция — она проходила тайно. В ней принимали участие только премьеры и министры иностранных дел. Германию представлял Адольф Гитлер, Италию — Бенито Муссолини, Великобритании — Невилл Чемберлен, Францию — Эдуард Даладье. Представителей СССР на встречу не пригласили

нием ввязываться в полномасштабную войну.

Поэтому случилось то, что случилось.

Интересно, что Англия мгновенно прекратила выплату Чехословакии обещанного «послемюнхенского займа», не без причины полагая, что страны, для которой предназначались английские фунты, уже не существует. При этом правительство Франции было полностью солидарно с Англией и предпочло забыть о Чехословакии вообще. В конце концов, еще совсем недавно это место на

нией и Югославией. В марте 1941 года Болгария подписала пакт о сотрудничестве с Германией, после чего окончательно выпала из сферы интересов западноевропейских стран.

В особом положении оказалась в этот период Венгрия — еще один осколок Австро-Германской империи, которая на самом деле была куда древнее этой самой империи и имела многовековую историю и сложившиеся традиции. Стоит напомнить, что помимо Версальского договора существовал еще гораздо менее известный Трианонский дого-

вор, заключенный странами-победительницами с Венгрией после окончания Первой мировой войны. По этому договору Венгрия лишилась двух третей своей территории и нескольких миллионов этнических венгров, не говоря уже о большей части экономической инфраструктуры.

За счет Венгрии Румыния получила Трансильванию и часть Баната, Югославии отошли Хорватия, Бачка и западная часть Баната, венгерские земли получила Чехословакия и Австрия.

Разумеется, Венгрия не собиралась мириться с таким положением дел. Еще в 1920 году, подавив начинавшуюся революцию, к власти в стране пришел бывший адмирал и главнокомандующий австро-венгерского военно-морского флота Миклош Хорти. Он объявил Венгрию королевством, а себя — регентом при... пустом троне, сделав приоритетами в политике страны патриотизм, порядок и стабильность.

Во всех бедах страны Хорти винил коммунистов вообще и СССР в частности. Отношения с СССР так никогда и не были установлены. Основное внимание Хорти уделял возврату утраченных территорий; даже в школах перед началом занятий ученики в обязательном порядке читали молитву о воссоединении родины. И молитва эта, судя по всему, была услышана: после того как произошел аншлюс Австрии, Хорти объявил, что все статьи Трианонского договора

утрачивают свою силу, и впредь Венгрия сосредоточилась формально на укреплении обороноспособности страны, а фактически — на подготовке к новой войне в союзе с Германией, сближение с которой шло стремительными темпами.

Захват и раздел Чехословакии вернул Венгрии южные районы Словакии (около 10 тыс. км²) и юго-западные районы Подкарпатской Руси (около 2 тыс. км²), с населением более 1 миллиона человек. После оккупации всей Чехословакии в 1939 году Подкарпатская Русь, которая объявила о независимости, была оккупирована венгерскими войсками при активной моральной поддержке гитлеровской Германии. Гитлер желал как можно более прочного союза с Венгрией.

Но Хорти пока держался очень осторожно и потребовал у Румынии возвращения Трансильвании только после того, как Советский Союз вернул себе Бессарабию и Буковину в ходе передвижения советских границ на Запад.

Хорти по-прежнему старался оставить Венгерское королевство в стороне от большой европейской войны. Так, 3 марта 1941 года венгерские дипломаты получили инструкцию, в которой говорилось следующее:

«Основной задачей венгерского правительства в европейской войне вплоть до ее окончания является стремление сберечь военные и материальные силы, людские ресурсы страны. Мы любой ценой должны по-

мешать нашему вовлечению в военный конфликт... Мы не должны рисковать страной, молодежью и армией ни в чьих интересах, мы должны исходить лишь из собственных».

Увы...20 ноября 1940 года под давлением Берлина Будапешт подписал Тройственный пакт, вступив в военный союз Германии, Италии и Японии. Венгерская промышленность начала выполнять немецкие военные заказы, в частности, стала производить для Германии стрелковое оружие. В апреле 1941 года венгерские войска приняли непосредственное участие в захвате Югославии.

Держаться в стороне от общего развития событий в Европе не получилось. К июню 1941 года Венгрия имела сильную армию: три полевые армии и отдельный подвижный корпус. Премьер-министр Пал Телеки, который пытался предотвратить втягивание Венгрии в войну, покончил с собой, а Хорти стал верным союзником Третьего рейха.

Румыния выделялась среди остальных восточноевропейских стран прежде всего тем, что открыто призывала создать «Великую Румынию» еще после Первой мировой войны, в которой она сначала сражалась на стороне Германии и захватила Бессарабию. После поражения немцев она перешла на сторону Антанты и, воспользовавшись развалом Австро-Венгерской империи, захватила у венгров Трансильванию.

В дальнейшем Румыния ориентировалась на Францию и сотрудничала

с ней. Но в 1940 году переметнулась на сторону Третьего рейха, начавшего свое победное шествие по Европе. Увы, несмотря на это, захваченные земли пришлось вернуть, и «Великая Румыния» вернулась в прежнее состояние.

28 июня 1940 года Красная армия пересекла границу с Румынией, заняв Бессарабию и Северную Буковину. Большая часть этих территорий вошла 2 августа 1940 года в Молдавскую ССР, часть территории вошла в состав УССР. Этим воспользовалась Венгрия, потребовав вернуть Трансильванию, пришлось отдать половину этой территории — Северную Трансильванию.

В Румынии эти события вызвали политический кризис — с сентября 1940 года власть в государстве перешла в руки правительства маршала Иона Антонеску, который фактически стал полновластным диктатором. При этом формально Румыния оставалась монархией с королем Михаем на троне — фигурой чисто декоративной.

Новое правительство Антонеску присоединилось к Берлинскому пакту 23 ноября 1940 года, планируя восстановить «Великую Румынию» за счет СССР. Румынские политики намеревались не только получить Бессарабию, но и присоединить к стране земли вплоть до Южного Буга, наиболее радикальные считали, что границу надо провести по Днепру и даже восточнее, создав, по примеру Германии, свое

«жизненное пространство», «Румынскую империю».

Гитлер, разумеется, был в курсе этих планов, но вовсе не собирался оказывать Румынии содействие в их осуществлении. Ему были нужны спокойный тыл и солдаты, которых готова была предоставить Румыния для войны с СССР. Не претендуя на оригинальность, в Румынии объявили эту войну «священной». Румынским солдатам и офицерам было сообщено, что они выполняют свою

ны планы «Великой Румынии» — в нее должны войти Молдавия, Приднестровье, есть у Румынии территориальные претензии к Украине.

История, как это часто бывает, повторяется.

Польше, как и другим восточно-европейским странам, пришлось пережить немало трудностей после Первой мировой войны, да к тому же начинать фактически с нуля, поскольку официально такого государства не существовало: терри-

Тише всего, пожалуй, было в Болгарии, где с 1934 года запретили деятельность всех политических партий вообще, а в 1938 году для подстраховки подписали Договор о ненападении со странами Балканской Антанты — Грецией, Турцией, Румынией и Югославией. В марте 1941 года Болгария подписала пакт о сотрудничестве с Германией, после чего окончательно выпала из сферы интересов западноевропейских стран

историческую миссию для «освобождения своих братьев» (подразумевалась Бессарабия), защищают «церковь и европейскую цивилизацию от большевизма». Выполнять эту миссию должны были почти 350 000 солдат и офицеров — две армии, присоединившиеся к войскам Вермахта.

После окончания войны Румыния практически добровольно избрала путь социалистического развития в тесном сотрудничестве с СССР.

Но в настоящее время в стране опять идут активные процессы роста национализма, реабилитирова-

тории Польши были княжеством в составе Российской империи. А после ее падения пришлось воевать за независимость с большевиками, которые вовсе не поддерживали идею воссоздания новой Речи Посполитой.

Советские войска даже дошли до Вислы и оказались в пригородах Варшавы. Однако польская армия провела успешное контрнаступление и дошла до Минска. В 1921 году был заключен Рижский мирный договор. За Польшей закреплялись западные области Украины и Белорус-

сии. Той же осенью войска маршала Пилсудского захватили Вильнюс. Таким образом, Вторая Речь Посполитая устанавливала свою власть в регионах, где польский язык был основным или распространенным среди ее жителей.

После установления порядка в Варшаве был создан Регентский совет во главе с лидером Польской социалистической партии и национальным героем Юзефом Пилсудским. Своим относительно быстрым восстановлением Польша обязана именно ему — блестящему политику и дипломату.

Почти сразу последовало международное признание независимости Польши и легитимности ее властей. Среди поддержавших Пилсудского оказались США, Франция, Англия и Италия. 20 февраля Законодательный сейм назначил его верховным вождем.

В 1932 году был заключен пакт о ненападении с Советским Союзом, а его граница с Польшей согласована и урегулирована. Аналогичный договор республика подписала с Германией в 1934 году.

Однако Пилсудский считал эти договоры ненадежными: он не доверял коммунистам, еще меньше нацистам, пришедшим к власти в Германии, и ориентировался на Великобританию и Францию, в которых видел залог стабильности. Но довести начатое до конца не успел. Пилсудский скончался 12 мая 1935 года. Из-за смерти маршала в первый

и последний раз за историю Второй Речи Посполитой был объявлен национальный траур.

В межвоенный период Польша была многонациональной страной. Под контролем Речи Посполитой оказались территории, которые присоединялись в основном в ходе военных завоевательных кампаний в соседних государствах. Поляков в стране было около 66%. Особенно мало их было на востоке Речи Посполитой.

Сейчас почти забыто то, что в сентябре 1938 года Польша предъявила Чехословакии ультиматум с требованием вернуть Тешинскую область и захватила ее, не дожидаясь ответа и умело воспользовавшись Судетским кризисом. Поляки лелеяли мечту о восстановлении сильной и процветающей Речи Посполитой «от можа до можа», да к тому же вынашивали планы внезапного нападения на Германию с последующим присоединением ее территорий.

Увы... В марте 1939 года Германия потребовала от Польши вернуть Гданьск (Данциг) и обеспечить коридор в Восточную Пруссию. В Варшаве все претензии гордо отвергли, готовясь нанести сокрушительный удар по Третьему рейху. Тем более что 28 марта Гитлер разорвал пакт о ненападении между Германией и Польшей.

В августе Третий рейх заключил договор с Советским Союзом. Секретный протокол документа включал соглашение о разделении Восточной Европы на сферы влияния.

Германия и СССР получали по своей половине Польши.

1 сентября 1939 года войска нацистской Германии перешли через немецко-польскую границу. Правительство страны бежало в соседнюю Румынию. Польская армия была значительно слабее немецкой, что предопределило быстротечность кампании. Кроме того, 17 сентября советские войска вошли в восточную Польшу. Вторая Речь Посполитая перестала существовать, осталось только ее «правительство в изгнании» со штаб-квартирой в Лондоне. Второй раз за свою многовековую историю Польша исчезла с политических и географических карт Европы.

Ровно за год до того, как войска Вермахта напали на СССР, практически без боя капитулировала Франция, подписав соответствующий договор. Как только началось наступление германских войска, французское правительство и командование запаниковало. Французские и английские армии начали отступление из Бельгии.

Под угрозой уничтожения оказались зажатые под городом Дюнкерком 18 французских, 12 бельгийских и 10 британских дивизий. Под непрерывной бомбардировкой немецкой авиации удалось вывезти почти 140 тысяч английских и 139 тысяч французских и бельгийских военнослужащих.

10 июня, когда исход войны был уже очевиден, Италия объявила

Франции войну, нанеся удар в спину уже лежащему противнику.

Французское правительство не видело смысла защищать столицу и спешно эвакуировалось на юг. За ним двинулась большая толпа беженцев и отступающих войска. 14 июня германские армии вступили в Париж.

Эта война получила название «молниеносной», поскольку французы решительно не были к ней готовы и фактически не оказали никакого сопротивления. Их энергии хватило лишь на то, чтобы бежать из оккупированной части страны в неоккупированную и ждать там «лучших времен».

Могут сказать: но было же сопротивление, знаменитые «маки». Вспомнят про легендарную эскадрилью «Нормандия-Неман». Все так, но на стороне Гитлера против СССР спустя год воевало в разы больше французов, чем находилось в Сопротивлении. Об этом историки предпочитают хранить молчание.

Югославия должна была, по замыслу Вермахта, разделить судьбу остальных восточноевропейских государств. Были использованы все рычаги давления на Белград: от экономических до этнических, то есть активной деятельности немецкой общины в Югославии. В октябре 1940 года было подписано германо-югославское торговое соглашение, которое усилило экономическую зависимость Югославии от Германии.

Следующим шагом было присоединение к Тройственному пакту:

за это Белграду предлагали греческий порт Салоники. Под сильным давлением Германии югославское правительство приняло решение присоединиться к Тройственному пакту, но с целым рядом значительных уступок: Берлин обязывался не требовать от Югославии военной помощи и права пропуска войск через ее территорию. 25 марта 1941 года в Вене был подписан протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту.

Традиционный сценарий был сломан совершенно неожиданной для обеих сторон реакцией не только простых югославов, но и значительной части элиты, включая военных. Подписание пакта было расценено как предательство национальных интересов. По всей стране начались акции протеста с лозунгами: «Лучше война, чем пакт!», «Лучше смерть, чем рабство!», «За союз с Россией!»

По всей стране начались многотысячные демонстрации и митинги протеста против подписания договора. Только в Белграде в них участвовало около ста тысяч человек, разгромивших немецкое информационное бюро. В результате часть военной верхушки, связанной с политической оппозицией и британской разведкой, решила произвести военный переворот.

В ночь на 27 марта 1941 года, опираясь на офицеров-единомышленников и части военно-воздушных сил, снятый с поста глава ВВС

и Генштаба Югославии Душан Симович совершил государственный переворот и отстранил от власти князя-регента Павла. На королевский трон посадили 17-летнего Петра II. Сам Симович занял пост премьер-министра Югославии, а также должность начальника Генштаба.

На следующий день Германия подписала директиву о нападении на Югославию. В ней указывалось, что «военный путч в Югославии вызвал изменения в военно-политической обстановке на Балканах, и что Югославия даже в том случае, если она сделает заявление о своей лояльности, должна рассматриваться как противник и ее необходимо разгромить».

Совершенно неожиданное для Германии сопротивление страны, совсем недавно ставшей самостоятельным государством, вызвало изумление, смешанное с яростью. Гитлер уже привык к фактической вседозволенности.

6 апреля 1941 года гитлеровская Германия напала на Югославию. Вместе с германскими армиями (46 дивизий) действовали 25 итальянских, венгерских и болгарских дивизий. По личному приказу Гитлера Белград подвергся беспощадной бомбардировке. Противостоявшие им силы были несоизмеримо слабее. Германские танковые дивизии провалили югославские линии и 10 апреля установили контакт с итальянскими войсками в Албании. Германо-венгерская группировка,

вторгшаяся с севера, 12 апреля заняла Белград.

Остатки югославской армии в беспорядке отступили к Сараево, где 17 апреля капитулировали. Правительство Симовича вместе с королем бежало из страны. Гитлеровское командование, сокрушившее превосходящими силами югославскую армию, оценило кампанию как военный парад.

Однако трудности захватчиков только начинались: поражение королевской армии было не концом, а началом сопротивления югославского народа. В стране уже с первых дней оккупации возникло партизанское движение. И это тоже было неприятным сюрпризом для фашистской Германии, привыкшей к абсолютному подчинению аннексированных территорий.

Почти одновременно было начато наступление на Грецию. Прорыв германских дивизий после непродолжительных боев привел к их выходу в тыл основной группировке греческих войск, которая 21 апреля капитулировала. 27 апреля германские войска вступили в Афины. Находившийся в Греции 53-тысячный британский экспедиционный корпус был в спешном порядке эвакуирован, причем англичане даже не предприняли попытки сопротивления захвату Греции.

Одновременно с кампанией на Балканском полуострове развернулось наступление держав «оси» в Северной Африке, в котором приняли

участие прибывшие туда германские войска под командованием Роммеля. Англичане в считанные дни потерпели серьезное поражение и были далеко отброшены на территорию Египта.

Практически до конца тридцатых годов, а фактически — до подписания мюнхенского договора, Европа жила в атмосфере надвигающейся грозы. Удушливая тишина, раскаты далекого грома, сгущающаяся тьма... Все еще вполне можно было исправить, Гитлера можно было остановить на любом этапе его возвышения, отказаться от привычного образа «красной угрозы» и сплотиться перед лицом другой опасности. Если бы было такое желание.

Но его, по-видимому, не было.

К триумфу Гитлера привело поразительное переплетение множества факторов, создавших по-настоящему уникальный в мировой истории прецедент. Немаловажную роль сыграли нейтральная позиция США, противоречия европейских держав и СССР. Великобритания, Франция и Соединенные Штаты были готовы идти на уступки фюреру, считая, что он является форпостом на пути «красной чумы».

Но так ли уж важен цвет чумы во время эпидемии?..

P.S. Было бы ошибкой возлагать развязывание Второй мировой войны исключительно на Гитлера и нацистскую Германию. Англия тоже

внесла в это дело более чем весомый вклад, хотя об этом говорить как-то не принято.

В январе 1927 года Черчилль провел неделю в Риме в гостях у Муссолини. О своих впечатлениях он сообщил на пресс-конференции:

«Я не мог не быть очарованным, как многие другие, синьором Муссолини... Если бы я был итальянцем, то убежден, что сначала до конца был бы всем сердцем в вашей победоносной борьбе против... лениниз-

о так называемом «визите дружбы» Рудольфа Гесса в Англию 10 мая 1941 года. Британцы, как огня, боятся даже предположений, что тогда Гитлеру и Черчиллю удалось договориться о том, что западные союзники не станут высаживаться в Европе после нападения Германии на СССР, более того, будут как можно дольше откладывать высадку десанта.

Если США и Великобритания вели сепаратные переговоры с Гер-

Все еще можно было исправить, Гитлера можно было остановить на любом этапе его возвышения, отказаться от привычного образа «красной угрозы» и сплотиться перед лицом другой, настоящей опасности. Если бы было такое желание. Но его, по-видимому, не было, европейские страны были готовы идти на любые уступки фюреру, считая, что он является форпостом на пути «красной чумы». Но так ли важен цвет чумы при эпидемии?..

ма... С точки зрения внешней политики, фашизм оказал услугу всему миру... Он является необходимым противоядием русскому яду».

Летом 1934 года Британия заключила англо-германское соглашение, ставшее одной из основ британской политики по отношению к Третьему рейху, а к концу 30-х годов Германия превратилась в основного торгового партнера Англии.

Но Великобритания на этом не остановилась: до сих пор остаются засекреченными материалы

манией в марте-апреле 1945 года, что мешало им заниматься тем же самым в преддверии нападения Гитлера на СССР? Тем более что такие переговоры были бы вполне логичным продолжением политики США и Великобритании, последовательно допустившим занятие Гитлером Рейнской области в 1936 году, аншлюс Австрии в 1938 году и оккупацию Чехословакии в том же году, после заключения Мюнхенского соглашения. □

Руслан Трушкин

«Не пациенты для нас, а мы — для пациентов»

Я до сих пор помню, какое впечатление произвел на меня много лет назад конвейер ленинградского Кировского завода, с которого плавно съезжали огромные тракторы К-700, позже вызвали восхищение конвейеры автогигантов, разливные цеха «Кока-Колы» и корейские судостроительные верфи Хендай. Это действительно настоящие достижения человеческого разума и упорного труда.

Но есть еще более удивляющие, если не сказать больше, конвейерные линии — современные многопрофильные больницы. Это сегодня, в каком-то смысле, конвейеры по исцелению и спасению жизней. И, в отличие от верфей, цехов разлива и прочих производств, гораздо более сложные. Там достижения и успех разовые — спроектировали, собрали, а дальше все просто — одни и те же материалы и комплектующие, роботы собирают, сваривают, завинчивают... Изодня в день — одно и то же, эффективно, но скучновато.

В больнице же нет повторяющихся «исходных материалов», каждый пациент — это загадка, требующая индивидуального, эксклюзивного к себе отношения. Конечно, на первый взгляд, кощунственно называть больницу конвейером, но если иметь в виду, что в отделении урологии 52-й московской больницы оперируют 7 дней в неделю, 24 часа в сутки — причем, в среднем, по 15 операций, — то в какой-то степени допустимо.

Наш корреспондент Денис Логинов вместе с заведующим отделением урологии больницы №52 города Москвы Русланом Николаевичем Трушкиным пытался понять, каково нынче трудиться в современной лечебнице.

— Руслан Николаевич, в 1972 году в Москве родился мальчик, которого назвали красивым и воспитаным Александром Пушкиным именем Руслан. Папа — чиновник, мама — учитель в младших классах. А вы, наверное, уже с детства мечтали стать доктором и целенаправленно шли к этому? Подтверждение тому — сегодня вы — заведующий ведущего отделения одной из самых крупных больниц столицы и один из самых уважаемых в Москве хирургов.

— Не совсем так. В детстве я действительно мечтал стать доктором, но, поступив в спортивную школу, серьезно увлекся водным поло, и теперь уж не помню, кем хотел бы стать в те годы. Мне очень нравились биология и химия. В старших классах, размышляя о том, где учиться дальше, понимал, что я — совершенно не технический человек и не

чистый гуманитарий, а вот все, что связано с живой природой, мне было интересно, и как-то незаметно я увлекся книгами по физиологии человека. А решение о поступлении в медицинский институт пришло уже в выпускном классе.

Поскольку среди моих родственников нет ни одного медика, у меня было весьма поверхностное представление, в какой из трех московских медицинских вузов поступать, знал только, что третий мед — это стоматологи, второй — терапевты, стало быть, первый — хирурги. А я к тому времени решил стать именно хирургом. В 1989 году, после окончания 484-й школы, отвез документы в Первый Московский Государственный медицинский институт и успешно поступил, хотя там был самый высокий конкурс, (кстати, только в ходе вступительных экзаменов узнал, что специальность хирурга можно было получить в любом из них).

Хирург Руслан Трушкин, операционная сестра Ирина Косенкова, и ассистенты хирурга — врачи Николай Щеглов (слева) и Теймир Исаев

После окончания вуза с сентября 1996 года начал работать в больнице № 7, где было очень много хирургии, в том числе поступлений от «Скорой помощи», да и больница была современная. А что еще нужно молодому хирургу — как можно больше оперировать. Как-то мой друг и однокашник Александр Васильевич Мартюшев, который распределился в больницу № 52, позвонил мне и, сказав, что у них появилась вакансия хирурга, начал, что называется, агитировать меня перебраться сюда. В конце концов, убедил. Взвесив все за и против, особенно после встречи с заведующим отделением урологии Александром Ивановичем Макуровым, я все-таки принял решение о переходе. О чем нисколько

не жалею. И с ноября 1996 года работаю здесь, в 52-й больнице. Сначала трудился врачом приемного отделения, плюс на волонтерских основаниях, то есть без оплаты, вел пациентов в стационаре, делал операции. Я считал, что мне нужно как можно лучше и быстрее набираться опыта, поэтому работал круглыми сутками, причем с большим желанием.

— Но не только работали и работаете, но и занимаетесь наукой. Успешно защитили кандидатскую диссертацию. Можете ли сказать хотя бы несколько слов о ней?

— В нашей больнице самая большая нефрологическая служба в России, поэтому к нам поступают пациенты и из других регионов. Конечно,

работая с ними, я видел, что есть некоторые темы, которые еще недостаточно освещены (не описаны). А это именно наш профиль, мы с этим работаем, у нас есть опыт, так что, по сути, диссертация стала изложением моего личного опыта. Образно говоря, она была сделана, не отходя от рабочего места.

— Ваше отделение самое загруженное в больнице?

— Одно из самых загруженных.

— Даже проведя всего несколько часов в отделении, понимаешь, что у вас все четко отработано и организовано. Больных везут на операцию, потом возвращают в палаты, процедурные сестры ставят капельницы, делают уколы и перевязки, берут кровь на анализы и при этом не забывают утром и вечером измерить температуру, отправляют, в случае необходимости, сделать рентген, МРТ, ЭКГ в другие отделения. Сестра-хозяйка и санитарки все время в хлопотах: нужно убрать в палатах после выписки и приготовить все необходимое для нового больного, ежедневно делать влажную уборку в каждой палате, плюс к этому, больного нужно кормить-поить. Все делается, все спорится. Кстати, не только в вашем отделении, но, похоже, во всей больнице. Как вам удается все это организовывать?

— По поводу организации работы всей больницы — это вопрос не ко

мне, а к Марьяне Анатольевне Лысенко — главному врачу и главному движителю всего того, что происходит на ее территории.

Но, думается, опыт нашего отделения можно экстраполировать на опыт всей больницы, равно как и наоборот.

Есть такой штамп — человеческий капитал. Конечно, это самое дорогое в коллективе, независимо от того, чем сотрудник занимается. А еще отношение к своей работе и обязанностям. Безусловно, очень важна логистика внутри отделения. Все должны знать, что надо делать, когда поступает больной. Кто к нему подойдет, куда отправит, как поступить в той или иной ситуации. И когда эта логистика выстроена, когда ее выполняют люди, прошедшие и профессиональный и человеческий отбор, тогда можно рассчитывать на положительный результат. Сегодня у нас коллектив устоялся и сложился, работать легко. Но в 2013 году, когда я стал заведовать отделением, приходилось принимать не очень простые решения по персоналу.

— Вы уже много лет оперируете. Оперировали в разные времена: и когда больницы жили, что называется, впроголодь, и во времена нынешние, когда в больницах есть все необходимое, вплоть до самого современного оборудования, да и с зарплатой более или менее налажилось, по крайней мере, в Москве. Если сравнить тогда и сейчас — многое ли измени-

лось? Сегодня, наверное, интереснее работать?

— Вы знаете, мне без разницы, девяностые годы или дни сегодняшние, мне было интересно всегда. Была интересна и открытая хирургия в те годы, интересно работать сейчас, когда 99% процентов операций делается эндоскопически, без разрезов. Конечно же, в хирургии изменилось многое. Если бы мне двадцать лет назад, когда я только начинал, кто-то сказал, что через десяток лет хирургия изменится радикально, что мы будем делать операции на оборудовании, о котором даже не могли предполагать, я бы не поверил. Сегодня мои молодые коллеги даже не имеют представления, в каких условиях мы работали в прошлом столетии.

Это можно сравнить с тем, как если бы в девяностые годы, когда человек использовал ламповый телевизор, сказать ему, что в недалеком будущем у него будет мобильный телефон, по которому он сможет смотреть телевизионные программы и фильмы, писать письма и расплачиваться в магазине — он бы, наверное, покрутил пальцем у виска. То же самое произошло в медицине. Прогресс такой же, не меньше. Совершенно другой инструментарий, другие подходы, другие результаты лечения.

— А какова динамика заболеваний и динамика поступающих пациентов, ну, хотя бы по возрасту?

— Даже невооруженным глазом видно, как резко возросло количество онкологических больных. Но, с другой стороны, видно также (не говоря о статистических данных) изменение возраста пациентов — сегодня намного больше пожилых и престарелых. Если раньше средний возраст в отделении был 45–50 лет, то сегодня он приблизился к 70 годам. Мы делаем операции людям, которым еще двадцать лет назад было бы отказано в этом, и наши пациенты живут долго и счастливо. Причем мы зачастую делаем операции, связанные не со спасением жизни, а с улучшением ее качества. Например, недавно мы поставили протез полового члена 75-летнему пациенту, и это считается нормальным. Мало того, что человек дожил до 75 лет, он еще хочет оставшиеся годы прожить, как говорят, качественно. И замечательно, что мы можем ему в этом помочь, можем не только лечить, но и улучшать людям качество жизни, тем, кому двадцать лет назад сказали бы что-то типа — иди и сиди на лавочке, да еще бы на смех подняли за подобную просьбу. Но, скорее всего, больному и в голову не пришла бы мысль о таком протезе.

— Больные говорят, что в вашем отделении очень доброжелательная обстановка. Но ведь истоки доброжелательности не только в высокой зарплате?

— Конечно же, нет. Кстати, мы на эту тему часто говорим с коллегами. Можно провести параллель

*Операционная сестра Наталья Фролова, Р.Н. Трушкин
и врач-уролог Н.В. Морозов*

с детской рождаемостью. Я пришел к выводу, что нет прямой зависимости между финансовой состоятельностью семьи и рождением в ней детей. Дескать, в богатых семьях много детей, а в бедных — поменьше. Практика показывает, что зачастую все с точностью наоборот. То же самое и с доброжелательностью в работе. Если человек недоброжелателен, с дурным характером, то, какую бы зарплату не получал, он остается злыднем. Мне кажется, что главное все-таки — селекция коллектива, которая у нас проводится. Если человек по психоэмоциональным критериям подходит, он здесь остается, если появляются озлобленно-претензионные врачи, они надолго не задерживаются. И моя задача как заведующего — вовремя отсеи-

вать таких и не позволять им у нас работать.

— Это правда, что у вас операции проводятся семь дней в неделю?

— Да, причем круглые сутки. В день до 15 операций. У нас недавно открылась ультрасовременная операционная на седьмом этаже для лапороскопических операций, а в ближайшее время войдет в строй еще одна ультрасовременная операционная на третьем этаже для эндоскопических операций по удалению, дроблению мочевого камня, по своему классу она точно такая же. Как говорят, хай-класс.

— Для вас операция — это обычная повседневная работа, но мне кажется, что каждое появле-

ние хирурга в операционной — это все-таки в какой-то степени бой...

— Позволю вас немного поправить. Для меня операция — это не просто работа. Я не отношусь к своему делу как к работе. Когда я прочел в одном из интервью Олега Табакова: «Я занимаюсь любимым делом, и за это мне еще платят деньги», то поймал себя на мысли, что у меня аналогичная ситуация: я занимаюсь хирургией, хотя и устаю психоэмоционально и физически, но мне это нравится, к тому же мне за это еще и зарплату платят. По поводу того, вхожу ли я в операционную как на поле боя, — нет, я так не считаю. Но перед операцией, особенно перед тяжелыми операциями, такими, которые до нас никто в России не делал — например, связанными с трансплантированием почки, — мы, естественно, тщательно готовимся.

Шапкозакидательского отношения — дескать, пойду и что-то отрежу или пришью, — у нас в коллективе нет.

Подготовку к операции можно сравнить с планированием военного сражения, когда военачальники обсуждают стратегию и тактику предстоящего боя. Есть технически сложные операции, и мы обсуждаем, что и как лучше сделать, составляем план, читаем литературу по современным технологиям — без травматических последствий для пациента. Иногда эти технологии сами и придумываем, за что и получаем патенты. Были бы в этом плане поопытнее, па-

тентов было бы, как говорят, «вагон и маленькая тележка». К сожалению, в прошлом мы так радовались своим изобретениям, что торопились опубликовывать их в центральных журналах, забывая о патентной защите. Юридически, если патент не оформлен в течение шести месяцев после публикации, позже его уже невозможно оформить. Но мы об этом не жалеем, главное — это идет на пользу людям. Но сегодня успеваем делать и то, и другое.

— А часто бывает так, что в ходе операции приходится менять продуманные планы и принимать решение, как говорится, на ходу?

— Да, конечно, иногда операционная ситуация складывается так, что приходится вносить коррективы. И задача хирурга в таких сложных ситуациях — найти достойный и, самое главное, безопасный для пациента выход. Ведь помимо того, что ты зачастую спасаешь жизнь человеку, извините за пафос, нужно сделать так, чтобы риски для больного были минимальные, чтобы, выйдя из больницы, он не страдал от послеоперационных осложнений. Операция не должна быть следствием подтверждения амбиций хирурга. Конечно же, амбициозный хирург — это неплохо, но во главе угла, прежде всего, должен стоять пациент. Я не устаю напоминать своим коллегам: «Не пациенты для вас, а вы для пациентов. Если вас не будет, или вы их не устраиваете по той или иной причине, они найдут другого

хирурга. А если не будет пациентов, то и вы не нужны».

— **Вы внешне производите впечатление мощного, крепкого человека, в чем-то похожего на Илью Муромца на известной картине Виктора Васнецова «Богатыри». Такой же могучий, правда, без палицы и копья. А больные говорят, что даже разговор с вами, ваши прикосновения к больному при осмотре приносят облегчение. Одна женщина сказала про вас: «исцеляющие руки». Это что — опыт, профессионализм или еще что-то иное?**

— Я об этом никогда не задумывался. Наверное, могу лишь сказать, что занимаюсь любимым делом, чувствую, что могу помочь человеку, и делаю это. Простите за патетику, но порой мне кажется, что именно для этого я явился в этот мир несколько десятков лет назад. Нас учили, что, если больной просто пообщался, поговорил с врачом, и ему стало лучше, хотя доктор еще даже не выписал рецепта, это уже большой плюс. Значит, этот человек неспроста попал в медицину.

У нас в стране много мифов или псевдомифов о медицине, к тому же почти все считают, что разбираются в ней, и охотно рекомендуют друзьям и коллегам, чем и как можно вылечиться от той или иной болезни (не забывая при этом критиковать и конкретных врачей, и всю медицину заодно). Но в медицине должны работать люди с определенными психоэмоциональными настройками и, в первую очередь, по отноше-

нию к больному. Безусловно, врач должен быть доброжелательным к пациенту, обязан быть таковым. Это один из показателей профессионализма доктора. Что бы ни происходило в жизни врача, но, заходя в палату к больному, он обязан все свои проблемы оставлять за порогом. Пациент не должен зависеть от его состояния и настроения.

— **Поэты и философы уже много веков спорят о том, кто из них ближе к Богу. Но когда человек попадает на операционный стол, то понимает, что все-таки ближе хирурги...**

— Честно говоря, не думал об этом. Скажу лишь, что мои коллеги, время от времени тоже пытаются понять: медицина — это искусство, профессия или что-то еще? На самом деле на эту тему можно говорить долго и много. Но, помимо того, что изначально человек должен быть способен к этой работе и гореть желанием помогать больным людям, он еще должен обладать определенными знаниями. Добрые неучи в медицине неприемлемы.

Слова о том, что Боженка поцеловал в затылок будущего хирурга в детстве или коснулся своей десницей — это замечательно, но недостаточно. Врач — это не крылья за спиной, а тяжелая, рутинная работа. Нужно не просто получить хорошее образование, но учиться постоянно и всю жизнь, самосовершенствоваться на тренажерах, осваивать новые технологии, следить за мировы-

ми достижениями и работать, работать, работать. То есть набираться теоретических знаний и хирургических навыков.

А потом можно позволить себе поразмышлять и о том, кто ближе к Богу: поэт, философ или доктор...

— Современная многопрофильная больница — это еще и большое, сложное, высокотехнологичное предприятие, в котором больной переступает порог приемного отделения, и далее начинается технологический процесс, простите за это сравнение. То есть больница это сложный большой муравейник или пчелиный улей, где все не просто исправно трудятся, но каждый знает свое дело в совершенстве. То есть вы уже варитесь не только в своих стенах, но и во взаимодействии с другими отделениями, во взаимодействии с руководством и администрацией больницы.

В этой связи, какие у вас отношения с коллегами, бывают ли конфликтные ситуации, недопонимания со стороны коллег из других подразделений или руководства больницы?

— Конфликтов практически не бывает. У нас действительно отлаженные профессиональные, можно в какой-то степени сказать, производственные отношения. В этом, конечно же, не моя заслуга, а результат труда руководства больницы. В первую очередь, главного врача — Марьяны Анатольевны Лысенко. Она достаточно требователь-

ный, а иногда и жесткий руководитель, но мне с ней комфортно и легко общаться, наверное, потому, что мы на одних позициях по отношению к нашей профессии. Я со стороны администрации всегда чувствую реальную и моральную поддержку. Например, есть вопросы, которые требуют непростых решений, чаще всего это связано с приобретением нового оборудования. Даже если руководство не может позволить себе купить что-то сейчас, я знаю, что Марьяна Анатольевна меня услышала, и даже если промолчала, она об этом будет помнить, ей это так же интересно, как и мне, особенно в продвижении новых технологий, и она при первой же возможности постарается помочь.

— За последние годы Москва очень сильно изменилась. Особенно активно строятся новые дороги и развязки, школы и детские сады, как грибы появляются новые станции метро...

Мэрия, что называется, пашет. А как она, на ваш взгляд, ведет себя по отношению к медикам?

— У нас, к сожалению, зачастую руководителей хают за все. Дороги не ремонтируются — плохо, активно ремонтируются (все перекрыто) — тоже плохо. Конечно, есть проблемы и сложности, а где их нет?

Но то, что за последние годы в медицине и в нашей больнице произошел реальный прорыв, это точно. И в этом заслуга не только адми-

нистрации больницы, но и городских руководителей. Сергей Семенович Собянин за годы своей работы побывал в каждой больнице, а в нашей — не один раз. Он очень неплохо разбирается в проблемах медиков и активно нам помогает.

— О чем бы вы еще хотели сказать напоследок?

— О своих коллегах. В нашем отделении трудятся 45 человек, и мне хотелось бы сказать хотя бы несколько слов о каждом из них, но прекрасно понимаю, что это невозможно. Поэтому хочу просто поблагодарить своих коллег за честное служение самому благородному делу (еще раз простите за пафос) — оказанию помощи больным людям. □

МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА, *или* **Путешествие** **в Страну Чудес**

В середине лета 1867 года диакон Англиканской церкви, а по совместительству преподаватель математики из престижного оксфордского колледжа Крайст-Черч Чарльз Лютвидж Доджсон (1832–1898), в компании своего друга и коллеги, талантливого проповедника и богослова Генри Парри Лиддона, совершил поездку в Россию. Целью визита почтенных господ было установление более тесных и близких контактов государственной церкви британской короны с Русской православной. А если получится, то и попытаться убедить видных иерархов российского православия в пользу для всего мира, и для них в частности, объединения Западной и Восточной церквей. Тем более что «прогрессивная» либеральная общественность на Западе и отчасти в России активно высказывалась как раз в пользу именно такого объединения церквей. И тут у англиканских прозелитов как нельзя более кстати нашелся формальный повод для поездки в Россию: на начало августа приходилось полувековое пастырское служение митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова), которое должно было широко отмечаться в церковных, да и светских кругах России.

Во время вояжа по российским просторам Чарльз Доджсон вел путевой дневник. Эти записи он делал исключительно для себя, чтобы сохранить на бумаге многие детали того путешествия в загадочную и удивительную страну. Они были впервые опубликованы выкупившим рукопись Морисом Пэрришем, американским коллекционером из Нью-Джерси, уже в следующем столетии тиражом в 66 (!) экземпляров, спустя три десятка лет после смерти их автора. Затем в 1935 году последовало новое, уже доступное

широкой публике издание путевых заметок британского дьякона-путешественника. Но оно было выполнено крайне небрежно, в нем немало пропусков, русские имена и названия зачастую не выверены. И лишь на исходе XX века был опубликован тщательно подготовленный текст. Так просвещенный мир узнал о Русском дневнике автора «Алисы в Стране Чудес» и «Алисы в Зазеркалье». Да-да, ведь это был именно он — Льюис Кэрролл.

Забегая вперед, скажем, что Доджсон и Лиддон (последний вез к Филарету рекомендательные письма от известного и влиятельного на просторах Туманного Альбиона Сэмюэла Уилберфорса, духовного писателя и епископа Оксфордского Англиканской церкви) встретились в Троице-Сергиевой лавре с российским митрополитом и имели с ним обстоятельную, многочасовую беседу. Вот только главной своей цели — расположить к своему видению веры Христовой, а также склонить видного российского богослова и проповедника к объединению Западной и Восточной церквей — они так и не достигли. К чести российского православия, Филарет оказался тверд и непоколебим: несмотря на заманчивые посулы и предложения, он остался верен духовным заветам своих предков.

К моменту своего визита в Россию Кэрролл уже как два года был автором первой книги о приключениях Алисы, сразу же сделавшей его знаменитым. Писатель-математик был очень наблюдателен от природы и во время своего путешествия по российским просторам подметил немало любопытных деталей быта и жизни, отраженных им на страницах своего путевого дневника. За полтора месяца пребывания в российских пределах Кэрролл вместе со своим другом-клириком успел посмотреть обе российские столицы и некоторые из их пригородов вместе с Нижним Новгородом в придачу.

Стоит подчеркнуть, что в отличие от большинства своих предшественников Доджсон с Лиддоном оказались совершенно в другой России. Это была страна великих реформ, страна, в которой функционировала сеть железных дорог, и где уже не существовало крепостного права.... Хотя порой российская действительность казалась Кэрроллу таким зазеркальем, особенно в сравнении с милой его сердцу доброй старой Англией, тем не менее, он не раз на страницах своего дневника отдавал дань восхищения и уважения происходящим в державе Александра II грандиозным переменам и преобразованиям.

Льюис Кэрролл РУССКИЙ ДНЕВНИК

26 июля (пт.)

Перед прибытием мы попросили нашего знакомого научить нас русскому названию нашей гостиницы — Gostinitsa Klee, поскольку он предполагал, что нам, вероятно, придется взять русского возницу, но мы были избавлены от всех хлопот, так как нас ждал человек из «Отель де Русси», который обратился к нам по-немецки, посадил нас в свой омнибус и погрузил багаж. После ужина у нас оставалось время только для короткой прогулки, но она была полна нового и удивительного. Огромная ширина улиц (даже второстепенные улицы, похоже, шире, чем что-либо подобное в Лондоне), маленькие дрожки, которые беспрестанно проносились мимо, похоже, совершенно безучастные к тому, что могут кого-нибудь переехать (вскоре мы обнаружили, что нужно постоянно быть начеку, потому что возницы никогда не кричали, давая о себе знать, как бы близко к нам ни подбирались), огромные освещенные вывески над магазинами и гигантские церкви с их голубыми, в золотых звездах куполами и приводящая в замешательство тарабарщина местных жите-

лей, — все это внесло свой вклад в копилку впечатлений от чудес нашей первой прогулки по Санкт-Петербургу.

По пути мы прошли мимо усыпальницы, прекрасно украшенной и позолоченной изнутри и снаружи, в которой хранится Распятие, картины и прочее. Почти все бедняки, проходившие мимо, обнажали головы, кланялись ей и множество раз осеняли себя крестным знаменем — странное зрелище посреди оживленной толпы.

28 июля (вскр.)

Утром мы пошли в великий Исакиевский собор, но разобраться в службе, которая велась на церковно-славянском, было делом безнадежным.

Никаких музыкальных инструментов, которые бы помогали песнопениям, не было, но певчим удалось создать чудесное впечатление с помощью одних только голосов.

Церковь представляет собой огромное квадратное здание, заканчивающееся четырьмя равными частями, в которых размещается алтарь, неф и трансепты, над средней частью возвышается огромный купол (снаружи полностью покрытый позолотой), и окон настолько мало, что внутри было бы совсем темно, если бы не множество икон на стенах с горящими перед ними свечами.

Судя по всему, для каждой иконы изначально предназначены только две большие свечи, но рядом стоят

*Чарльз
Лютвидж
Доджсон
(Льюис
Кэрролл)*

подсвечники для маленьких свечек, и эти свечи ставят те, кто молится перед образами, — каждый приносит с собой свечку, зажигает и вставляет в подсвечник.

Единственное участие, которое прихожане принимали в службе, заключалось в том, что они кланялись и крестились, иногда стоя на коленях и касаясь лбами пола. Причем не только там — когда я стоял снаружи, дожидаясь Лиддона, то заме-

тил, что огромное количество людей делали это, проходя мимо дверей храма, даже если находились в этот момент на противоположной стороне невероятно широкой улицы. От входа поперек улицы шла узкая мощеная полоса, так что любой, кто проходил или проезжал мимо, мог точно определить, что находится напротив врат храма.

Одеяния священников, проводящих богослужение, отличались чрез-

вычайным великолепием, а процессии и воскурение фимиама напомнили мне римско-католическую церковь в Брюсселе. Я слишком поздно узнал, что единственная английская служба здесь проводится утром, поэтому днем мы просто гуляли по этому чудесному городу.

Он настолько совершенно не похож на все виденное мною раньше, что я, наверное, был бы счастлив уже тем, что в течение многих дней просто бродил по нему, ничего больше не делая. Мы прошли от начала до конца Невский, длина которого около трех миль; вдоль него множество прекрасных зданий, и, должно быть, это одна из самых прекрасных улиц в мире: он заканчивается (вероятно) самой большой площадью в мире, Адмиралтейской площадью, длина которой около мили, причем большую часть одной из ее сторон занимает фасад Адмиралтейства.

Возле Адмиралтейства стоит прекрасная конная статуя Петра Великого. Нижняя ее часть — не обычный пьедестал, а глыба, бесформенная и необработанная, как настоящий камень. Конь взвился на дыбы, и вокруг его задних ног свернулась змея, которую он, как я понял, топчет копытами. Если бы такую статую поставили в Берлине, то Петр, несомненно, непосредственно участвовал бы в процессе умерщвления чудища, но здесь он не обращает на него никакого внимания. Еще мы увидели два колоссальных изваяния львов, которые до такой степени

кротки, что каждый из них играет огромным шаром, словно шаловливый котенок.

...После обеда мы посетили рынки, которые представляют собой огромные кварталы, окруженные маленькими магазинами под колоннадой. Наверное, там было сорок или пятьдесят лавок кряду, в которых продавались перчатки, воротнички и другие подобные вещи. Мы обнаружили десятки магазинов, в которых продавались одни только иконы: от маленьких, в грубой манере изображений всего дюйм или два длиной, до детально выписанных картин размером в фут или более, где все, кроме лиц и рук, было золотым. Купить их будет нелегко, поскольку, как нам сказали, владельцы магазинов в этом квартале изъясняются только по-русски.

30 июля (вт.)

Мы совершили длительную прогулку по городу, пройдя в общей сложности, наверное, миль пятнадцать-шестнадцать, — расстояния здесь огромны, это все равно что гулять по городу великанов.

Мы посетили кафедральную церковь в крепости, представляющую собой сплошную гору золота, драгоценностей и мрамора, скорее внушительную, чем красивую. Нашим гидом был русский солдат (похоже, в большинстве своем официальные функции здесь выполняют солдаты), чьи пояснения на его родном языке не принесли нам особой пользы.

Здесь находятся гробницы всех императоров, начиная с Петра Великого (кроме одного): все совершенно одинаковые, из белого мрамора, с золотым украшением на каждом углу, массивным золотым крестом на верхней плите и с надписью на золотой табличке — никаких других украшений нет.

Вся церковь была увешана иконами, перед ними горели свечи и стояли ящики для пожертвований. Я видел, как одна бедная женщина подошла к изображению св. Петра, держа на руках больного ребенка: сначала она дала стоявшему на часах солдату монету, которую тот положил в ящик, после чего приступила к длинной череде поклонов и крестных знамений, все это время успокаивающе говоря что-то своему несчастному младенцу. По ее измученному, полному тревоги лицу было видно, что она верит, что ее действия каким-то образом умилоостивят св. Петра, и он поможет ее ребенку.

Из крепости мы перешли по мосту на Wassili Ostrov (остров Василия) и осмотрели значительную его часть: названия магазинов почти все были на русском. Соответственно, для того чтобы купить хлеба и воды в одной из маленьких лавок, мимо которой мы проходили, я выудил в словаре два слова: «khlaib» и «vadah», чего оказалось вполне достаточно для совершения сделки.

Сегодня вечером, поднявшись в свой номер, я обнаружил, что на утро нет ни воды, ни полотенца, и, что еще

больше усугубляло «восторг» ситуации, колокольчик (по зову которого явилась бы немецкая горничная) отказывался звонить. Столкнувшись с такой «приятной» неожиданностью, я был вынужден спуститься вниз и найти слугу, который, к счастью, оказался моим коридорным.

Испытывая трепетную надежду, я обратился к нему на немецком, но тщетно — он лишь отчаянно затряс головой, поэтому мне пришлось (после поспешной консультации со словарем) изложить свою просьбу по-русски, что я и сделал в исключительно доступной форме, игнорируя все слова, кроме самых основных.

2 августа (пт.)

...Выехав в два тридцать на поезде в Москву, приехали около десяти следующего утра. Мы взяли «спальные билеты» (на два рубля дороже), и в награду за это примерно в одиннадцать вечера к нам зашел проводник и продемонстрировал сложнейший фокус. То, что было спинкой сиденья, перевернулось, поднявшись вверх, и превратилось в полку, сиденья и перегородки между ними исчезли, появились диванные подушки, и, наконец, мы забрались на упомянутые полки, которые оказались весьма удобными постелями.

В Москве нас ожидал экипаж и портье из «Отеля Дюзо», в котором мы должны были остановиться.

Мы уделили пять или шесть часов прогулке по этому чудесному

городу, городу белых и зеленых крыш, конических башен, которые вырастают друг из друга, словно сложенный телескоп, выпуклых золоченых куполов, в которых отражаются, как в зеркале, искаженные картинки города, церквей, похожих снаружи на гроздь разноцветных кактусов (некоторые отростки увенчаны зелеными колючими бутонами, другие — голубыми, третьи — красными и белыми), которые внутри полностью увешаны иконами и лампадами и до самой крыши украшены рядами подсвеченных картин. И, наконец, городу мостовых, которые напоминают перепаханное поле, и извозчиков, которые настаивают, чтобы им платили сегодня на тридцать процентов дороже, потому что «сегодня день рождения императрицы».

После ужина мы поехали на Воробьевы горы, откуда открывается великолепная панорама стройного леса шпилей и куполов с извилистой Москва-рекой на переднем плане...

15 августа (чт.)

Мы позавтракали около шести, чтобы успеть на утренний поезд до монастыря «Нового Иерусалима». Некий г-н Спайер, знакомый г-на Пенни, дом которого находится за монастырем, любезно предложил нас сопроводить. Мы думали, что все это можно будет легко сделать за день, но оказалось, что мы сильно заблуждались.

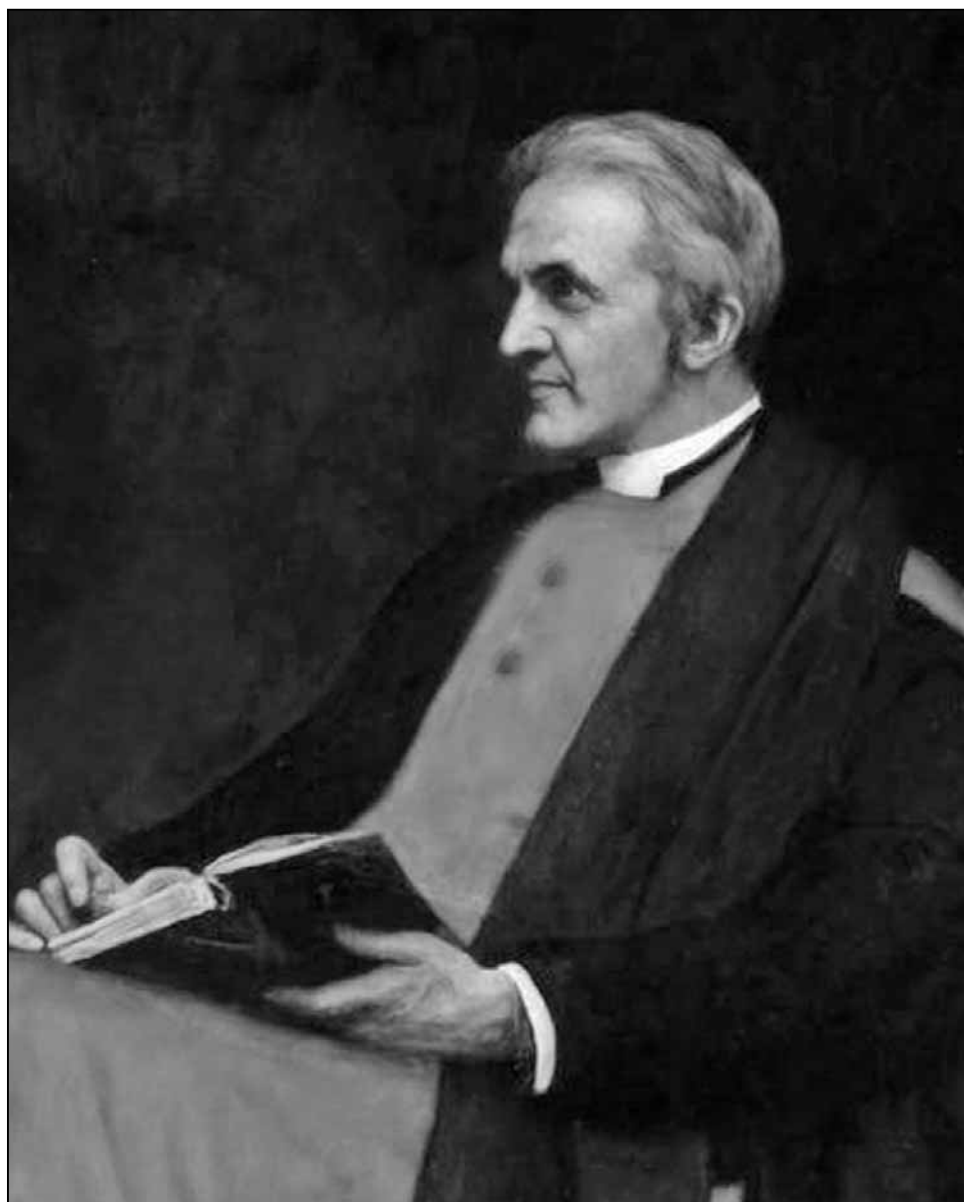
Железнодорожная часть поездки длилась примерно до десяти часов. Затем мы наняли «tarantas» (который

имеет такую форму, которую приняло бы старое ландо, если бы почти в два раза удлинить его корпус и убрать рессоры) и в нем тряслись более четырнадцати миль по самой ужасной дороге, какую я когда-либо видел. Она изобиловала колеями, канавами и непролазной грязью, а мостами служили кое-как уложенные вместе неотесанные бревна. Даже с тремя лошадьми нам понадобилось почти три часа, чтобы преодолеть это расстояние.

По дороге мы последовали предложению, сделанному, кажется, г-ном Муиром, и зашли в деревенский коттедж за молоком и хлебом, используя этот предлог, чтобы посмотреть внутри жилище крестьян, а также уклад жизни.

В коттедже, в который мы зашли, оказалось двое мужчин, старая женщина и шесть или семь мальчиков разного возраста. И черный хлеб, и молоко были очень хороши, и было весьма интересно получить представление о доме русского крестьянина. Я попробовал сделать два наброска: один — интерьера, другой — экстерьера, для последнего мы попросили шестерых из мальчиков и девочку встать группой: из этого получилась бы превосходная композиция для фотографии, но для моих рисовальных умений оказалось слишком сложно.

Мы добрались до деревни, находящейся рядом с монастырем, только около двух и узнали, что, для того чтобы этим же вечером вернуться

*Генри
Парри
Лиддон*

в Москву, необходимо выехать в три. Соответственно, мы второпях посетили церковь Гроба Господня и оттуда послали сообщение на почту, чтобы нам запрягли свежих лошадей, которые, как нам сказали, должны были там быть. На этом этапе наши планы нарушились: когда мы вернулись на почту, то увидели, что там не происходит никаких приготовлений. Свежих лошадей не было, только лишь те уставшие лошади, которые нас привезли, а возница и все при-

существовавшие в один голос заявили (шумным русским языком, который смог разобрать только г-н Спайер), что ничего сделать нельзя.

Посему мы покорились судьбе и попросили г-на Спайера пойти с нами в гостиницу и заказать нам ужин, чай, постели и завтрак на три часа утра. Он заверил, что во всем заведении нет никого, кто бы знал хоть слово на каком-нибудь ином языке, кроме русского, и, когда он уехал, оставив нас у дверей гостиницы, мы

Льюис Кэрролл

чувствовали себя более одинокими и по-робинзон-крузски, чем ощущали себя за все это путешествие. Мы отправились в монастырь в сопровождении гостиничного служащего, который передал нас в руки русского монаха, который игнорировал фразы на всех других языках, кроме русского. Ему я предъявил фразу из своего разговорника, смысл которой сводился к: «есть ли здесь кто-нибудь, кто говорит по-немецки, по-французски или по-английски?» Нас сразу же представили другому монаху, который прекрасно и вполне для меня понятно говорил по-французски, и он чрезвычайно любезно посвятил себя нашим услугам — почти, можно сказать, до конца дня.

Он провел нас по церкви Гроба Господня, главным образом представляющей интерес тем, что она точно скопирована с той, что находится в Иерусалиме, а также показал библиотеку и ризницу, которые были очень интересны, однако не содержали ничего особенного или уникального, если не считать имитации страусинового яйца, которое мы увидели в ризнице. Посмотрев через него на свет, через маленькую дырочку в конце, можно увидеть цветное изображение, которое выглядит почти объемным, женщины, стоящей на коленях перед крестом. Уже было время возвращаться в гостиницу на обед, что мы и сделали, после того как сначала договорились с нашим

любезным гидом, что позовем его, когда вернемся снова.

Среди прочего мы увидели «Вифлеем» — келью, скопированную с того помещения, где, как говорят, родился Господь. Затем монах повел нас через лес посмотреть отшельническую хижину, куда удалился Никон в годину своей добровольной ссылки. По пути назад мы купили в некоем подобии лавки у входа, которую держат монахи, маленькие копии «Богоматери с тремя руками» — большой иконы, находящейся в одной из часовен, которая написана, дабы увековечить явление Девы Марии, увиденной так, как представлено на иконе, с третьей рукой, появляющейся снизу.

В лесу мы увидели «Иордань», «купальню в Вифезде», маленький домик с настоящей купальней в середине и ступеньками, ведущими к ней, и еще один домик или усыпальницу, называемую «Колодец в Самарии», однако «скитная хижина» была замечательнее всего того, что мы видели ранее. Она выглядит внешне как маленький домик, но внутри нее множество комнат, соединенных узкими и низкими коридорами и винтовыми лестницами. Все это выглядит скорее как игрушечная модель, чем настоящий дом, и, должно быть, жизнь епископа проходила в постоянном смирении, которое превосходило только смирение его домашних слуг, обитавших в крошечном подвале, вход в который закрывает дверь высотой в четыре фута и куда едва

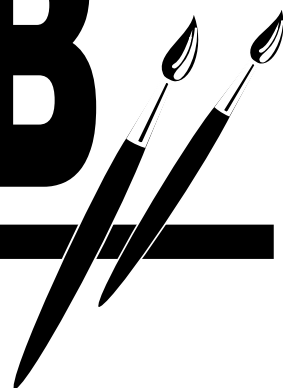
просачивается слабый проблеск дневного света.

Остальные присоединились к нам в лесу и вернулись с нами обратно, и вскоре после этого, сердечно поблагодарив их за доброту, мы оставили наших новых знакомых и вернулись в гостиницу, снова испытывая чувство одиночества, поскольку знали, что там нет никого, кто говорил бы на каком-либо другом языке, кроме русского...

P.S. Надо отметить, что этот визит в Россию был единственной зарубежной поездкой в жизни британского математика и писателя Льюиса Кэрролла. □

МОЙ Иван Переверзин

ГЛАЗУНОВ

Помню, в начале своего литературного пути, будучи по неотложным делам в Якутске, я решил предложить главной республиканской газете «Социалистическая Якутия» свои лирические стихи о весне, природе и, конечно, любви. Заведующий отделом культуры принял меня доброжелательно, даже предложил выпить чашку чая. И пока я угощался, он, не теряя времени, ознакомился с предложенными мной стихами:

— Иван Иванович! Ничего не скажешь, стихи хорошие, свежие, жизнеутверждающие! Но приближаются два знаменательных события: день рождения Владимира Ильича Ленина и Первое мая. Было бы здорово, если бы вы с таким же талантом и душой написали еще и об этих датах. А наша газета в таком случае с удовольствием напечатает большую подборку ваших,

как вы говорите, новых стихов! Договорились?

— Договорились! — как-то сразу поникшим тихим голосом ответил я. Но, конечно же, даже не стал пытаться хоть несколько строк написать о том, что ну никак меня почему-то не вдохновляло...

Глазунов понимал, что пока он не станет знаменитым, известным художником в первую очередь за границей, а не на родине, ему и заикаться о создании еще одного, третьего по счету, высшего учебного заведения живописи в стране смысла нет. Но вот к власти в стране приходит М. Горбачев и провозглашает о необходимости проведения во всем советском обществе перестройки. И это в то время действительно было крайне необходимо! Но вся беда заключалась в том, что, как проводить эту, провозглашенную только в лозунговом виде, перестройку никто, включая и самого закоперщика, не знал. Начали, как часто у нас бывает, шиворот-навы-

Окончание. Начало в №№11–12, 2018
и №№1–8, 2019

ворот — под предлогом борьбы с пьянством в Средней Азии, на Кавказе, в Молдавии, на Ставрополье вырубали сотни тысяч прекрасных виноградников! Народ, увы, меньше пить не стал, а вот государство понесло огромные, невосполнимые финансовые убытки. Желая выглядеть рьяными приверженцами пресловутой демократии, ввели систему выборов руководства на государственных предприятиях, в том числе и оборонного значения. В результате к руководству многих совхозов, фабрик, заводов, научных учреждений пришли никчемные люди, без малейшего управленческого опыта, но угодливо смотревшие в глаза лодырям и горлопанам! Производство государственного валового продукта в стране за каких-то два года упало чуть ли не на половину! У многих думающих людей создавалось впечатление, что так называемая перестройка затеяна под диктовку враждебного Запада с преступной целью разрушения страны! А ведь Господь трагическими событиями на Чернобыльской атомной электростанции словно предостерегал власть предержащих от поспешных, не продуманных решений. Но разве Бог коммунистам указ? Нет! А жаль!

То, что в Москве совершенно не были готовы к перестройке всего экономического потенциала, говорит и такой вроде бы незначительный факт: сразу же после ее провозглашения в совхоз «Ньюский»,

которым я руководил, из райкома приехали ответственные работники и, вместо того чтобы посоветовать собравшимся в сельском клубе рабочим и руководителям отделений, с чего начинать «перестраиваться», сами стали спрашивать, как в совхозе понимают поставленную партией и правительством задачу и как собираются ее вдохновенно выполнять. Однако добросовестные работники и так всю душу вкладывали в работу, поэтому считали, что им совсем незачем перестраивать ни себя, ни свой труд, — и в клубном зале, как на кладбище, повисла тяжелая, давящая душу тишина.

Другой реальный пример, в конце концов, направивший русло моей жизни совсем в другое направление... Хотел я напечатать стихи в якутском журнале «Полярная звезда», а вместо этого случайно получил предложение от отдела публицистики написать по итогам моего пятилетнего руководства совхозом книгу с условным названием «Чтоб земля давала больше». Взяв за свой счет отпуск, я все глубоко сокровенные, вымученные многими бессонными ночами мысли по развитию в современных условиях, с учетом опыта других стран, сельского хозяйства в районе смело и открыто изложил на бумаге. Получилась по объему пусть не большая, но целая книга. И подряд в двух номерах северного журнала она была вскоре напечатана. Где-то через месяц,

максимум, два, мне вдруг сообщили из райкома партии и приказали срочно позвонить в Москву, и не куда-нибудь, а в сам Центральный комитет! Полный недоумения и тревоги, я позвонил. На другом конце провода сказали:

— Иван Иванович! Мы тут в столице, собрав самых авторитетных ученых, опытных специалистов, голову ломаем, как же нам в стране перестраивать сельское хозяйство на рыночный лад. Получаем из разных институтов множество предложений и советов, но все они какие-то не конкретные, словно с потолка взятые! А вы, живя от столицы за тысячи километров, можно сказать, в тайге, в своей книге написали, как мы считаем, именно то, что сегодня на селе крайне необходимо! Потрясающе!

— Я очень польщен такой высокой оценкой моего более чем скромного директорского и, выходит, писательского труда, вернее, производственного опыта, описанного доходчивым словом, — недоуменно ответил я и добавил: — А от меня-то что именно требуется?!

— Только одно, дорогой Иван Иванович, — дать согласие на срочную публикацию вашей книги большим тиражом в виде практического пособия по перестройке сельского хозяйства страны!

— Да ради бога, печатайте! Только цензура многие места, в которых я, с целью сравнения государственного управления с частным, подробно упоминал о развитии сельского

хозяйства в таких странах, как Израиль и Соединенные Штаты Америки, из рукописи изъяла.

— Так срочно в полном объеме восстановите и рукопись высылайте прямо на наш адрес! Более того, если считаете необходимым что-нибудь ценное добавить, — смело добавляйте!

Закончив разговор, я недоуменно подумал: «Мать честная, это что же получается — огромная армия академиков, профессоров, известных экономистов, под началом у которых целые институты с многотысячными сотрудниками, хлеб даром едят! Да, перестройка действительно нужна, но, в первую очередь, в мозгах ее высокопоставленных начальелей!»

И вот как раз в это суматошное время уже достигший пенсионного возраста, убеленный сединой всемирно известный художник в очередной раз упрямо вышел на власть предрежащих с предложением о создании Академии живописи, ваяния и зодчества с программой обучения, в корне отличающейся от той, по которой учились молодые таланты в ленинградской «репинке» и московской «суриковке»! И власть согласилась с художником не только в вопросе создания новой академии, но и с его просьбой отдать, вернее, вернуть под ее размещение бессмертное архитектурное творение В. Баженова — величественное здание с колоннами на улице Мясницкой, дом 21! За годы войны и после нее

городские власти разместили здесь более двадцати организаций — по-пробуй их оттуда выкурить! Илья Сергеевич справился и с этой проблемой. Но что же предстало перед ним и его изумленными, верными и, конечно, талантливыми учениками, когда они осмотрели Баженовское творение? Фасад здания, из стен которого вышли и в стенах которого преподавали такие замечательные русские художники, как Алексей Саврасов, Аполлинарий Васнецов, Михаил Нестеров, Исаак Левитан, Константин Коровин и другие, срочно требовал стопроцентных реставрационных работ, поскольку весь его вид говорил о том, что он будто находился в долгой осаде врагов: вся лепнина карнизов была уничтожена, в колоннах зияли черные дыры, расписная отделка стен — где испещрена, где отвалилась. Во многих внутренних помещениях штукатурка потолков пришла в полную негодность, равно как и паркетный пол, постеленный «елочкой». Когда-то радовавшие глаз известковой свежестью и ярким колоритом покраски стен залы, давным-давно забывшие кисть, шпалеры и отделочные материалы, с липкой плесенью в углах, мрачно, будто умирая, смотрели на зрителя! Определив более-менее пригодные для использования в учебных целях помещения, нетерпеливый Глазунов, на свой страх и риск, начал в них учебные занятия со студентами по полной образовательной программе. И неважно, что в это же

время за стенами проводились реставрационные работы: стучали, как по башке, отбойные молотки, до зубной боли жужжали, как жуки, стальные сверла, с грохотом рушилась на пол с потолков пришедшая в негодность штукатурка...

В академию своего имени Глазунов пришел не один, а вместе с многочисленными учениками-студентами, которые сплотились вокруг него еще в годы учебы в «суриковке», где, как известно, Илья Сергеевич много лет успешно руководил мастерской портрета. Но это название на самом деле было условным, ибо студенты писали не только портреты, но и исторические картины, пейзажи, натюрморты, в общем все, что их не могло не вдохновить! Защитой от наказаний сурового институтского начальства за самовольный выбор темы курсовой или какой другой работы служил непререкаемый авторитет Глазунова. Сказать, что молодые художники справедливо уважали своего великого учителя, будет мало, поскольку они, прежде всего, уважали его в высшей степени этого слова!

Когда Илья Сергеевич в первый раз пригласил меня посетить академию, я решил приехать немного раньше назначенного срока. Открыв филенчатые двухстворчатые двери и переступив высокий порог, я оказался на площадке, от которой с довольно большой высоты в холл спускалась трехсторонняя лестница. Верхний свет почему-то не был

включен, а дневного, льющегося из двух широких окон, явно не хватало. Но через несколько мгновений, привыкнув к сумеречности, мои глаза сначала уперлись в висевшую на противоположной стене большую историческую картину, а потом, повернув голову налево, я увидел выстроившихся в ряд, как солдаты на смотре, одетых в строгие темные костюмы сравнительно молодых мужчин. Ничего не понимая, подошел к ним и за руку с каждым из них поздоровался, не забывая коротко представляться. Оказалось, что заочно, по рассказам Ильи Сергеевича, я их уже знал, ибо это были его ученики, ставшие преподавателями, заведующими творческими мастерскими! Одного, кажется, Дмитрия Слепушкина, я, не удержавшись, спросил:

— А по какому такому важному случаю вы, уважаемые художники, все, как на параде, выстроились в строгий ряд?

— С минуты на минуту должен подъехать Илья Сергеевич — вот мы и приготовились его дружно и уважительно встречать!

Вести дальнейшие расспросы было просто неудобно, но я, сам много лет проработавший руководителем и воспитавший не одно поколение специалистов да и просто прекрасных рабочих, белой завистью про себя позавидовал Глазунову, тем более что подобного прежде я нигде не встречал. Ровно в два часа входные двери резко распахнулись, и бы-

строй походкой подходя к своим ученикам, Илья Сергеевич персонально за руку с каждым поздоровался. Увидев меня, тотчас радостно воскликнул:

— Не знаю, Иван Иванович, успели ли вы познакомиться с этими молодыми людьми, но они — мои ученики, и непростые, а гениальные! Прошу любить и жаловать. А то, что они этого премного достойны, скоро по их высокохудожественным работам убедитесь сами!

30

Всех учеников великого мастера следует разделить на несколько групп. К первой нужно отнести тех художников, которые еще в институте имени Сурикова окончили курс обучения в мастерской портрета под руководством Глазунова и вместе с ним в качестве обычных преподавателей пришли на работу в только что открывшуюся новую академию имени учителя! Многим из них, чтобы было удобно совмещать преподавание с личным творческим процессом, Илья Сергеевич, по своему усмотрению, выделил отдельные мастерские, в которых — теплых, хорошо освещенных, телефонизированных — можно было не только писать картины, но и отдыхать, вплоть до ночевки! За двадцать лет существования академии почти все ученики-преподаватели выросли в больших мастерах, некоторые из них за художественные и преподавательские

успехи даже удостоились высокого государственного звания «Заслуженный художник России», стали членами-корреспондентами Академии наук и искусств, профессорами, возглавили творческие мастерские.

Из этой группы художников я бы в первую очередь выделил Юрия Сергеева, автора большой серии исторических картин обрядного характера, из которых более всего своим мастерством и глубиной творческого замысла поражают произведения «Крещение», «Гадание» и «Одевание невесты». Следуя примеру Ильи Репина, он поставил перед собой задачу литературно описать весь процесс создания своих исторических картин. Несколько таких работ я читал и могу сказать о них: «Очень занятно и по-учительно!» Дмитрия Слепушкина, создавшего эпохальное, замечательное полотно «Молитва перед боем» об Отечественной войне 1812 года и картину «Павел Первый», задуманную еще в студенческие годы, но исполненную в наши дни по моему заказу! Любит Слепушкин писать и портреты, да и кому их писать, если не ему — руководителю мастерской портрета! Владимира Штейна, своей дипломной работой — картиной о последних часах жизни Христа «Несение креста» — сразу заявившего о себе как об очень талантливом художнике, можно даже сказать, в полной мере сформировавшемся мастере-классицисте! А его строгие пейзажи российской природы, пор-

треты современников, с любовью созданные, надолго западают в душу, а у кого-то, может, и остаются навсегда. Владимира Черного, написавшего дипломную картину об Андрее Рублеве и являющегося автором множества замечательных портретов исторических и современных персонажей. Его пейзажи, написанные в классическом стиле, настолько выразительны, что ни с какими другими работами описания родной природы не спутаешь. Только один жанр — сюжетная картина — остается пока вне его пристального внимания. А зря! Поскольку большой художник без такой работы — все равно что писатель без романа... Александра Афонина, кисти которого принадлежат прекрасные пейзажные работы, в том числе и почти всех великих российских рек, начиная с Дона и заканчивая величественной Леной. На мой взыскательный взгляд, равному ему по мастерству и колориту изображения отечественной природы чуть ли не всех географических полос России в настоящее время нет! Тем более что в последние годы его значительное творчество наполнилось новым дыханием — былинным, историческим содержанием. Теперь по его пейзажам можно, без всякого сомнения, изучать и далекое прошлое русского народа.

Ко второй группе я бы без какой-либо предвзятости отнес тех глазновцев, которые, не чувствуя в себе тяги к преподаванию, после защиты

прекрасных дипломных работ отправились, скажем так, в плавание по огромному, вечно штормящему морю свободного творчества. Некоторые даже решили уехать на поиски жар-птицы вдохновения далеко за пределы родного отечества. Но не сыскав там ни славы, ни денег, вынуждены были вернуться на родину. И слава богу!

Наиболее талантливые из них — это Александр Акопов, большей частью специализирующийся на писании портретов, но и не чурающийся работы над пейзажами, хотя защищался дипломной картиной «Соократ», в техническом плане мастерски написанной, хотя в ее композиции и в письме явно проглядывалось влияние на молодого художника великого поляка Генриха Семирадского. Однако в самостоятельной большой картине «Приключения Одиссея», написанной по моему заказу десять лет спустя, от подражательства и следа не осталось! Как говорится, талант вкупе с трудолюбием приводит к одному — определенному успеху.

Сайда Афолина, удивительный художник: чем больше я слежу за ее полным неутомимых поисков выражения себя творчеством, тем больше убеждаюсь, насколько она глубоко универсальна. От часто встречающихся на ее творческом пути трудностей она не бежит, а, наоборот, не только успешно преодолевает их, но еще пытается в каждой новой работе сказать то, что до нее не говорилось ни

одним художником. С отличием окончив мастерскую портрета, она постигла тайны мастерства писания удивительных пейзажей, а теперь отчаянно берет штурмом следующую, наиболее трудную высоту — сюжетную картину!..

Приехавшая из глубинки постигать живописное мастерство Оксана Павлова, которая не ошиблась в своем профессиональном выборе. О ней, еще сравнительно молодом, шибко талантливом художнике, можно уже смело говорить хрестоматийно: «Если она по какой-то судьбоносной причине и не напишет больше ни одного пейзажа, то все равно достойна войти в память русской живописи! — настолько они глубоки по содержанию и выразительны по изображению пастозными мазками!»

На мой строгий, можно уже сказать, точный взгляд, как бы особняком от вышеназванных художников из второй группы достойно стоят три имени — это Евгений Кравцов, Юрий Кротов и Евгений Демаков.

Первый во время учебы в академии по праву считался самым талантливым, подающим большие надежды студентом и любимым учеником самого ректора. И, надо сказать, не зря! Написанная им еще на третьем курсе в рамках учебной программы картина «Проклятие Хама», по моему мнению, поставила его в один ряд с такими большими художниками прошлого, как Василий Polenov, Алексей Саврасов и Иван Крамской! Скажу смело, может, да-

же дерзко — если лучшие его произведения повесить в одном из залов легендарной Третьяковки, то многие тамошние картины будут по сравнению с ними выглядеть бледно. Однако «прославился» он другим — на свой страх и риск, в качестве дипломной работы на суд государственной комиссии представил картину о рыбаках, под проливным дождем возвращающихся с богатым уловом домой, написанную исключительно в темно-сером цвете! И, конечно же, ни самим учителем, ни членами государственной комиссии не был понят! Заветный диплом, понятно, не с отличием получил, и звонкой славы, которая была от него в двух шагах, к сожалению, не сыскал. Что можно тут сказать? Да что угодно! Но, чтобы ни говорилось, горькое сожаление, что сверх меры одаренный талантом человек не оправдал на тот период надежд учителя, останется больно саднящим шрамом в сердце каждого любителя настоящей живописи. Очень долго и сильно сожалел и я. Но и изо всех сил, в первую очередь методом убеждения старался как можно скорее вернуть уже зрелого художника, скажем так, к цвету. И пусть не в полной мере, но Господь воздал мне по труду — одних сюжетных картин, натюрмортов, портретов и пейзажей, великолепно написанных Евгением Кравцовым в цвете за последнее десятилетие, достаточно, чтобы говорить о нем как о большом мастере кисти! Но я бы многое отдал

за то, чтобы все-таки, пусть в конце моего жизненного пути, но мог сказать: «Евгений Кравцов — гений!»

Юрий Кротов, прежде всего по манере и технике письма, самый настоящий импрессионист, яркий последователь знаменитой французской школы, к сожалению, может, даже единственный в современной не только российской, но и мировой живописи, хотя изначально писал исключительно в рамках классического, строгого письма. Но многолетняя работа во Франции, на родине этого удивительно жизнерадостного стиля отображения действительности мира земного, со всеми его проблемами и удачами, подвигли его к перемене своего письма, к счастью, удачно. Он сегодня, пожалуй, один из немногих, кто, работая мастерски в любых жанрах, за границей получил все-таки довольно широкую известность. Его картины, исполненные солнца, воздуха, синевы, мало кого оставляют равнодушным. Но, несмотря на свое отточенное мастерство, он продолжает и сегодня находиться в творческом поиске: то его не устраивает сюжет картины, то выбранный колорит, то тоска по малой родине бросает душу написание чисто русских работ, в которых родная Кубань предстает перед зрителем мощно, красочно! Если он, обладая огромным талантом, не станет гением, то только по одной причине — из-за неумения или просто нежелания спрессовать свое рабочее творческое время до

такой степени, когда взгляд пылает огнем, сердце, как молот, бьется учащенно и мощно, и рука, в паре со взглядом, рождает чудные образы, прежде незнакомые!

Последний из этой группы, Евгений Демаков, своей дипломной работой «Утро воскресения Господня» никого не удивил. И причиной этому стал не до конца продуманный и выполненный сюжет, ибо он не раскрывал поставленной художником перед собой творческой задачи. Но эта картина, технически исполненная блестяще, каждый раз, когда я, бывая в академии, проходил мимо нее, заставляла меня вновь и вновь обращать на себя пристальное внимание. В конце концов, познакомившись с автором, я вежливо посоветовал ему написать вариант этой работы, но с проработанным до конца сюжетом. Демаков внял мне — и на свет появилось замечательное произведение, которое способно украсить любую выставку! Преодолея художник и все трудности, связанные с написанием замечательных классических пейзажей, и теперь о нем можно смело говорить, как в полной мере зрелом мастере! Жаль только одного, что от природы не обладающий пробивным, настойчивым характером, он в одиночку никогда не сможет подняться до своего Олимпа. Да поможет ему Бог!

Есть еще одна группа — это молодые люди, несколько лет назад блестяще окончившие академию. Наиболее яркие художники из них — это

чистый пейзажист Ярослав Зяблов и портретист Евгений Муковнин. Оба молодых художника во время обучения добивались значительных успехов, по крайней мере, были на голову выше своих сокурсников и академию окончили с красными дипломами. Даже решили свое художественное обучение продолжить — поступили в аспирантуру. Руководство над ними взял сам Глазунов. Но, полностью отдавая себя живописи, они напрочь забыли о необходимости изучения общеобразовательных предметов. На этом и погорели — за неуспеваемость были исключены из аспирантуры. Обидно за них? Нет! А вот за наше министерство образования — да! Пусть я прослышу невежей, но выражу свою точку зрения: какое еще общее образование надо получать выпускнику-отличнику аж самой академии?! Думаю, никакого. Ибо, во-первых, скажем в шутку, сколько ни учишься, как гласит народная поговорка, все-равно дураком помрешь! Во-вторых, само творчество, если художник действительно мечтает достичь совершенства, всю жизнь будет заставлять его восполнять те или другие прогалы в общем образовании, если, конечно, они у него и в самом деле имеются.

Став помимо воли преждевременно свободным художником, Ярослав Зяблов целиком посвятил себя своему любимому жанру — пейзажному, и, как мне кажется, достиг на этом поприще немалых успехов.

Один из них, на мой взгляд, самый важный, — это выработанная годами и закрепленная навек манера своего письма маслом, которая сделала Ярослава, пожалуй, одним из самых интересных, самобытных пейзажистов современной России. Я с удовольствием бы назвал его поэтом живописи!

Его сокурсник и хороший друг по аспирантскому несчастью Евгений Муковнин, все больше отдавая времени не пейзажу, которому учился целых пять лет, а такому редкому жанру, как портрет-картина, тоже заставил о себе говорить как о вполне состоявшемся мастере. Композиции его самобытных произведений просты по содержанию, но очень высоки и техничны по исполнению. Мне кажется, что скоро он перейдет к написанию и большой сюжетной картины — и тут ему окажет большую помощь блестящее знание тайн мастерства писания пейзажа и портрета.

Их сокурсница Татьяна Юшманова, тоже окончившая академию с красным дипломом, защитившись проникновенной работой «Пристань», поразила всех членов государственной комиссии и совершенной техникой, и созданием действительно русских трогательных образов простых деревенских жителей, одетых буднично, но разнообразно, что сделало картину настолько живой, что, сколько бы раз я ни смотрел на нее, она все больше и больше поражает меня глубиной знания народной жизни в глубинке! А великолепный пейзаж «Ти-

шина», написанный еще на втором курсе, поставил ее в один ряд лучших современных пейзажистов! Хотя известный художник Андрей Герасимов сказал о «Тишине» так: «Когда я разбираю эту работу по деталям, то невольно прихожу к тому, что многое написано не хрестоматийно, но когда смотрю, а вернее, люблю эту работу целиком, — прихожу в восторг!»

Россия очень богата на таланты, в том числе и на художественные. Каждый раз, когда я прихожу в академию на защиту дипломных работ, я невольно ожидаю увидеть что-то необыкновенное, что позволит мне ощутить счастье рождения нового, еще более яркого и неожиданного, чем все прежние, таланта! И это, можно сказать, чудо со мной произошло, когда я увидел дипломные работы сестры и брата Моргун.

Екатерина для дипломной работы остановилась на событиях, связанных с принятием крещения русскими людьми, и мастерски написала картину «Святой Леонтий Ростовский проповедует язычникам». Пожалуй, более совершенной картины по письму и сюжету вчерашней студентки я ни у какого из старых и новых выпускников академии не видел. Но она еще и прекрасный пейзажист, и портретист! В общем, художник от Бога!

Святослав, брат Екатерины, написал дипломную картину «Поляки ведут Гермогена в темницу» о временах смуты, когда польские за-

хватчики вовсю хозяйничали в Кремле. Однако, прежде чем приступить к работе над ней, он так же, как Евгений Демаков в свое время, не продумал до конца сюжет, а руководитель мастерской исторической картины Иван Глазунов вовремя не подсказал — и работа, выполненная технически блестяще, поражала воображение только своим большим размером — воистину глазуновским... Опять, когда мы со Святославом стали сотрудничать, по моему совету сюжет был изменен так, что почти вдвое уменьшился размер исторической картины, а информации, получаемой зрителем о разворачивающихся на полотне событиях, получилось втрое больше! Святослав, как и сестра, удивительно талантлив! Сколько ни приглядываюсь к его творчеству, слабых сторон не вижу. Вот и добро.

Оба, брат и сестра Моргун, успешно работая во всех жанрах живопи-

си, обладая изумительно виртуозной техникой, в совершенстве владея рисунком, колоритом, а главное, горячо любящие землю, на которой однажды счастливо родились, которая своей неповторимой величественной природой вспоила и вскормила их, являются яркими представителями молодого поколения, которому предстоит своими каждодневными тяжкими, но прекрасными трудами уже в недалеком будущем прославлять свое дорогое отечество — Россию!

Талантливые ученики-глазуновцы, сколько же вас? Много! На удивление много! Значит, свою миссию и как учитель-художник Илья Сергеевич выполнил с честью! Слава ему за это! А его лучшим ученикам я хотел бы пожелать во времени, отмеряемом Богом, вслед за великим учителем, жизненный путь которого как человека, оказался ох как не прост и, к сожалению, небезгрешен, шагнуть в сияющее бессмертие! □

Ирина Опимах

Валентин Серов

«Девочка с персиками»

«Девочка с персиками» Валентина Серова — одна из самых известных и любимых картин в русской живописи. За столом сидит очаровательная, живая, темноглазая девочка, вся жизнь которой — впереди. И кажется, что там, в будущем, ее ждет только счастье, только любовь... Этот рассказ о том, как сложилась ее жизнь, о замечательных людях старой России, о трагических судьбах достойнейших представителей нашего народа, переживших страшные катаклизмы российской истории и сохранивших свое достоинство и честь, несмотря на ужасные испытания и обстоятельства, в которых они оказались.

В 1870 году известный в Москве купец Савва Мамонтов купил у дочери писателя Аксакова имение Абрамцево. Мамонтовым очень нравилось это место, и они с удовольствием налаживали там свою новую жизнь. Разводили цветы, сажали деревья. К примеру, на следующий год после переезда Савва Иванович и его жена Елизавета Григорьевна купили персиковые деревья и посадили в оранжерею, а ухаживать за ними наняли специального садовника.

Мамонтовы были людьми необычными. Вот как пишет о них внук «девочки с персиками» Сергей Чернышев: «Савва Иванович строил по своему плану экономику страны на просторах от Архангельска до Таганрога и от Санкт-Петербурга до Иркутска. А в Абрамцево они создали художественный кружок — ака-

демию новой русской культуры. Он стал не только объединением профессионалов-художников, но и их семей. Это была община, в которой вместе творили, вместе воспитывали детей, вместе отдыхали, играя с детьми и предаваясь дилетантским опытам в самых разных областях искусства — архитектуре, театре, композиции, музыкальном вокальном и инструментальном исполнительстве, художественных ремеслах: гончарном, столярном, вышивании».

Кто тут только не бывал! Серов, Репин, братья Васнецовы, Врубель, Коровин, Шаляпин и многие другие, одним словом, весь цвет русского искусства конца XIX — начала XX века.

20 декабря 1875 года у Мамонтовых появилась долгожданная дочь — до этого у них родилось

трое сыновей (Сергей, Андрей и Всеволод), и супругам очень хотелось девочку. Назвали ее Верой. А позже родилась еще одна дочь — Александра. Елизавета Григорьевна никому не доверяла своих девочек — сама их воспитывала и учила.

В их доме часто жил — фактически рос — Валентин Серов: его мать, музыкантша Валентина Семеновна Серова, занятая своей карьерой, спокойно оставляла сына у Мамонтовых. Неудивительно, что для юного Серова Елизавета Григорьевна была как мать, а всех Мамонтовых он воспринимал как своих близких родственников.

Верочка была всеобщей любимицей. Хорошенькая, живая, смышленная, веселая — на нее невозможно было сердиться, ее можно было только любить. Как-то Савва Иванович отправил семейное фото своему близкому другу скульптору Марку Антокольскому. В ответ Антокольский писал: «Фотография ваша до того прелестна, что радуешься и смеешься с вами вместе. Дай же Бог вам всегда радоваться и смеяться. Абрамцевская богиня — прелесть, прелесть! Расцелуйте ее, пожалуйста, от меня. Одним словом, про все я повторяю: «прелесть, прелесть!» И это совершеннейшая правда».

«Прелесть» и «абрамцевская богиня» — это она, юная Верочка Мамонтова.

Вот и Валентин Серов, Антон, Тоша, как называли его в доме Мамонтовых, попал под очарование юной

Веры. Однажды — дело было в августе 1887 года — Верочка вбежала в дом и, взяв персик, выросший в абрамцевском саду, присела за стол. Серову (ему тогда было всего 22 года) эта картинка — девочка, персик, солнечный свет — показалась очень живописной, и он захотел, чтобы Вера ему попозировала. Она согласилась, не подозревая, что ее ждет, а пришлось сидеть с персиками за столом каждый день в течение почти двух месяцев! Можно представить, какая это была пытка для живой, подвижной 12-летней девочки.

Вот как сам Валентин Серов писал об этой своей работе: «Все, чего я добивался, — это свежести, той особенной свежести, которую всегда чувствуешь в натуре и не видишь в картинах. Писал я больше месяца и измучил ее, бедную, до смерти, уж очень хотелось сохранить свежесть живописи при полной законченности, — вот как у старых мастеров». За «Девочку с персиками» Валентин Серов был в 1888 году награжден премией Московского общества любителей художеств.

Наверное, он тогда и не подозревал, что эта картина, написанная им в 22 года, станет одной из самых его известных и лучших работ. Он подарил ее хозяйке Абрамцева Елизавете Григорьевне. (Долгие годы картина висела в той самой комнате, которая изображена на полотне. Теперь там — копия, а подлинник с 1929 года украшает собрание Третьяковской галереи, которая при-

обрела его у сестры Мамонтова Веры Александровны.)

Яркая внешность Верочки производила впечатление не только на Серова. Она очень нравилась и Виктору Васнецову. Как-то он написал ее в образе юной боярыни, в народном костюме, который ей, наследнице старинного русского купеческого рода, очень шел.

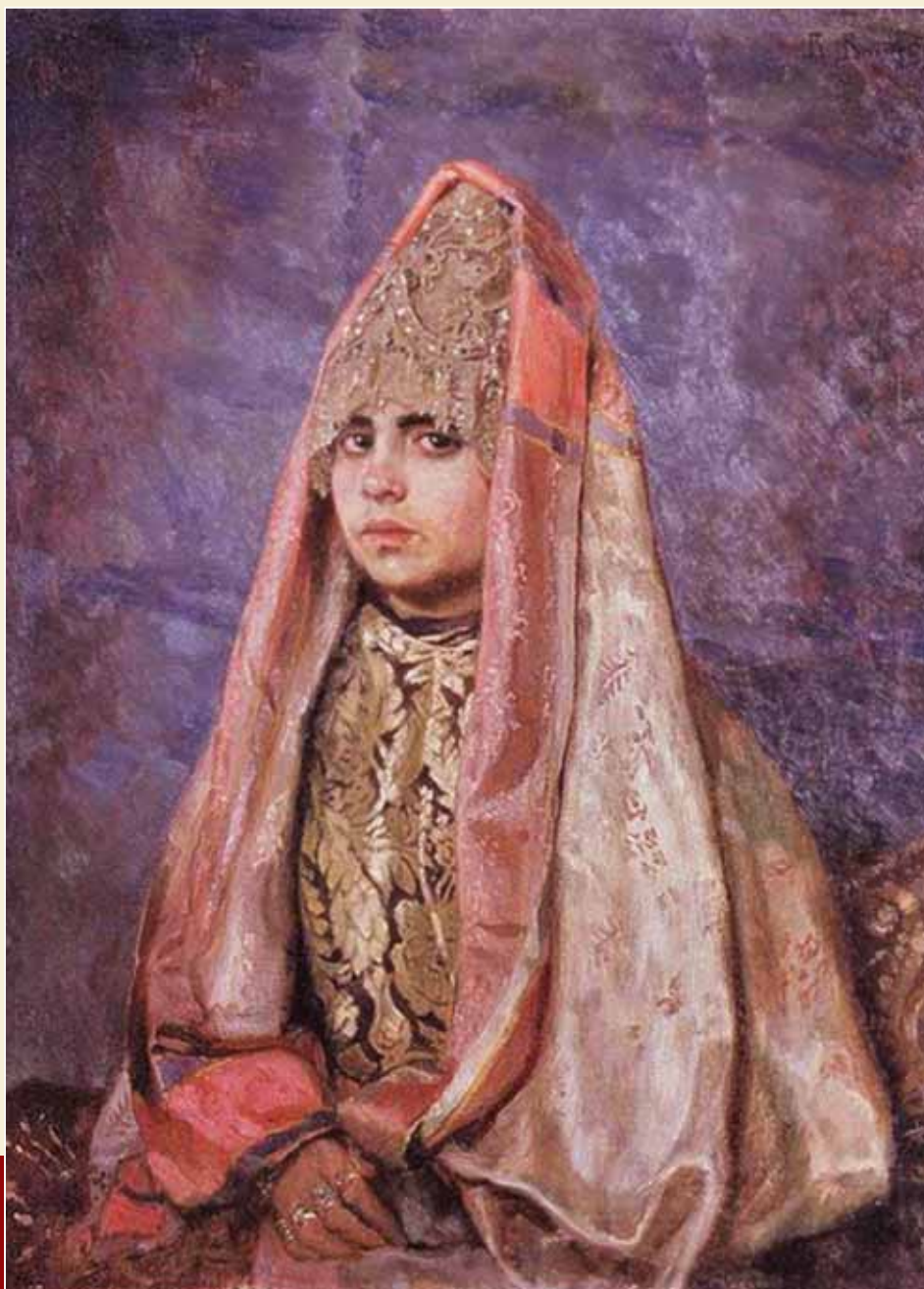
В середине 1890-х годов Вера, уже повзрослевшая, получившая хорошее образование и приобщенная к идеям служения народу, вместе с Елизаветой Григорьевной много занималась благотворительностью. А еще она посещала лекции по литературе и истории, которые в Москве читали ведущие профессора Московского университета, и подружилась с Анной Самариной, дочерью известного общественного деятеля и писателя, друга И.С. Аксакова, сотрудника «Московских ведомостей» и брата выдающегося философа, славянофила Юрия Самарина.

Однажды Аня пригласила Верочку в гости. И там, в доме Самариных, Вера познакомилась с братом подруги Александром. Он быстро пал жертвой обаяния Верушки Мамонтовой и без памяти влюбился в нее. Вскоре и она поняла, что он — тот единственный, кого она хотела бы видеть своим мужем. Однако Александр Самарин был представителем известной дворянской семьи, его родственниками были Волконские и Трубецкие, Голицыны и Ермоловы, Оболенские и даже поэт Жуковский.

А Вера — Вера происходила из купеческой среды. Чтобы их мальчик женился на купчихе? Ну, уж нет! Родители Александра были категорически против их союза. А тут вдобавок случилась громкая история с растратами государственных денег и разорением Саввы Мамонтова, о которой говорила вся Москва (вскоре он был оправдан). Судачили и о том, что Савва был влюблен в певичку из своей оперы Татьяну Любатович и собирался бросить семью... И только через несколько лет, после смерти старшего Самарина, Александр, наконец, получил благословение матери Варвары Петровны (кстати, урожденной Ермоловой!). Был назначен день свадьбы — 26 января 1901 года, и начались приготовления к торжеству.

Васнецов подарил жениху на свадьбу портрет Веры — «Девушка с кленовой веткой». «Это был тип настоящей русской девушки по характеру, красоте лица, обаянию. Вот чудесные русские глаза, которые глядели на меня и весь Божий мир и в Абрамцеве, и в Ахтырке, и в вятских селениях, и на московских улицах и базарах и навсегда живут в моей душе и греют ее!» — писал художник.

Медовый месяц молодожены провели на Корфу, а потом поселились в своем доме в Богородске (ныне Ногинск) — там Александр Самарин занимал важный пост уездного предводителя дворянства. Вера и Александр любили друг друга, и в семье царила теплая, уютная атмосфера. И дети их рождались в любви —

**Виктор
Васнецов.**
«Боярышня»

Юрий появился в 1904 году, Елизавета — в 1905-м, Сергей — в 1907-м. Летом Вера с детьми гостили в Абрамцеве. Семейные связи Мамонтовых были крепкими. А рядом всегда были друзья, среди которых один из ближайших — Виктор Васнецов. В 1907 году художник подарил ей большую репродукцию со

своей иконы, изображающей Христа Спасителя в терновом венце с потеками крови. На ней он написал: «Той язвен бысть за грехи наша и мучен бысть за беззакония наша наказание мира нашего на нем и язвою Его мы исцелехом» (Ис. 53.5). А рядом: «Верушке — В. Васнецов, 1907, 15 марта». Как чувствовал...

**Виктор
Васнецов.**
*«Девушка
с кленовой
веткой»*

1907 год стал последним в жизни Веры Мамонтовой. В конце декабря она отправилась по магазинам — нужно было купить рождественские подарки всем многочисленным родственникам и друзьям. В Москве

было холодно, и Вера простудилась. А потом началось воспаление легких, поднялась температура, а так как антибиотиков на вооружении врачей еще не было, вылечить ее не смогли. 27 декабря Вера сконча-

лась. Сгорела за три дня! Можно себе представить, какой шок вызвала в клане Мамонтовых и Самариных ее такая неожиданная, такая ранняя смерть, смерть накануне Нового года, накануне Рождества. Вере было всего 32 года...

Заботу о детях взяла на себя бабушка Елизавета Григорьевна. Это непросто — в 62 года взять на себя роль матери трех маленьких детишек. В письме к Н.В. Поленовой она писала: «Очень мне хотелось бы повидать тебя и о многом переговорить с тобой, но не знаю, скоро ли решусь двинуться с места. Теперь, слава богу, детям лучше, у старших второй день нет жара. Сережа тоже нынче повеселее. Отвыкла я от малых детей, и меня беспокоит всякая мелочь, и досадно на себя, и вспоминаю постоянно Веру, как она бодро и просто относилась к недомоганиям детей, и, конечно, знаю, что ее в данном случае больше бы беспокоило то, что я так волнуюсь. Все это отлично понимаю и все-таки не могу сладить с собою. ... Оцепенение первых дней проходит, а с ним все сильнее чувствуешь, как всецело почти жила я Верой, каждая вещь, каждое место, все было полно ею, пустота эта с каждым днем растет и знаешь, что неизбежно будет расти. К счастью, дети поглощают очень много время, с ними устаешь, а потому спишь, это огромное благо. А как сердце болит, глядя на Шуру и Сашу...»

Елизавета Григорьевна после смерти дочери нашла в себе силы

Фото Веры Мамонтовой

прожить всего десять месяцев. Похоронили ее рядом с Верой, на кладбище, недалеко от Абрамцевской церкви. Савва Иванович Мамонтов пережил свою жену на 10 лет. Этот выдающийся русский промышленник и меценат, сыгравший огромную роль в истории русского искусства — недаром его называли Московским Медичи, — умер 6 апреля 1918 года. После смерти Елизаветы Григорьевны детьми занялась Шура — до конца своей жизни она помогала Александру Дмитриевичу воспитывать племянников. Но Александра Саввична заботилась не только о детях сестры. После революции она стала основателем и первым директором музея в Абрамцеве, чтобы сохранить память о своих родителях, отдавших столько сил, времени и денег на благо русской культуры, о замечательных художниках, писате-

*Александр
и Вера
Самарины*

лях, поэтах, музыкантах, которым так хорошо и вольготно жилось и творилось в ее родном доме. (Александра Мамонтова умерла в 1952 году.)

А Александр Самарин больше так и не женился. Он не мыслил рядом с собой другой женщины. От отчаяния его спасали дети и работа. Он был членом попечительских советов, создавал приюты, богадельни, обеспечивал их средствами. Во время Первой мировой войны он был главным уполномоченным Российского Красного Креста — заведовал российским отделением Красного Креста и даже передал свой дом на Поварской улице в Москве под их ведомство. Александра Самарина не раз выдвигали на такие важнейшие посты в системе русской Церкви, которые до него имели право зани-

мать только духовные лица. Это был редчайший случай и знак огромного уважения ко всему тому, что делал в жизни муж Веры Мамонтовой. Его карьера в царской России сложилась блестяще — с 1908 года он был московским губернским предводителем дворянства, а в 1915-м стал обер-прокурором Святейшего Синода — один из самых высших постов в церковной иерархии — и членом Государственного совета. Истинный христианин, великолепно знавший историю православия и Русской Церкви, совершенно не способный на компромиссы и сделки с совестью, Самарин резко выступал против растущей роли Распутина, что вызвало острое возмущение в царской семье. «Дурак Самарин», — так его называла царица.

Александр впал в немилость, за которой последовала отставка с поста обер-прокурора. Несомненно, это была месть Распутина.

После революции, в 1919 году, его арестовали и приговорили к расстрелу. К счастью, приговор был отменен. Однако в 1925-м его снова посадили, а затем сослали на три года в Якутию. В 1931-м — снова арест... Сохранились воспоминания людей, отбывавших ссылку вместе с Самариным. Они говорили, что и там он жил с большим достоинством, оставался верным своим принципам, религиозным и монархическим убеждениям, а еще много работал — преподавал немецкий язык, занялся якутской грамматикой и даже писал книгу. И верил в Бога. Эту веру не могли поколебать никакие люди и никакие обстоятельства.

В июне 1929 года закончился срок ссылки, и Самарин переехал жить в Кострому. Там он служил чтецом, певцом и регентом в храме Всех Святых. Весной 1931-го его снова арестовали — и это был уже последний арест в его жизни. И хотя вскоре он был освобожден, все эти выпавшие на его долю испытания наложили отпечаток на здоровье. Александр Дмитриевич Самарин, удивительный, чистый человек, достойный представитель славных российских дворянских фамилий, скончался 30 января 1932 года. Похоронили его на Александро-Невском кладбище Костромы. Прошло 57 лет, и в 1989 году он был полностью реабили-

рован следственным отделом КГБ СССР. Недаром говорят — в России нужно жить долго...

Героев этого сюжета уже давно нет в живых, но остались замечательные картины Серова, Васнецова и Врубеля, на которых запечатлен чудесный образ Веры Мамонтовой, и гены этих славных представителей русского народа живут в их потомках. А в Абрамцево по-прежнему едут любители искусства, как когда-то, при Савве Ивановиче и Елизавете Григорьевне Мамонтовых... □

Владимир Скворцов

«Режиссерская профессия затянула меня так, что я стал буквально одержим новым делом...»

Владимир Скворцов — харизматичный, невероятно талантливый актер театра и кино, заслуженный артист РФ. Ему подвластно любое амплуа: режиссер, радиоведущий, театральный деятель. Зрителям Скворцов хорошо запомнился по сериалу «Шаман», а поклонники искусства знают его по ярким, незабываемым работам в театре.

С 2018 года он является главным режиссером московского театра «Человек». Владимира можно сегодня увидеть в главной роли на сцене этого театра в его же постановке — «Кроткие», кроме того, в театре «Et Cetera» в спектаклях: «Борис Годунов» (князь Василий Шуйский), «Ревизор. Версия» (Городничий), «Комедия ошибок» по Шекспиру (Антифолос).

— Владимир, вы — главный режиссер театра «Человек», играете в спектаклях театра «Et Cetera», у вас очень насыщенный рабочий график. Как работаете в новом театре и как начался ваш режиссерский путь?

— Да уж, кто бы мог подумать. За четыре года после нашей прошлой встречи («Смена» тогда писала обо мне) моя профессиональная жизнь сильно изменилась. Режиссурой я начал заниматься в 2005 году в Центре драматургии и режиссуры. Тогда я поставил спектакль по пьесе Лауры Синтии Чернаускайте «Скользящая Люче». Спектакль вызвал резонанс, но все отнеслись к этому вроде как — «артист Скворцов развлекается». Но я так этим увлекся, что уже не собирался останавливаться. Дальше были — «Человек- подушка» в Таллине и спектакли в театре «Et Cetera» — «Орфей» по Кокто и «Старшая сестра» по пьесе Александра Володина. Кстати, об

этом спектакле очень тепло отзывалась пресса, и он получил несколько зрительских премий.

Я ставил по одному спектаклю раз в два года, и мне этого было достаточно — я искал свой стиль, пробовал работать с разной драматургией, искал свою «команду» — ведь это очень важно, когда рядом с тобой не просто талантливые, но и близкие по духу люди. Все изменилось в 2016 году, когда продюсер Ольга Галактионова подыскивала режиссера для совместного проекта с нижнетагильским драматическим театром. Пьеса называлась «Мы, нижеподписавшиеся» драматурга Александра Гельмана. Интерес был в том, чтобы внедрить московских актеров в труппу регионального театра и выпустить проект совместными усилиями. Ну и — нашла меня. Спектакль с участием Анны Большовой, Анатолия Кота, Андрея Кузичева и актеров из Тагила Игоря Булыгина, Елены Макаровой, Сергея

Зырянова и Валерия Каратаева получил тогда премию «Браво» за лучший проект года. Мы дважды играли в Москве, все отмечали, что нет никакой разницы между актерами из Нижнего Тагила и Москвы. Тогда и родилась идея проекта «Играем вместе», с которым я сегодня с удовольствием сотрудничаю. Ольга Галлактионова придумала этот бренд, а я его называю «театр без границ», ибо действительно не может быть границ и пространственных разделений в искусстве. В 2019 году в рамках проекта «Играем вместе» мы поставили в Тверском ТЮЗе спектакль «Тайм-аут» по пьесе современного драматурга Марины Крапивинной. Там с московской стороны при-

нимают участие Наталия Щукина, Татьяна Лютаева и опять же Анатолий Кот, ставший моим актером-талисманом.

В общем, меня стала затягивать режиссерская профессия. В первой половине 2018 года я поставил уже четыре спектакля: «Маленький принц», «Кроткие» — для своего театрального проекта «СкворцовТеатр», «Трамвай «Желание» — для Нижнего Тагила, и «Пиковую даму» — для Норильска.

Это был год интерпретаций. Я мысленно представлял себе «авторский отклик» на тот или иной мой подчас хулиганский ход, и каждый автор реагировал по-своему: Пушкин смеялся и дурачился вместе с нами, Достоевский изо всех сил помогал,

а Уильямс ревниво просил следовать за текстом.

Возможно, эта одержимость новым делом и сыграла свою роль. В общем, вдруг поступило предложение стать главным режиссером театра «Человек». Я был очень удивлен, ведь буквально вчера слышал это название с замиранием сердца — в этом театре в молодые годы творили Роман Козак и Дмитрий Брусникин, Александр Феклистов и Игорь Золотовицкий, которые годами позже обучали меня актерскому мастерству. Это были мои мастера. Здесь же начинали Сергей Женовач, Ирина Розанова, играл Валерий Гаркалин... Мне тоже очень хотелось поработать в этом театре — естественно, как артисту, но... не

довелось. А когда поступило предложение стать его главным режиссером, я без колебаний согласился.

Когда первый раз вошел в это, можно сказать, пространство, сразу понял — оно мое. Здесь особая энергетика, кроме того, работает прекрасная команда — и актеров, и руководства, и всего персонала.

Возглавляет театр со дня его основания — Людмила Рошкован, в настоящее время она является президентом организации культуры и искусства и Почетным президентом театра «Человек». Вообще, театр «Человек» — это театр с особенной историей, с непростой судьбой — с 1976-го по 1983 год были запрещены для публичного исполнения некоторые спектакли, например,

Слева:

*Спектакль
«Биография»*

*Спектакль
«Кроткие»*

«Владимир Маяковский», «Эмигранты» Мрожека...

В 1986 году театр получил здание в Скатертном переулке, в самом сердце Москвы, и многие спектакли были отмечены международными дипломами. Осуществлялись совместные постановки с зарубежными деятелями искусств. В этом году исполняется ровно 45 лет со дня его создания. От себя же могу сказать, что театр, в который я вошел как главный режиссер, сразу стал любимым и родным, и сейчас занимает все мое время. В этом сезоне я поставил спектакль «Биография» по Макс Фришу, главные роли в нем сыграли Евгения Крюкова и Анатолий Кот. И если с Евгенией я работал впервые, то с Анатолием, ко-

торого я понимаю, как себя, мы уже третий раз творим вместе. В итоге получилась веселая и грустная мистическая история о невозможности изменения жизни. Также я подключился к постановке проекта «Легенды старой Москвы» — это такой любопытный интерактивный спектакль про Петра Первого и Брюса. А еще мы перенесли на сцену в Скатертном «Кротких». Кроме того, так как на три месяца нас закрывали пожарные, мы устроили флешмоб, посвященный 250-летию Ивана Крылова. Театр «Человек» задал тренд — все желающие читали на видео отрывки из басен писателя, подписывали это все «человеккрылов», о нас много говорили, даже было несколько сюже-

тов на ТВ. Одним словом, сезон получился «горячим».

— Что сегодня происходит в вашей творческой жизни?

— Как я уже говорил, все сосредоточено на «Человеке». В конце октября мы устраиваем и проводим в театре первый международный фестиваль камерных спектаклей на двоих актеров «Диалоги». Программа уже есть. Там будет много интересного. Готовимся к 45-летию театра, который тоже пройдет в октябре. Этот год мы объявили для себя годом «Ак-

туализации русской классики», так что кроме «Кротких» нам предстоит поставить «Причал» — не снятый сценарий Шпаликова, режиссером которого будет Даниил Чащин, и в конце года — «Гамлет Сумарокова».

Что касается лично меня, кроме театра «Человек» я играю в четырех спектаклях театра «Et Cetera» и уходить из актерской профессии не собираюсь. Пусть все развивается параллельно. Предложений сыграть где-то поступает множество, и даже кино стало меня вспоминать — сейчас рассматриваю несколько предложений.

Слева:

**Спектакль
«Биография»**

После репетиции спектакля «Таймаут»

Что еще интересного случилось? В июне я работал в составе жюри Шестого международного театрального фестиваля «У Троицы», который проходил в Сергиевом Посаде. Прекрасная была атмосфера, собрались профессионалы: театральные критики, деятели искусств, литературоведы. Зрителям в течение девяти дней были показаны интересные, совершенно разные по жанрам постановки. Я впервые входил в состав подобного жюри и, надо сказать, извлек из этого много полезного для себя.

В июле, в Абакане, в театре имени Лермонтова, провел мастер-класс по актерскому мастерству, в рамках Международного эколого-этнического фестиваля театров кукол «Чир Чайан-2019». Там мы участвовали с «Кроткими». Потрясающий фестиваль,

один из лучших в России! После конкурсных показов все отправились на три дня далеко от города, на озеро Белле. Невероятно красивая природа, множество прекрасных людей, знакомств...

Год назад в московском Доме музыки прошел юбилейный концерт талантливейшего композитора Лоры Квинт. Она представила сочинение для большого симфонического оркестра, хора, солистов и чтеца — «Страсти по корриде», премьера которого состоялась в 2017 году и приурочена была ко дню рождения Евгения Евтушенко, так как музыка была написана на основе его поэмы «Коррида». Надо сказать, эту поэму я очень люблю, поэтому для меня было великим событием, когда на роль испанского поэта Лора Квинт пригласила именно меня. Я впервые работал с орке-

стром — и это было незабываемо. Дирижировал оркестром московской филармонии Михаил Юровский.

— Какие впечатления, когда находитесь на одной сцене с оркестром?

— Космос! Даже не могу передать, что чувствуешь, когда стоишь на сцене рядом с оперными звездами первой величины и прекрасным симфоническим оркестром, хором и являешься частью всего этого музыкального великолепия...

— Под финал театрального сезона на сцене театра «Человек» вышел спектакль в вашей постановке «Кроткие» по повести Ф.М. Достоевского, который очень тепло встречают на раз-

ных театральных фестивалях. Расскажите, пожалуйста, об этой работе — ведь вы играете в спектакле главную роль, и одновременно являетесь его режиссером. Вот что написали специалисты про ваш спектакль: «Не меняя ни единого авторского слова, режиссер как будто бы ставит между главным героем и зрителем линзу в виде двух дополнительных, не означенных у Достоевского персонажей, вводящих действие в совершенно новый контекст — не современный, скорее вневременной. И сквозь эту волшебную линзу становится особенно хорошо видно — это про нас!»

— Вообще, спектакль был изначально задуман как фестивальный,

и премьера его состоялась в 2018 году на международном театральном фестивале «Человек Театра» в Челябинске. Спектакль вызвал интерес и у профессионалов, и у зрителей, поэтому решили показать его в Москве. А суть в том, что героя мы перенесли в современность и ввели в ткань спектакля совсем новых персонажей. Как так получилось — не знаю, но текст Достоевского абсолютно вне времени, он современен всегда. Открывать секреты не буду, скажу лишь, что с нами над спектаклем работал еще и врач — психолог, и мы на репетициях смеялись буквально до слез. В итоге получилась очень увлекательная, одновременно смешная и страшная история про недоговоренность, где сюжет Достоевского проходит лишь пунктиром.

— Какие сериалы, фильмы или спектакли, просмотренные вами недавно, произвели на вас впечатление?

— Мне понравился пятисерийный сериал «Чернобыль». Про него уже много написано и говорено. Для меня главное — искусство должно вызывать эмоции, и этот сериал произвел сильное впечатление.

В рамках международного театрального фестиваля имени Чехова посмотрел много интересного. Очень впечатлил балет Акрама Хана — «Жизель», в исполнении Английского национального балета, особенно работа со светом и музыкой. Какие-то

моменты спектакля до сих пор вспоминаются.

— Расскажите немного о своих дальнейших планах и о своей, как вы ее называете, «команде»...

— Вы правы, рядом со мной действительно моя «команда», люди, ставшие не просто коллегами, а настоящими близкими друзьями. Художник-постановщик Маша Рыбасова — вместе мы уже несколько спектаклей сделали и полны планов. Художник по свету Сергей Скорнецкий, художник по костюмам Люба Скорнецкая, режиссер по пластике Константин Мишин. Смотреть за их работой очень увлекательно. Кроме того, к нам пришел зав литературной частью Александр Вислов. Он помогает мне продумывать дальнейшие планы развития нашего театра. Бывает, мы с ним, с директором Владимиром Месхишвили и его заместителем Наташей Тураевой засиживаемся до трех ночи, обсуждая наши дела и проблемы. Но это, поверьте, очень интересно.

— Владимир, какого зрителя вам хотелось бы видеть в своем театре?

— Я бы ответил так: хорошего, доброго, думающего и веселого. Для меня настоящий театр — он «для всех». Каждый считает что-то свое, какой-то свой пласт, поэтому рады мы любому зрителю.

Беседовала **Елена Воробьева**. □

Евгения Гордиенко

Прасковья

крепостная сцены

Этой женщине довелось играть множество ролей, носить десятки сценических имен. Да что там говорить — даже фамилий у нее было

две: полученная при рождении — Ковалева и сценический псевдоним — Жемчугова. Вот только самую желанную свою фамилию —

Шереметева — она получила уже в самом конце жизни, да и то — открыто пользоваться ею не могла.

Казалось бы, на что могла рассчитывать в середине XVIII века дочь крепостного кузнеца (коваля — отсюда и фамилия), горбатого, да к тому же сильно пьющего? Только на участь крепостной же девушки в услужении. Если повезет — в барском доме, а нет — так в поле или в хлеву. Но на юную Парашу у судьбы были иные планы. Ей повезло — если так вообще можно говорить о доле крепостных в то время — родиться одной из двухсот тысяч людей, принадлежавших богатейшему роду Шереметевых.

Когда в эпоху Екатерины II светское общество охватила страсть к театру, граф Петр Борисович Шереметев отдался новому увлечению со всеми возможностями богатого человека.

В его спектаклях, которыми порой «угощали» посещавшую дом императрицу, принимали участие и сам Петр Борисович, и его сын Николай. Тогда, в детстве, молодой человек и «заболел» театром.

Шереметев-старший был настолько увлечен своим домашним театром, что выстроил в подмосковной усадьбе Кусково настоящую сцену. Актеры, разумеется, были из крепостных, то есть отбирали детей, которые так или иначе проявляли свой талант, и «растили» из них будущих звезд сцены.

Одной из отобранных «в актрисы» девочек стала семилетняя Параша

Ковалева, худенькая, с огромными глазами, отличавшаяся утонченностью, не свойственной крестьянским детям. Поскольку отныне ничем, кроме театра, ей заниматься было не нужно, ее отдали на воспитание старой и одинокой княгине Марфе Долгорукой, которая жила в усадьбе приживалкой, чтобы девочка, подрастая, обрела нужные манеры и знания. Ее обучали драматическому искусству, языкам, пению и музыке — у Прасковьи было прекрасное лирико-драматическое сопрано.

Ради справедливости стоит отметить, что так серьезно подходили не только к обучению юной дочери кузнеца. Из театра Шереметевых вышло немало талантливых крепостных актеров, музыкантов, композиторов, а сама кусковская сцена порой «отнимала» публику у столичных театров.

Юный граф Шереметев, Николай Петрович путешествовал несколько лет, пока отец его занимался становлением театра. Когда он вернулся, ему было представлено «подрастающее поколение» актеров и актрис. Среди них, конечно, была и Прасковья, получившая к этому времени сценический псевдоним «Жемчужова» — граф давал актерам имена по названиям драгоценных камней.

Прасковья сразу произвела на Николая впечатление. В одном из писем он описал их первую встречу: «Если бы ангел сошел с небес, если гром и молния ударили разом, я был

бы менее поражен». Но девушка была еще слишком молода, и юный граф лишь восхищался ее талантом. Ему тем временем сватали первых московских красавиц — помимо титула и богатства Николай Петрович был очень красивым и, что самое главное, милым и приятным в общении.

Однако он отказывался от женитьбы, смутно понимая, что ему нравится девушка совсем из «другого теста». Внутри себя Шереметев уже решил, что ни на ком, кроме Прасковьи, не женится. Параша тоже полюбила графа, но разве могла крепостная актриса даже мечтать об одном из самых завидных женихов империи? К тому же ни одна церковь не согласилась бы обвенчать таких, как сказали бы сегодня, разных по рангу жениха и невесту. Однако любви двух душ не могли помешать никакие законы.

Дебют Жемчуговой на кусковской сцене состоялся, когда девочке было всего двенадцать лет. Старый граф оказался доволен ее игрой, и в следующей пьесе ей поручили уже главную роль. И здесь ее ждал успех. После этого Прасковью переселили в специальный флигель, где она жила с другими актерами шереметевского театра. Ей была назначена «верховая дача», то есть питание с барского стола. День здесь был расписан по часам, и значительное количество времени уделялось репетициям и актерскому мастерству.

Поскольку вернувшийся из-за границы сын Николай счел театр от-

ца несколько наивным, он переустроил его по последнему слову европейской техники и пригласил на премьеру весь высший свет, включая саму императрицу.

30 июня 1787 года Екатерина II прибыла в Кусково. Ей демонстрировалась лучшая постановка шереметевского театра — опера Гретри «Самнитские браки». Глубина новой сцены составляла 24 метра, что давало возможность широко развернуть эффектные массовые картины. Выписанные из Парижа театральные машины позволяли производить быстрые, почти бесшумные смены декораций. Императрица была так впечатлена блистательной игрой Парашы Жемчуговой, что пожаловала актрисе бриллиантовый перстень.

Так как чувства молодых людей разгорались все сильнее, после смерти отца Николай, ставший хозяином огромного количества земель и человеческих душ, перебрался в небольшой домик Прасковьи, специально для нее построенный в Кусково.

Ясно, что девушка не была «простушкой» и очередной причудой «барина». Хотя, стоит признать, и до Прасковьи у Николая Шереметева случались романы с актрисами. Но именно с ней обнаружилось то самое родство душ, которое и сводит двух людей навсегда. Именно Параше удалось остановить Николая, вернуть его к жизни, когда он после смерти отца ударился в беспробудное пьянство. Граф был удивлен железной волей этой юной и хрупкой девушки.

*Николай
Петрович
Шереметев*

Уже в шестнадцатилетнем возрасте Прасковья считалась примой. Она могла сыграть и трагедийную героиню, и комедийную болтушку, и мальчишку-пажа. Ее коронной ролью была Элиана из показанной Екатерине II оперы «Самнитские браки». Возможно, это объяснялось и тем, что сюжет был во многом схож с ее собственной жизнью...

Если смотреть на жизнь Прасковьи Жемчуговой глазами ее современников, то она скорее похожа на сказку. Девушка была освобождена от тяжелой работы, ее обучали, позволяли впоследствии занимать-

ся любимым делом, она обрела успех и взаимную любовь... Однако сама Прасковья всю жизнь осознавала униженность своего положения — ведь по сути она была вещью, принадлежащей хозяину, пусть и любившему ее. Даже когда вся ее семья получили от графа вольную, в глазах света девушка все равно оставалась безродной содержанкой. Это не могло не расстраивать ее, несмотря на то, что в Кусково ее считали чуть ли не «небожительницей».

В 1797 году Николаю Шереметеву было пожаловано звание обергофмаршала императорского двора. Та-

*Прасковья
Жемчугова
(Шереметева)*

кая должность требовала переезда в Петербург, где граф снова был окружен вельможами, желавшими, чтобы он вступил в брак с одной из девиц на выданье. Шереметев же оставался верен своей Прасковье, которую через некоторое время привез в столицу. Но она по-прежнему тяготилась своим неопределенным положением. Чтобы хоть как-то поправить дело, Шереметев нанял стряпчих, которые выискали в «родовом древе» девицы Ковалевой польских предков Ковалевских, причислив ее, таким образом, если не к дворянам, то хотя бы к «приличному» сословию.

Благодаря этому, а также особой благосклонности государя графу Николаю Петровичу удалось официально обвенчаться с Прасковьей Жемчуговой. 6 ноября 1801 года в церкви Симеона Столпника на Поварской улице в Москве они сочетались тайным браком, после чего снова вернулись в Петербург.

Женитьба графа долгое время держалась в тайне от света, и только через два года, после рождения сына Дмитрия, о ней было открыто объявлено. Высший свет пребывал в шоке, но об этом Прасковье Ивановне не суждено было узнать...

От сырого петербургского климата у нее обострился наследственный туберкулез. Надежд на выздоровление становилось все меньше и меньше, болезнь быстро прогрессировала, чему способствовали и недавние роды, отнявшие у нее последние силы. Сына сразу забрали от нее, врачи опасались, что младенец может заразиться этой смертельной болезнью, так что сына она

даже не увидела. Через три недели, 23 февраля 1803 года Прасковья Жемчугова скончалась. Ей было всего 35 лет...

Ее комнату безутешный вдовец превратил в мемориал, запретив трогать что-либо. На похоронах не было никого из петербургского света, только собратья-актеры, семья, да архитектор Джакомо Кварнеги, который поклонялся актрисе.

Перед смертью Прасковья Ивановна просила, чтобы муж заботился о тех, кому нужна помощь. Выполняя свое обещание, Шереметев построил в Москве Странноприимный дом (ныне — институт имени Склифосовского), а также назначил приданое нескольким десяткам бедных девушек, оставшихся без работы после закрытия театра в Кусково — без примы он не имел никакого смысла. Прасковья хотела, чтобы у девушек была возможность, как и у нее, связать жизнь с любимым человеком.

Николай Петрович после смерти супруги прожил еще шесть лет. Он не роскошествовал, вел самый простой образ жизни, посвящая себя благотворительности и помощи бедным. В завещании, обращаясь к сыну Дмитрию, он написал: «В жизни у меня было все. Слава, богатство, роскошь. Но ни в чем этом не нашел я упокоения. Помни же, что жизнь быстротечна, и лишь благие дела сможем мы взять с собой за двери гроба».

Сын Прасковьи, Дмитрий Николаевич Шереметев, был признан законным наследником рода Шереметевых. В 6 лет оставшись сиротой, впоследствии он продолжил дело своих родителей. Много жертвовал на благотворительность, а когда доходы сокращались, уменьшал, прежде всего, свои собственные расходы, а не те суммы, что отдавал в помощь нуждающимся. Благодаря ему в XIX веке даже была поговорка «жить на шеметьевский счет».

*Сын Николая и Прасковьи —
Дмитрий Николаевич Шереметев*

Его высоко ценил император Александр II. Однажды он даже прожил в Останкино у Шереметева неделю и, по легенде, именно там принял решение об отмене крепостного права. Если это было правдой, то лучшего Прасковья Ковалева-Жемчугова-Шереметева и пожелать не могла.

Она была похоронена в Петербурге, в Александро-Невской лавре. На могильной плите этой удивительной актрисы и горячо любимой мужем женщины выбито стихотворение:

*Не пышный мрамор сей, бесчувственный и бранный,
Супруги, матери скрывает прах
бесценный.*

*Храм добродетели душа ее была:
Мир благочестья, вера в ней
жила. □*

— Фриц, — сердито произнес вслух Матвей Семенович и снова вздохнул. За окнами занимался рассвет. Из-за плотных туч солнце не показалось, а лишь обозначило себя на темном горизонте. И все же светало...

Уже прокричали первые петухи на плетнях, в сараях замычали коровы, в загонах заблеяли овцы, и птичий хоровод, словно венец всему происходящему, не умолкал уже добрые полчаса. А старик все никак не мог успокоиться. Он ворочался на постели с боку на бок, периодически вздыхал, покрывал, переживал. И было отчего...

Вчера он получил недоброе известие от своей непутевой дочери о том, что к нему направляется его единокровный внук. Да не тот, что любимый из Кемерово Сашка, а самый, что ни есть, настоящий Фриц...

«Ну и имечко она ему выбрала, — продолжал ворчать на младшую дочь старик. — Нет, чтобы Генка или Славка, а то на тебе — Фриц. Ни дать ни взять, зараза...» А сколько уж он таких на войне повидал, и не счесть — рыжих, белых, чернявых. Всех ненавидел, всех с земли своей разоренной гнал. А теперь... А теперь ждал в гости очередного поганца... «Да лучше уж помереть!» — расстроено вздохнул дед и перевернулся на другой бок.

Старый состав заскрипел, заскрежетал и, наконец, остановился. Из поезда повалил взволнованный народ. Посматривая по сторонам, спустился на перрон и он, высокий белобрысый красавчик. Одет был молодой человек в джинсовые шорты, принтованную тельняшку, высокие кеды-сапоги, а на голове юнца красовалась бежевая, с белым отворотом, да еще с красной звездой, шапка. Такие ушанки носили разве что в Европе, но не здесь в России, ни зимой, ни тем более в это время года... Шорты — и ушанка! А потому люди озирались на парня, некоторые смеялись, а кое-кто крутил пальцем у виска. Однако Фриц ни на кого не обижался. Во-первых, потому что он жеста этого не знал, а, во-вторых, чего еще можно ожидать от этих иностранцев? Вон, мусор бросают, где попало, пьют без памяти да матерятся...

Русский язык Фриц хорошо знал, мать его научила, правильнее сказать, муттер. Она переходила на него всякий раз, когда отпрыск ее доставал — прогуливал занятия, огрызался... А последней каплей для женщины стало его бегство.

— Подумаешь, с друзьями в Баварии побывал! — возмущался Фриц.

А то, что отцовский «кадиллак» помял да за драку в полицейский участок угодил, парня совершенно не волновало. Зато взволновало его другое.

— Ты едешь жить в Сибирь, — заявил ему как-то отец. — Может быть, там придешь в себя.

Фриц удивленно посмотрел на него и засмеялся:

— Россия?! Вот это да! И вы меня в такую даль отправите? Не пожалеешь, папа?

— Не пожалею, — сказал, как отрезал Ганс. — А когда человеком станешь, возвращайся...

И вот он здесь, в этом Богом забытом месте, где наверняка нет ни Макдональдсов, ни ночных клубов, ни даже кабаре...

— Да уж, — вздохнул Фриц. — Ну, что ж, — вытащил он из своего кармана скомканный лист бумаги, — теперь автобусом номер «два» до аэропорта?

Но аэропорт — это было громко сказано...

На поле неровном, горбатым, со всех сторон окруженном тайгой, красовались лужи после дождя. Ни ограждений тебе, ни трапов, кругом одна полынь-трава. Где-то в стороне стояло несколько обшарпанных самолетиков. Такие в Германии, конечно же, не летали. Там были большие лайнеры с надписью «Люфтганза» на боку. Встречались экземпляры и поменьше, частные, но тоже очень красивые. А эти... Эти назывались «кукурузниками». Почему? Может быть, оттого, что были похожи старые развалины на кукурузу?

Фриц вздохнул. Но, садиться ему в такой все-таки придется...

В салоне чем только не пахло — силосом, комбикормом и даже, как ему показалось, конским навозом... Фриц поморщился и приземлился у иллюминатора на длинную мягкую лавку.

Напротив него расположились трое. Рыбак в штормовке и в высоких резиновых сапогах, дед с рюкзачком да старушка, что держала на привязи козу. Животное то и дело блеяло.

Фриц улыбнулся рогатой и попытался погладить ее.

— А ну, не тронь козу! — остановила его бабка. — Она обхождения такого не любит!

И молодой человек убрал руку.

Вдруг самолет затрясло, как погремушку, он, скрежеща, быстро покатил по полю и, к счастью, уже через мгновение взмыл в воздух. Взору парня предстала бескрайняя тайга.

«Вот это красота! — подумал про себя Фриц. — Такого я еще, пожалуй, и не видел».

— Ты, сынок, чей будешь-то? — неожиданно обратился к нему старик.

— Я не знаю, — пожав плечами, улыбнулся он. — Кажется, какого-то Матвея Паклина внук.

— Матвея? — удивился дед. — Так это ж мой сосед! Мы с ним с самого детства якшаемся. А меня Петром Алексеевичем кличут. А тебя как?

— Фриц...

В воздухе повисла гробовая тишина, и отчетливой стал слышен лишь рев мотора.

— Тьфу, немчура проклятая! — плюнула на парня и перекрестилась бабка. — Ишо тебя нам здесь не хватало! — и резво отвернулась от попутчика...

А в небольшом доме Матвея Семеновича пока все было тихо. Негромко гудел на кухне старенький холодильник, мерно тикали на стене часы-ходики. В дальней комнате вещал включенный телевизор. Там как раз передавали новости...

Дед вдруг вспомнил, что на плите у него уже давно шкварчит картошка, и кинулся к ней, но было уже поздно — та намертво прилипла к сковородке...

— Вот и все, — удрученно произнес Матвей Семенович. — Теперь придется яйцом угощаться, да дожидаться обеда. Правда, пока еще мясо сварится...

Он налил себе в кружку черного чая, достал из мешочка хлеб и сел за стол у окна заправляться. Механически взглянул во двор и увидел, что у забора что-то мелькнуло...

«Никак нечаянный гость пожаловал?» — подумал пожилой человек и мгновенно выскочил на крыльцо.

А во дворе его уже поджидал тот, кого старик совсем не рад был видеть. Высокий голубоглазый парень. Хозяин дома прищурился и остолбенел. Ведь на него смотрел он сам, Матвей, в свои семнадцать лет... Такие же ямочки на щеках, нос горбинкой, белесые брови.

— Вот это номер! — не удержавшись, вымолвил дед. — Чистая немчурка, а словно я...

Такого удара судьбы он не ожидал и от возмущения даже поперхнулся.

— Привет! — будто не замечая ничего вокруг себя, сказал молодой человек — Я твой внук, кажется...

— Внук, — наконец отмер хозяин, затем посмотрел на странную шапку-ушанку, схватил ее и, зашвырнув в кусты, проворчал:

— Клоуны нам тут не нужны! А звезду такую еще заслужить надо! — Развернулся и зашел в дом.

Фриц обескуражено посмотрел ему вслед и неожиданно широко улыбнулся:

— Вот это прием! Вот это характер! Муттер просто отдыхает... Ну, ничего, мы еще посмотрим кто кого...

Со времени приезда Фрица в Бережки, так называлась дедовская деревня, прошло уже несколько дней. Но парень здесь практически ничем не занимался. Великолепно себя чувствовал, пил, ел, на диване валялся да все в приставку немецкую играл. И как-то раз Матвей Семеныч не сдержался. Подошел к гостю и сердито приказал:

— А ну, вставай, зараза! Пошли в сарайке прибираться!

— В какой сарайке? — удивился внук.

— В такой. Щас покажу, — недовольно крякнул старик и вышел из дома.

Следом за ним нехотя отправился и Фриц.

Сарайкой называлось помещение для коров, покосившаяся деревянная развалюха. Животных внутри не было.

— А где же эти, «му-у-у»?! — изобразил на голове «козу» непутевый внук.

— А эти на лугу сейчас пасутся. Да ждут, когда ты, баламут, дерьмо за ними уберешь.

— А если я не хочу? — поморщился Фриц.

— Ну, тогда обратно к матери с отцом отправляйся. Я, ты знаешь, тебя не держу...

Парень нахмурился.

— Родители меня тобой наказали... — нахмурившись, проговорил парень.

— Да ну? Видать, насолил ты им шибко. Тогда — прошу! — протянул старик отпрыску вилы. — Ну, а я лопату возьму...

Вскоре они с дедом уже работали внутри. Коровий помет вместе с сеном нужно было скрести, выметать, скоблить и вывозить в огород на тачке. От всего этого Фрица вдруг стошнило. Он вытер рукавом брендовой рубахи рот и ухмыльнулся:

— Видел бы меня сейчас Скотт...

— А Скотт, это кто? — не обращая на недоумение внука никакого внимания, спросил старик, продолжая чистить сарайку.

— Скотт — это мой друг американский. Он со мной вместе в старшей школе учится...

— И что?

— А то. Он говорит, что на фермах только низшие классы трудятся.

— Да, кажется, где-то я это уже слышал... — Матвей Семенович остановился, морщинистой рукой вытер со лба пот, поправил выползшую из брюк клетчатую рубаху, затем облокотился на черенок. — А твой друг к какому классу относится?

— К высшему, думаю...

— Значит, стало быть, и ты?

— Ну, да...

— А все остальные, выходит, скоты? — Не удержавшись, старик неожиданно размахнулся и толкнул внука прямо в навоз. — Это твой Скотт скот! И ты вместе с ним, ежели так же думаешь! Не для того я на фронте воевал, чтобы такое слышать! И не тебе, сопляку, людей на классы делить! — Затем бросил лопату и со словами: — Вечером приду, чтобы сарайка блестела. Нет, значит, поезжай к отцу! — ушел.

Летние ночи в деревне были короткие. Вроде вот только вечерние птицы пели, а уже кричат петухи. И все жужжит, чирикает, ползает, квохчет...

Огромный овод, стартовав с огуречного листа, покружил немного над огородом, приблизился к дому, воткнулся в прозрачное стекло, исследовав его, поднялся выше и, наконец, влетел в открытое окно. Попетляв с жужжанием по комнате, он приземлился Фрицу прямо за воротник.

— Teufel! — подскочил на постели ужаленный парень. — Чтоб тебя! — перешел он на русский язык, почесал укушенное место, потер глаза и осмотрелся.

Рядом не было ни души. Дед, аккуратно заправив свою кровать, уже «отчалил».

«Ну, и старик! — подумал про себя Фриц. — Ни дать ни взять, боярин! — Значения этого слова юнец не знал, но думал, что оно сродни понятию

«богатырь». — Это ж надо, какой силищей обладает, одной левой меня уложил! А с виду так вроде и не скажешь. Щуплый, худой, неказистый. Но гора... Да... А жить по его правилам мне все же придется, — вздохнул он. — Но как?»

С детства его все опекали — мать, бабка Фрида, отец, гувернантки, няньки, кухарки, личный washman. А теперь? А теперь он был предоставлен сам себе. Но ни этого ли он всю жизнь добивался?

В это время с улицы донесся громкий крик:

— Федька, выходи!

«К кому это он обращается?» — удивился Фриц, но, на всякий случай, решил побыстрее собраться и через минуту уже стоял во дворе.

Дед сидел на лавке, а вокруг него бегали маленькие ягнята...

— Ты меня это, прости, — насупившись, пробормотал он и поднял глаза на внука: — Как-то Фрицем тебя называть язык не поворачивается. Фрицы вроде враги нам. Может, я буду тебя Федором кликать?

— Кричи... — пожал плечами парень.

— Вот и ладно, — обрадовался дед. — Давай, помоги! — Он притянул к себе маленького барашка: — Стриги...

— Чем?

— Да вот этим, — показал старик на лежавшую рядом с ним ручную машинку.

— Я же не умею...

— Тогда держи и смотри...

Фриц перехватил ягненка, а дед стал аккуратно его стричь. Шерстяная шуба медленно сползала. А испуганный малыш блеял и брыкался. Но из рук парня было не удрать...

— Сколько их у тебя? — спросил Фриц.

— Баранов? Да голов сто или сто пять...

— Сколько?! — поперхнулся внук и тихо добавил: — А где же они?

— На пастбище все, с пастухом пасутся. Ты их потом поглядишь... — ответил дед, продолжая «цирюльничать».

В тот день они еще много чем занимались. Окучивали картошку, поливали огурцы, пилили дрова. Фриц с непривычки очень устал, болели ноги, спина, руки просто отнимались, и он постоянно дул на свои набухшие мозоли.

— Это ничего, — успокаивал его старик. — В труде герои рождаются!

«Герои — усмехнулся про себя Фриц. — И что тут героического? Полоть, копать, сажать... Хотя, может быть, это и верно...»

А на следующие сутки все повторилось снова. Через неделю парень уже к работе привык, не жаловался, не причитал и отдыха не просил...

А в субботу Матвей Семенович заявил:

— Сегодня в баньке попаримся!

— В какой баньке? — удивился Фриц.

— В русской, в самой, что ни на есть, настоящей... — улыбнулся дед и пошел ее топить.

Баней в России называли маленькую бревенчатую избушку на краю огорода с предбанником да деревянным полком. Она отчасти походила на финскую, поэтому Фриц смело вошел в нее, но у порога почему-то остановился и, заикаясь, произнес:

— Может, я... это... как всегда, у колодца обмоюсь?

— Да нет уж, проходи, — помахал перед его носом еловым пучком старик.

Парень обреченно вздохнул, прошел в предбанник, раздевшись, педантично сложил на лавку свои вещи и ступил внутрь того, что, скорее, называл бы адом. Жар в бане стоял невероятный! Кругом висела густая пелена, вода в баке кипела, печь шипела. Фриц подбежал к трехступенчатому полку и улегся там, где пониже.

— Вот это да-а!.. Настоящая Африка!

— Был в Африке-то? — возник в дверях дед.

— Был...

— И как там?

— Да попрохладнее, чем в вашей бане...

— В вашей! В нашей! — весело произнес Матвей Семенович. — Баня парит, баня правит! — сказанул он непонятную Фрицу фразу и добавил: — Сейчас загар тебе оформлять будем...

Дед сунул еловый веник в тазик с водой, потряс им, а затем хлестнул Фрица по спине. Тот от неожиданности подпрыгнул.

— Лежи! — приказал ему Матвей Семенович. — А потом меня попаришь... — Он стал охаживать колючими прутьями тело внука, но парню почему-то было совершенно не больно. — А русского в тебе все ж таки больше! — довольным тоном неожиданно выдал старик...

Она передвигалась по пыльной просеке медленно, будто пытаясь проснуться, часто кивала головой, трясла бело-желтой гривой, то и дело махала хвостом. Пятнистая, низкорослая, тяжеловесная лошадь тянула скрипучую телегу за собой. А вокруг простилалась тайга...

Загадочная, бескрайняя, будто сотканная из крепких стволов кедров, сосен, елей, берез, тайга никого не звала к себе в гости. Царство болот, лишайников, мхов не просто берегло себя от дурного глаза, но и отгоняла чужаков.

Вот и Фрица она встретила неласково. Полчище мошек, оводов, комаров набросилось на него со всего маха и принялось грызть, да так, что парень

едва успевал отбиваться. Но все было напрасно. Кровопийцы метили ему прямо в нос, уши, глаза...

— Да чтоб тебя! — всякий раз вскрикивал он, активно размахивая руками — Ну и привязались, заразы!

С противоположного края повозки за мучениями внука наблюдал его дед.

— Ты бы сетку-то москитную на бошку надел, — посоветовал он. — С нею гнус, поди ж то, тебя не покусает.

— А где она?

— Да во-он, в телеге, под моими сапогами...

Фриц достал сетку, надел ее на себя и натянул на лицо. Перед глазами все сделалось в клетку, и густой лес, и ухабистая дорога, и голубое небо, и облака, а еще маленькая собачонка Лялька, что бежала следом. А вот оводы и комары от парня наконец-то отстали. Теперь они со страшной силой грызли старика. Но тот, будто этого не замечая, только дергал поводья да побрякивал.

И тут Фриц не сдержался:

— И как ты здесь живешь? Кровососы кругом, глушь, даже Интернета нет!

— Интернета? — переспросил Матвей Семенович, но, сообразив, что все равно не поймет объяснения внука, махнул рукой и добавил: — Ты бы, Федька, лучше поинтересовался, как мамаша тут твоя жила.

— И как?

— Да так же, как и ты, все пицала. Ох, и капризная девка была! Случалось, сядет у окна и причитает: «Не могу я больше на вашу деревню смотреть. Устала...» А от чего здесь уставать-то? Воздух свежий, природа, река. — Дед помолчал немного, а потом тихо спросил: — Как хоть она?

— Нормально, — пожал плечами Фриц. — У матери фирма своя. Разные там дела...

— По родным-то местам, чай, скучает? — печально вздохнул старик.

— Ага, — соврал парень.

— Вот и я говорю, нет ничего дороже любимого края. Супружница моя, Мария Федоровна, стало быть, бабка твоя, как о Люськином отъезде в Германию узнала, так и слегла. А через полгода и вовсе померла. Немцы-то в войну всю семью ее расстреляли... Но-о-о, пошла! — Не договорив, Матвей Семенович крепко стеганул лошадь вожжей, и та побежала быстрее.

А Фриц задумался.

«Расстреляли? Странно, почему мать мне ничего об этом не рассказывала?»

Про Вторую мировую он, конечно же, знал, был со школьной экскурсией в Рейхстаге, слышал о зверствах фашистов и о миллионах погибших,

но чтобы война коснулась его родных? Может быть, дед ему все наврал? Мало ли как бывает? Вон он какой странный...

«А если все-таки это правда, значит, выходит, я — сын врага?..» — мелькнула в голове мысль, но ее тут же перебил зычный голос деда:

— Все, кажись, приехали!

Телега свернула в сторону и вдруг выкатила на небольшое открытое поле. Там сушилась уложенная неровными рядами скошенная трава. Она благоухала такими ароматами, что парень, в ту же минуту обо всем позабыв, успокоился. А дед вручил отпрыску грабли:

— На, держи! Сено подтаскивай, а я копну собирать стану...

Работа в тот день шла нескоро. Лишь через два часа первая копна была готова. А еще предстояло поставить, как минимум, две...

Старик переместился чуть поодаль и снова принялся укладывать траву, ту, что подгробал ему Фриц. Разговаривать Матвей Семенович не любил, долгое одиночество сказывалось, а потому слушал стрекотание кузнечиков, пение птиц да все на внука поглядывал. Тот же, не обращая на деда внимания, делал свое дело...

«Какой же он все ж таки прыткий! — подумал про себя старик — Хотя наверняка и трудиться не привык, и не держал ничего тяжелее вилки. И все же орел! Это уж у него мое! А все остальное — чистый ариец. Аккуратный, щепильный...» — вздохнул он и вдруг спросил:

— Кем твой отец работает?

— Мой отец? — удивился Фриц, остановился, посмотрел на деда и ответил: — Мой отец — владелец ветеринарных клиник.

— Бизнесмен, стало быть?

— Стало быть. Но он еще сам животных оперирует...

— Ну, это он у тебя молодец, — одобрительно кивнул головой Матвей Семенович. — А дед?

— Деда нет. Он погиб, когда я только родился...

— Погиб?

— Да, на машине разбился...

— На машине... — автоматически повторил дед и тотчас представил сытого бургера. Наверняка он служил, и не исключено, что Гитлеру. Ах, поганец! Ах, паразит!

Он снова насупился, бросил грубо: — Чего встал? Подтаскивай траву! — и продолжил собирать копну...

Дедовская деревенька тихая, будто сонная, разлеглась на двух невысоких холмах единственной улицей. Улицей под названием «Ключи». Хотя заграничный гость переименовал бы ее в «Песчаную». Зыбкий, белый пе-

сок, словно просеянный ситом, хрустел под ногами, перемещался, гонимый ветром, с места на место...

В солнечный день на этой «подстилке» любили погреться свиньи. Они укладывали свои тучные тела ровно посередине дороги и радостно хрюкали.

А неподалеку, суется, бегали куры, петухи, важно вышагивали гусаки, носились игривые дворняги...

Фриц спускался по узкой тропинке меж огородов к реке, чистой, прохладной, на противоположном берегу которой, словно стражники, плотной стеной высились сосны. Раздевался, заходил в воду и плыл до тех пор, пока не устанет. Затем переворачивался на спину, смотрел в небо и думал обо всем: о беззаботной жизни в Германии, о шумных вечеринках и веселых друзьях, о красивых девушках, которых у него было много. Думал и о своем теперешнем существовании. Не сказать, чтобы оно ему особенно нравилось. Работать приходилось от зари до зари, пугало полное отсутствие цивилизации. И все же что-то во всем этом было. Может быть, некая особая правильность, первозданность? А еще его поражали старики, те, кто свой век в селе доживал.

Конечно, они поначалу встретили его в штыки. Видано ли дело, немчура пожаловала! А потом ничего, привыкли, отошли и даже о здоровье интересоваться стали. Вот только Фрицем называть так и не смогли. Все больше Федором или Федькой. Но парень на них не обижался, приветствовал при встрече, улыбался и даже о Европе кое с кем говорил. Особенно его донимала тетка Маня.

— Вот ты мне скажи, — спрашивала она гостя. — Пенсии у ваших стариков большие?

— Не знаю, — пожимал плечами Фриц.

— Ну, как же не знаешь? Плохо они там живут?

— Да нет, отдыхают, в круизы разные плавают...

— Круизы? — удивлялась собеседница. — А что это?

— Это путешествия на корабле по морю...

— По морю? — повторяла бабуля — И надолга?

— Ну, да...

— А как же хозяйство, куры, коровы? На кого они их оставляют?

Но на это парень ответить старушке уже не мог, и разговор на том завершился.

Фриц вновь переворачивался на живот, плыл. Воспоминания исчезали. Оставалась лишь приятная, теплая вода...

Дни после покоса установились жаркие. Пот катил градом даже в тени. А потому Матвей Семенович пока решил с работой по огороду повременить и уселся на сквознячке между домом и сараем столлярничать.

Обращался он с деревом умело, как научил его в свое время отец, сосланный в Сибирь зажиточный крестьянин. А потому поделки у Матвея выходили славные. Вот резная шкатулка, а там табурет, скамья витиеватая. Сейчас руки умелого мастера украшали буфет, вернее, створки будущей мебели. Старик резал, строгал, пилил, и большего счастья ему было не надо. И все же что-то тревожило пожилого человека. Прошлое не отпускало, душило, истязало, заставляло переживать.

— Да-а... — то и дело вздыхал он и вновь погружался в воспоминания.

Родился Матвей Семенович еще в двадцатые. В коллективизацию вместе с родителями приехал сюда, в глухую сибирскую деревеньку, да так тут и остался. Детство свое он старался не вспоминать, а чего там помнить — голод, холод да смерть старших братьев? Из одиннадцати ребятишек в те годы у матери с отцом осталось двое, он и его сестра.

А дальше была одна работа с утра до ночи и с ночи до утра. Поэтому школу Матвей не окончил, некогда было науки познавать. Но все же грамоте его обучила мать. Он умел читать, считать, а все остальное — жизненный опыт.

Потом пришла война, страшная, суровая. Матвей отправился воевать. Попал рядовым на передовую, а там уж с пехотой прошел пол-Европы, если Украину с Белоруссией не считать. Но самым страшным для Матвея все эти годы было — убивать. Случалось, нажмет на курок, пригнется, а в ответ в него пули летят. И не ясно, кого смертушка схватит — то ли врага, то ли его самого.

А уж про рукопашную и говорить не приходится! Колол врага, когда штыком, а когда и саперной лопаткой. И уж некогда было лиц разбирать, лишь бы противника одолеть да самому в живых остаться...

— Да уж, — вслух произнес Матвей Семенович. — Такого навидался, что и не передать, до самой гробовой доски вволю хватит...

— Чего вздыхаешь? — вдруг услышал он знакомый голос с соседнего двора. И тут же над забором возникла мужская голова, седая и веселая.

— Петр, ты, что ли? — спросил старик.

— Ну, я. Как поживаешь?

— Да как всегда. Видишь, буфет лажу.

— Ага. А как твой внук? Привыкает?

— Привыкает. Только вот толку от его привыкания. Все равно к себе в Германию укатит.

— Укатит, но все же родину предков поглядит...

— Поглядит. Только где его родина, там или тут, кто его знает?

— Конечно же, здесь, Люська твоя ведь русская...

— Русская. А родился внучок там, и отец у него германец...

— Да-а-а... — почесал затылок сосед. — И все же я полагаю, что он наш. Кроушку-то славянскую ничем не разбавишь, а если и разбавишь, то не на половину, — сделал вывод Петр Алексеевич. — Ну, что ж, пока, — попрощался он и исчез так же внезапно, как появился...

Сегодня ночью они оба не спали. Хоть дико устали и вместе искупались в реке, крепкий сон никак не шел. Матвей Семенович периодически ворочался с боку на бок, а Фриц, размышляя, смотрел в потолок да на луну за окном поглядывал. Та висела ярким блюдом на черном полотне в окружении звезд. «Вот так бы взять и в космос полететь, — подумал он про себя. — И никаких тебе забот...»

Вдруг где-то на окраине села громко завывали волки. Парень невольно вздрогнул, а дед, будто почувствовав волнение внука, открыл глаза и спокойно проговорил:

— Не бойся, это наши деревенские псы на покойника голоса...

— На покойника? — испуганно переспросил Фриц.

— Ну, да. Видать, помер кто-то, у нас ведь теперь в каждой избе старик на старике... — тяжело вздохнул Матвей Семенович.

— А молодые где?

— Молодые все в город укатили. Приезжают, конечно, по весне да летом ягодой угоститься, а еще ребятишек на каникулы сдать. А так... Никому мы теперь не нужны, ни государству, ни собственным детям... А покойники — они не страшны. Спят себе тихо, как голубки. Уж ты мне поверь, я погибших на фронте много видел... Вот взять, к примеру, мирное население. Фашисты, когда из сел уходили, всех убивали — и баб, и стариков, и малышей. Кого вешали, кого сжигали, кого просто расстреливали. Вот и лежали, безвинные души, кто где — кто на солнышке, кто в теньке, а кто и головешками в истлевшей избе... Я в те годы примерно в твоём возрасте был. И меня тоже тогда часто дрожь колотила, а потом ничего, освоился, привык... — Вдруг дед аж в лице изменился. — И знаешь, что меня поразило? Это же надо, какими извергами быть! Беременную женщину изнасиловать, убить, живот ей вспороть и груди отрезать... — Он застонал, рукой взялся за сердце и, отвернувшись к стене, тихо добавил: — Теперь она у меня перед глазами стоит... Вот оно как. Все, спи...

Но сон у Фрица не просто прошел, а будто испарился. Он подскочил на диване, сел, да так и сидел недвижно. Если бы все это он узнал раньше, может быть, и не поехал к деду. Ведь стыдно! Стыдно за зверства своих немецких предков в глаза старику смотреть... Стыдно...

Месяц в деревне пролетел незаметно. И вот уже август наступил, и холоднее стали рассветы. В огороде уже давно созрели огурцы, и дед вме-

сте с Фрицем их засолил, а теперь ждал, когда вырастет картошка да округлятся капустные кочаны.

Десятого числа Матвей Семенович сообщил внуку: «Скоро именины мои, стало быть, нагрянут гости». Но кто конкретно, не уточнил...

А уже на следующее утро гости и пожаловали. Сын Матвея Николай, с отпрыском Сашкой, дочь Катерина, с двумя девочками-близняшками. Последние, как две капли воды, были похожи на мать, рыженькие и худые. А звали их Дарьей и Марией.

Но больше всех заграничному гостю пришелся по душе Николай — высокий, широкоплечий, седовласый, лицом весь в деда, а так добродушный весельчак... А вот двоюродный брат Фрицу не понравился. Молчаливый, чернявый, одет кое-как, к тому же прыщавый. Фриц поздоровался с ним и отошел в сторону.

— Ну что, здорово! — накинулся на племянника дядя Коля. — Как дела?

— Нормально...

— А Люська как, не икает? Мы ее тут недавно вспоминали. Ох, и хулиганкой твоя мамаша была! Девчонкой, бывало, везде с пацанами: и яблоки воровать, и голубей стрелять, и клады искать... А теперь уже большая...

— Большая, — согласно кивнул Фриц.

— И почему не приезжает-то? Все дела?

— Ага...

— Вот и я говорю, ни дать ни взять, разбросало... Разбросало нас всех, кого куда. Я в Кузбассе, Катерина в Питере, Людмила в Германии. Да-а... — Николай закатил глаза, а потом вновь взглянул на племянника: — Ну а ты как сюда? Навсегда?

Парень пожал плечами.

— У меня школа... — пожав плечами, ответил Фриц.

— Школа? — удивился дядя Коля. — А я думал, ты уже студент. Но это ничего, учись, пока молод. А то будешь вон, как мой бестолковый, — посмотрел он на поникшего Сашку. — В институт идти не захотел, вот и отправился со мной работать в шахту. А у нас, ты знаешь, там и чихнуть-то страшно, — тяжело вздохнул дядя Коля и ступил в родительский дом.

На следующий день спозаранку, перед празднованием своих именин, глава семейства решил заколоть двух баранов.

— А как же, — объяснил он. — Татьяна Сергеевна придет, учительница ваша бывшая, тетка Маня, сынок ее Егор, Андрей Михалыч, бывший колхозный агроном, Васька, тракторист местный. Ну, и Петро.

— А Петро — это кто? — не удержавшись, спросил Фриц деда.

— Петр Алексеич, мой сосед, с которым ты в самолете вместе летел... В общем, дружок мой закадычный Петька. — Дед помолчал немного, а по-

том стал раздавать указания: — Катерина, давай тесто на пельмени меси, Николай, ножи точи, Сашка, картошки в огороде копни. Я же в погреб за самогоном, а ты, — посмотрел он на Фрица, — а ты, Федька, загон отвори да калитку крепче держи, не то сметут тебя окаянные...

— Кто сметет-то? — не понял Фриц.

— Эти ее мать, бараны!

Парень отправился в загон. Сколоченный из горизонтальных досок, он был построен рядом с домом, но, чтобы к нему пройти, нужно было пересечь большой двор, а перед тем открыть ворота. Однако не успел Фриц приблизиться к калитке, как вдруг увидел, что огромное стадо, поднимая на улице пыль столбом, несется к дому. Трясущимися руками он начал развязывать бечеву, ту, что калитку с основной изгородью соединяла, но у него ничего не получалось, толстая веревка, затянутая узлом, не поддавалась. Тогда Фриц стал резать ее перочинным ножом, который всегда носил в своем кармане. Наконец бечева порвалась. Но было поздно — бараны дружной толпой уже вбегали во двор. И тут неожиданно к парню со всех ног подлетел Сашка. Он резко оттолкнул растерянного Фрица в сторону и распахнул калитку настежь. Животные набились в широкий загон и, как по команде, встали. Фриц облегченно перевел дыхание.

— Шустрее надо быть, — проворчал Сашка, запер притихших баранов и вновь отправился в огород...

В прохладном погребе было темно и сыро. Кругом пахло землей и мылом, которое Матвей Семенович тоже здесь почему-то хранил, как говорил — от дневного света...

А еще вдоль стен стояли стеллажи, на которых мирно соседствовали и грибы, и помидоры, и огурцы, и все, конечно же, в банках.

Старик окинул взглядом свои богатства, довольно крякнул и достал с полки запотевший бутыль. Затем вынул пробку, нюхнул самогон и, не раздумывая, хлебнул из горлышка. По телу пробежал приятный хмель, лицо налилось краской.

— Годнаа! — громко произнес он и тут же закусил хлебной коркой.

После чего уселся отдохнуть на низкую лавку. Вскоре веки начали слипаться, и дед, прислонившись к холодной стене, забылся сном...

Во сне к нему пришла она, та, которую Матвей до сих пор любил. Его единственная, его жена...

— Маша, — спросил старик, — как ты?

— Я в порядке. А ты?

— И я. Знаешь, а ведь Люська-то нам родила...

— И кого?

— Парнишку. Фрицем его назвала...

— Это ничего, главное, что наш он...

— Ага. Я его Федькой кличу. Ох, и смысленный малый, да и работающий...

— Работающий? Значит, весь в тебя...

— В меня, — ответил Матвей Семенович и задумчиво добавил: — А был бы я вообще, если бы ты меня тогда не спасла?..

И вспомнил старик, как лежал после боя весь окровавленный под разбитым танком, в месиве из снега и песка. И как подползла к нему она, Маша, худенькая девчонка-медсестра, да как тащила на себе, приговаривая.

— Не умирай, родной! Не умирай! Прошу тебя! Война, что вода, прольется и не останется. А мамке ты нужен живой. Слышишь?!

— Да...

— Вот и ладно...

— Ладно, — повторил Матвей Семенович и открыл глаза.

Не скоро еще старик пришел в себя, а как оправился, наверх засоби-рался.

— Война, что вода, — тяжело вздохнул он. — Война, что вода...

Вечерело. Теплый ветер, поднимая занавески на окнах, разносил запах съестного по всему селу. Соседский бестолковый щенок повел мокрым носом, пролез под забором и побежал, радостно виляя хвостом, по чужому двору. Увидев белых несущек, остановился. Те, важно вышагивая по песку, делали вид, что его не замечают. И тут малыш разогнался и со звонким лаем ворвался в самую гущу куриной «команды», устроив там веселый переполох.

— Ах ты, хулиган непутевый! — поднял щенка на руки Фриц, погладил его и отнес к забору. — А ну, ступай обратно! — подтолкнул он его к лазу, а сам вернулся в дом.

Там уже все было готово.

Стол ломился от деревенских яств. Взору парня предстали и вареная картошка, и зелень, и щи, и пельмени, и малосольные огурцы, и мясо, запеченное в русской печи... Фриц присел с краю на лавку и обвел взглядом гостей.

Напротив него восседал дядя Коля, тетя Катя с дочерьми, баба Маня, чуть подальше — Сашка с дедом. Остальных он не знал, но вскоре со всеми познакомился.

Какие же они были смешные, забавные, простые. Женщины в цветастых платочках, а мужики... Загорелые лица, грубая кожа, седые виски, и все как один, в чем по дому ходили, в том на «банкет» и пришли.

Фриц украдкой улыбнулся и вдруг вспомнил свои немецкие рауты. Слабый пол, как правило, поблескивая бриллиантами, являлся на званые ужины в вечерних платьях, мужчины — в модных костюмах да во фраках. И все там было чинно, благородно, без суеты...

А здесь?!

— Наливай, Семеныч, пока не ушли! — задорно выкрикнул тракторист Василий.

— И то верно, — поднял свой бокал Николай. — А ты чего сидишь? — обратился он к племяннику. — А ну, давай! — и плеснул Фрицу мутной жидкости в стакан. — Пей за здоровье деда да закусывать не забывай!

— Ты его там больно-то не соблазняй, — погрозил пальцем сыну старик. — Мал он еще самогонку-то нюхать...

— Мал?! Да он уже мужик!

— Мужик, не мужик, а здесь парня к этому делу нечего приучать! — Дед немного подумал, а потом махнул рукой: — Хотя, если только по одной?

— За тебя! — посмотрел Фриц на именинника, улыбнулся и, по русскому обычаю чокнувшись со всеми, выпил.

Но тотчас об этом пожалел. Огненная жидкость прожгла юноше пищевод и где-то в желудке остановилась. Он сморщился и быстро затолкал огурец себе в рот. «Да уж. Это тебе не виски!»

А за столом началось! Анекдоты, хохот, разговоры. Побеседовать русские люди любили. О ценах в магазинах, о войне, о правительстве... И тут бабка Маня, посмотрев на остальных, запела, протяжно, громко, да так, что ее подхватили и дядя Коля, и Катерина, и Петр, и весь сидевший вокруг народ. А Фриц в изумлении открыл рот. Ведь раньше он еще никогда не слышал, как душа человеческая поет. А она не просто пела, она страдала...

*По диким степям Забайкалья,
Где золото моют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах!
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах...*

Вдруг Матвей Семенович прервал стройный хор и, подняв свой стакан, громко произнес:

— Давайте-ка мы с вами еще выпьем. За победу! — Опрокинул в себя самогон, вытер губы и неожиданно спросил: — А ну-ка, Федька, скажи, кто с Гитлером войну выиграл?

Фриц, растерянно посмотрел на собравшихся и выпалил:

— Американцы...

— Кто?! — Старик от возмущения аж на стуле подскочил. — Да твои американцы — самые настоящие засранцы! Только и знали, что на людском горе карманы набивать, а как поняли, что мы Россию-матушку да пол-Европы освободили, сразу кинулись воевать! А нам, ты знаешь, их помощь была уже без надобности! — Он перевел дыхание и продолжил: — Мы столько жизней за победу положили, что и не сосчитать! Мерзлы, голодали,

вшей кормили, родных, товарищей теряли, костями ложились, на танки с винтовками ходили! Ты хоть знаешь, что такое, когда в разные стороны оторванные руки, ноги летят?! А я все это видел! А еще видел замученных, сожженных и убитых! Но тебе этого не понять! Ты же у нас европеец, эти ее мать! И вообще, немец, ты и есть немец! — махнул дед рукой на внука.

Фриц молча поднялся из-за стола и вышел из дома...

Застолье, которое началось так весело, вскоре утихло. Люди, переживая случившееся, еще посидели немного, а после заката и совсем разошлись. В доме осталась одна Катерина. Она вместе с дочками мыла посуду, а Матвей Семенович с Николаем сидели на крылечке и курили.

— Да-а, не думал я, что все так выйдет, — жаловался старшему сыну на внука старик. — Я ведь его, поганца, уже за своего принял... К нему со всей душой, а оно вон как?!

Николай затушил сигарету и посмотрел на отца:

— Пап, а пацан-то ведь ни в чем не виноват. Чего ему там в Европе говорят, то он и повторяет...

— Повторяет, — согласился дед. — А своего мнения, что ли, у него нет?

— Стало быть, нет... И вообще, чего ты хочешь? Он ведь и вправду немец. А им наша победа разве нужна?

— Не нужна, — кивнул Матвей Семенович. — Но только если бы не она, то никого бы не было, ни Люськи, ни Катьки, ни тебя, ни, тем более, Федьки...

— Это-то да... — задумчиво покачал головой Николай. — Не было бы... А Людка-то хороша! Как же можно истории своей не знать и не рассказать об этом своим детям?

— Чего-о? Истории? — вдруг сморщившись, переспросил дед. — Какой истории? Она с остальными-то предметами в школе никак. Считать научилась кое-как, и то ладно... Помню, из Москвы своей прискакала и хвастает: «Замуж, мол, выхожу за иностранца». «За кого?» — спрашиваю. «За иностранца. Буду за границей жить, на кабриолетах кататься!» Вот теперь и катается. А Федька... Разве в ум-то войдет с такой-то мамашею? — тяжело вздохнул старик. — И где теперь он?

— Не переживай, батя, Сашка его сейчас мигом найдет!

— Дай-то Бог... Дай-то Бог...

Но Фриц в тот день так и не нашелся...

Сурова русская тайга! Днем жара, ночью холодно. И мошкара, мошкара... Она искусила его буквально всего и живого места не оставила. Но парень, не разбирая дороги, все шел. Куда? А кто его знает? Прямо. Через овраги и буреломы, через поляны. Вот поваленная сосна, а там лишайни-

ки, а здесь высокая трава. И снова холодно. Холодно так, как не было никогда...

Фриц растер щеки ладонями. Только бы ему сознание не потерять. Только бы не потерять сознание...

И тут где-то в небе грянул гром.

«Этого еще мне не хватало, — подумал он. — И зачем я только в тайгу пошел? Не знаю. Да нет, наверное, знаю, — и скрипнул зубами. — А чего он? Что я ему, фашист, что ли, какой-то? Немчура! Немчура! Думает, мне приятно?»

И вдруг Фрица подвела нога. Она зацепилась за высокую корягу, и парень, падая, со всего маха ударился о сосну лбом.

«Вот и все! — мелькнула мысль. — Больше я, наверное, уже не встану. Никогда...»

Вдруг вспомнился дом, отец, мама и дед, который, наверняка, его теперь везде искал...

Уже четвертые сутки Матвей Семенович не спал. Уже четвертые сутки... И все было вокруг кувырком в поисках внука. В поисках того, кого он по нетерпимости своей потерял.

— Ах, какой же я болван! — не переставая, корил себя дед. — Какой же я глупый!

Однако одними угрызениями совести парня было не вернуть. И чтобы найти его, старик подключил все село, а Николай вызвал поисковиков.

Спасатели на вертолете обследовали округу, а Матвей с сыном и другими селянами, разбившись на группы, отправились в тайгу.

Поиски длились уже не одни сутки, но пока безрезультатно.

— Федька! — то и дело кричал дед. — Федя!!

Но ему отвечало лишь гулкое эхо да безмолвная тайга. В еловых кронах тихо шумел ветер, да шуршала под сапогами высохшая трава.

Уставшие люди решили сделать привал и расположились у костра. Весело закипал чайник, на полотенце были разложены бутерброды. Однако старик о еде и не помышлял. Он сидел в сторонке и переживал.

«А если внука убила гроза или того хуже?» О том, что может быть хуже, Матвей Семенович даже думать боялся. Он ведь никогда себя не простит!

«Но все же, если Федя жив, куда он мог отправиться? — мысленно спрашивал себя Матвей Семенович. — Наверное, туда, где уже был? А был он там, где мы с ним кедровую шишку сшибали. Но то место уже давно позади. Значит, потопал дальше. А дальше...» — не успел додумать старик, как вдруг что-то ему показалось странным.

Он посмотрел на сидящих вокруг костра людей, но те, ничего не замечая, разговаривали да угощались чаем. И лишь собака Лялька, только что лежавшая у ног спасателей, наострила уши, подскочила и залаяла.

Дед тут же резко поднялся.

— Лялька, за мной! — выкрикнул он и быстрым шагом отправился за рванувшей вперед дворнягой на звук, который ни с чем перепутать не мог.

То был слабый стон. Стон его внука...

Он обнаружил его неподалеку, лежащим в овраге, всего израненного, изможденного, но, главное, живого.

— Федька! — подскочил Матвей Семенович к парню, опустился на колени, перевернул его и приподнял голову: — Федька!

Тот медленно открыл глаза.

— Дед! Как ты?

— Я в порядке. А ты?

— И я. — Фриц чуть улыбнулся. — Дед, я — немчура?

— Ну что ты! Ты наш, русский, а если и немчура, то своя...

— Ты прости меня... — облегченно вздохнул Фриц.

И тут старик поперхнулся. По морщинистой щеке покатилась слеза.

— Ну что ты, родной? Это ты меня прости, дурака старого! Это ты меня прости, дурака...

Малыш крепко держал в руках голубой воздушный шарик, пока проходили по Ленинградскому проспекту, по Тверской, по Охотному ряду... И только дойдя до Красной площади, он его отпустил.

Шарик тут же в воздух взмыл и растворился в небе.

— Ура! — громко закричал малыш. — Победа!

— Победа! — радостно подхватил его отец. — Победа!

И не было их ликованием конца.

Как не было конца и бесконечному людскому потоку, в котором они сейчас вместе шли. «Бессмертный полк», так называлось шествие. «Бессмертный полк»...

Здесь соединялись помнящие сердца, души целых поколений уже ушедших и еще живых. Старые и молодые несли портреты тех, кто освободил мир от страшного врага...

Удобно расположившись на плечах родителя, малыш посмотрел на фотографию пожилого человека, которую держал в своих руках.

— Папа, это мой дед?

— Нет, прадед, — ответил Фриц.

И вдруг мальчишка повторил вслед за ним:

— Это мой прадед, Матвей Семенович Паклин. Он воевал храбро и фашистов победил. А я его правнук... □

Великий «будетлянин» Велимир Хлебников

В русской поэзии XX века Велимир Хлебников занимает совершенно особое место. Ошеломляющее новаторство языковых поисков, удивительно яркая индивидуальность, масштаб личности, одухотворенность и полная отрешенность от всего бытового, приземленного (во время своих бесприютных скитаний по стране он носил рукописи стихов в наволочке и мог забыть их где угодно), наконец, бесспорная одаренность с проблесками гениальности в том, что он писал и замысливал, отмечены всеми, кто с ним соприкасался. А среди «соприкасавшихся» были и Маяковский, и Мандельштам, и Тынянов, и Заболоцкий...

Осип Манделштам говорил о нем: «Подобно Блоку, Хлебников мыслил язык как государство... Он гражданин всей истории, всей системы языка и поэзии». А вот высказывание Николая Асеева: «В мире мелких расчетов и кропотливых устройств собственных судеб Хлебников поражал своей спокойной незаинтересованностью и неучастием в людской суетне... Был он похож больше всего на длинноногую задумчивую птицу... Все окружающие относились к нему нежно и несколько недоуменно».

Модернист, ставший образцом классического авангарда, Хлебников буквально растворился в чистой поэтической энергии, в стиховой лаве. Его произведения воспринимаются как «бесконечный единый гениальный черновик, который местами так же трудно читать, как слушать позднего Баха».

Хлебников верил, что поэтическое искусство приходит из будущего, и адресовал свои «поэзы» будущему читателю. Его идеи предвосхитили некоторые фундаментальные открытия минувшего столетия, утверждая новые начала поэтического творчества. Один из основателей русского футуризма, исповедовавший «воображаемую филологию» и трудившийся над созданием целостной концепции «звукосмысла», он считал себя «словотворцем» и мечтал найти общемировой «звездный язык».

Хлебников сознательно избрал для себя роль поэта-безумца, проникающего творческим воображением в запредельные сферы мироздания. Он назвался «Председателем земного шара», служил земным воплощением высшей идеи и мечтал привести человечество в «новый Эдем».

При этом, строя свою поэтику, он глубоко понимал законы русского языка и стремился вернуть словесность к ее истокам.

*Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом «на ты».*

Виктор Владимирович Хлебников родился 28 октября 1885 года в калмыцком селе Малые Дербеты. Его отец, Владимир Алексеевич, был орнитологом, мать, Екатерина Николаевна (урожденная Вербицкая), училась на историка.

Виктор стал третьим ребенком в семье, позднее у родителей появи-

лись еще двое детей, одна из которых — известная художница Вера Хлебникова. «Родился... я в стане монгольских исповедующих Будду кочевников... в степи — высохшем дне исчезающего Каспийского моря», — так писал поэт о месте своего рождения. По отцовской линии он происходил из старинного купече-

ского рода и имел в роду также армянские корни.

По службе Владимиру Алексеевичу приходилось часто переезжать с места на место, и в 1895 году он с семьей оказался в Симбирске, где Виктор начал учиться гимназии. Затем были Казань и продолжение учебы в 3-й городской гимназии. После окончания гимназии он осенью 1903-го года поступил на физико-математический факультет Казанского университета, на математическое отделение.

За участие в студенческой демонстрации был арестован и месяц провел в тюрьме. А в феврале следующего года подал прошение об увольнении из числа студентов университета. Но летом продолжил все же обучение на его естественном отделении. Тогда же начались первые литературные опыты Хлебникова. Он даже безуспешно пытался опубликовать пьесу «Елена Гордячкина», послав ее в издательство «Знание» Максиму Горькому.

После этого Хлебников вновь обратился к орнитологическим исследованиям, присоединился к научным экспедициям в Дагестан и на Северный Урал, даже открыл новый вид кукушки. У него вышло несколько статей по орнитологии. Одновременно молодой человек пытался самостоятельно изучать японский язык, стремясь найти в нем особые формы поэтической выразительности, и продолжал с той же целью углубленное исследование творчества символистов, особенно Ф. Сологуба.

Русско-японская война и поражение России в Цусимском морском сражении окончательно отвратили поэта от научных занятий и побудили его начать поиски «основного закона времени». Впоследствии он писал: «Мы бросились в будущее с 1905 года».

Хлебникову суждено было метаться всю жизнь. Он не знал покоя ни физического (странник без дома, без семьи), ни душевного — вечно что-то искал, изобретал, открывал, менялся сам, менял других... Словом, нищий, бродяга, изгой в обывательском представлении.

Между тем в 1906 году Хлебникова приняли в Общество естествоиспытателей Казанского университета. И хотя в том же году он был зачислен на третий курс естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, занятия вскоре забросил, став одержимым, жертвенным служителем литературы. Можно сказать, что Слово поглотило, растворило Хлебникова в себе. Ему он без остатка посвятил всю свою жизнь.

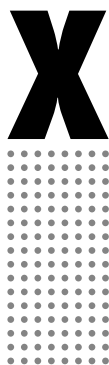
В северной столице замкнутый юноша сблизился с кругом молодых поэтов и начал, по его собственным словам, вести «богемную жизнь». Наибольшее влияние в тот период на него оказали символисты А. Ремизов и С. Городецкий (друг и соратник А. Блока). Они водили Хлебникова на поэтические вечера, на «Башню» Вяч. Иванова, которому он отправил сотню стихотворений и пьесу

«Таинство дальних». Но главное то, что эти двое символистов привили ему увлечение языческой Русью, исконно народным языком.

Причудливая квартира эксцентричного Ремизова оказалась первым литературным пристанищем Веллимира. А славянская тема прочно вошла в его ранние произведения. Для своей сказочной пьесы «Снежинка» он придумал слова «смахинь», «снежинь», «древолюда» и еще целый сонм псевдославянских божеств. В то же время Хлебников ненадолго сделался приверженцем

лишь и ахали таким вот, к примеру, неологизмам: «...и стояла ограда из времowego тесу, и скорбеветвенный страдняк ник над водой».

Какой же поэт жив без любви! И Хлебников влюбился. Поехал в 1909 году в Святошино, пригород Киева, к своим родственникам Рябчевским и встретил там Марию Рябчевскую. Посвятил ей несколько стихотворений, провожал до дому, но дальше дело не пошло. Вообще к женщинам Виктор Владимирович очень тянулся и ухаживал за ними трогательно, по-детски. Увлёкся за-

Хлебникову суждено было метаться всю жизнь. Он не знал покоя ни физического (странник без дома, без семьи), ни душевного — вечно что-то искал, изобретал, менялся сам и менял других...

воинственного панславизма. Написал «Воззвание учащихся славян», в котором призывал к борьбе за освобождение народов Восточной Европы. Вскоре, однако, его пылкий панславизм, как и орнитология, канул в прошлое.

Зато поэзия Хлебникова заявляла о себе во весь голос. Непонятная, непонятая, загадочная, заумная. И все же — Поэзия! Он дождался, наконец, публикации в известном литературном журнале «Весна». Это было стихотворение в прозе «Искушение грешников». Читатели удивля-

лись мужней Верой Петниковой и пытался покорить ее, демонстрируя свои способности к плаванию. Он так и остался неприкаянным холостяком и писал по этому поводу: «Вступил в брачные узы со Смертью и, таким образом, женат».

Возвратившись в Петербург, Хлебников временно осел в «Академии стиха», на верхнем этаже дома, где находилась квартира Вяч. Иванова (отсюда и ее знаменитое прозвище — «Башня»). Но при этом продолжал свои университетские «метания»: собрался, было, переводиться на от-

деление востоковедения изучать санскрит, но передумал и неожиданно очутился на славяно-русском отделении филологического факультета.

Тогда, кстати, и появился на свет экзотический Велимир, заменивший прозаическое имя — Виктор. Вполне по-символистски, если вспомнить Андрея Белого. С символистами Хлебников довольно близко сошелся, однако особого восторга они у него не вызывали и платили ему тем же. В своем культовом журнале «Аполлон» они Хлебникова не печатали. Да и сам он уже тянулся к другому кругу общения.

Круг этот поначалу определили братья Бурлюки, к которым Хлебников переехал жить. Они-то и основали собственное творческое сообщество «Будетляне» (от слова «будет» — будущее) и стали первой русской футуристической группой. Летом 1910-го Хлебников с братьями Бурлюками поехал в Таврическую губернию к их отцу, служившему там управляющим именем графа Мордвинова. После этой поездки у «будетлян» появилось еще одно название — «Гилея», по древнему имени той местности.

С 1911 года Хлебников активно увлекся числами и числовыми зако-

номерностями исторического развития. Осенью он послал министру А. Нарышкину письмо, озаглавленное «Очерк значения чисел и о способах предвидения будущего». Тогда же поэта исключили из университета за неуплату обучения, что окончательно поссорило его с родителями, не одобрявшими литературных занятий сына.

Футуристы выпустили программный сборник «Садок судей», шокировавший литературную общественность. «Сборник переполнен мальчишескими выходками дурного вкуса...», — писал непререкаемый мэтр символизма Валерий Брюсов.

Вскоре к «будетлянам» примкнули В. Маяковский и А. Крученых, который стал особенно близким Хлебникову как представитель «заумной» поэзии. Он также занимался словотворчеством, доходившим порой до словесной эквилибристики.

Тогда же, в 1912 году, у Хлебникова вышла концептуальная книга «Учитель и ученик». В ней автор поведал миру о «законах времени», причем попутно с удивительной точностью предсказал революцию 17-го года. А «будетляне», окрестившие себя отныне футуристами, в том же году подготовили к изданию эпатажный сборник под многозначительным названием «Пощечина общественному вкусу».

В предворяющем книгу манифесте Д. Бурлюк, Крученых, Маяковский и Хлебников призывали «бросить Пушкина с парохода современ-

ности». Добрую половину сборника составляли стихи самого Хлебникова. Разумеется, далеко не всем пришлись по душе строчки из знаменитого «Кузнечика»: *«Крылышкуя золотиписьмом\ Тончайших жил,\ Кузнечик в кузов пуза уложил \ Прибрежных много трав и вер. \ "Пинь, пинь, пинь! — тарарахнул зензивер...»* Критикой эти и другие стихи автора были приняты за вымученный бред. Впрочем, книгу раскупили быстро. Хлебников превращался в модного поэта.

Начиная с 1912-го года, футуристы активно пропагандировали свое литературно-художественное направление. Возглавляемая Бурлюком группа «Бубновый валет», еще одна авангардистская группа «Ослиный хвост» под руководством выдающихся художников Н. Гончаровой и М. Ларионова выступили инициаторами ярких выставок нового искусства. В подвальном арт-кафе «Бродячая собака» Маяковский громко читал свои столь необычные по форме стихи. С участием футуристов в «Бродячей собаке» вспыхивали горячие диспуты о путях развития культуры.

Между прочим, именно там произошла на бытовой почве неожиданная ссора Хлебникова с Мандельштамом, которая едва не закончилась дуэлью. К счастью, инцидент был исчерпан, и вчерашние противники остались друзьями.

К началу Первой мировой войны Хлебников разочаровался в футури-

стах, и их дороги разошлись. В какой-то момент поэт под влиянием Мандельштама подумывал, было, присоединиться к акмеистскому «Цеху поэтов», созданному Николаем Гумилевым, но «Цех» к тому времени начал разваливаться. Оставалась лишь привычная судьба одинокого, неприкаянного скитальца.

Велимир кочевал по друзьям и знакомым, мог зайти в чужой дом и остаться там жить, надолго погружался в себя, случалось, в забытьи жевал спичечный коробок вместо хлеба, не заботился о зарплате, забывал о еде и прочих «мелочах жизни», вроде калош и зонтика в дождь. Забывали порой и о нем, безмолвствовавшем где-нибудь в углу, и запирали в пустой квартире... Его раздражала красивая одежда, и он порой срывал ее с близких друзей. Покупая новую рубашку, старую выбрасывал в окно. В шутку или в серьез считал себя Эхнатоном, Омаром Хайямом, Лобачевским.

Кстати, размышляя над «законами времени», Хлебников подсчитал, что все главные события в жизни Пушкина происходили с интервалом в 317 дней, и полагал, что число 317 — одно из самых важных в жизни людей и даже целых народов! А раз так, то и основанное им в 1916 году «Общество председателей земного шара» непременно должно было состоять из 317 лучших людей планеты, в число которых, само собой, входили и лично Хлебников, и Маяковский, и Бурлюк, и Г. Ива-

нов, и Р. Тагор... Война с новой силой побудила поэта искать исторические закономерности, которые могли бы помочь человечеству избежать войн в будущем.

Этим он начал заниматься летом 1914 года, когда вновь гостил у родителей в Астрахани. Счастливое время! В те жаркие пыльные месяцы у поэта-небожителя вдруг завязался любовный роман с московской актрисой Надеждой Николаевой. Хлебников даже перебрался к ней, но идиллия длилась недолго, и в сентябре незадачливый любовник возвратился в Петербург, уже патриотически переименованный в Петроград. Два месяца он жил рядом с Крученых в пригородном Шувалове, затем вновь уехал в Астрахань, откликаясь в стихах на тему войны. *«Усадьба ночью, чингизхань! / Шумите, синие березы...»*

На смутных историко-мистических изысканиях построен сочиненный год спустя рассказ «Ка», оразивший мимолетный образ художника П. Филонова и его мироощущение. *«...Художник писал пир трупов, пир мести. Мертвецы величаво и важно ели овощи, озаренные подобным лучу месяца бешенством скорби».*

Рассказ понравился старику Репину, тянувшемуся к молодым и дерзким, недаром у него в Куоккале под Петроградом часто бывали футуристы. По соседству находились дачи ряда известных художников, где собиралась столичная богема.

Хлебников предпочитал общество Юрия Анненкова и подолгу засиживался у того на тенистой веранде.

Помимо свободного творчества, Хлебников пытался одно время сотрудничать на постоянной основе с недолго просуществовавшей газетой «Славянин», а после ее закрытия целиком сосредоточился на сверхповести (изобретенный им жанр) «Дети выдры». Успел еще выпустить перед войной при помощи Крученых примечательный сборник стихов «Ряв!» Финансировали издание два поклон-

ника нового искусства, не имевшие сами отношения к литературе — пилот Г. Кузьмин и музыкант Г. Долинский.

Тогда же Хлебников умудрился замешаться в публичные скандалы, которые любили устраивать футуристы. Так, Бурлюк выступил с циклом лекций «Пушкин и Хлебников», называя в них Пушкина «мозолью русской литературы». Публика шумно возмущалась. В октябре появился манифест футуристов, сочиненный Крученых и Хлебниковым. Он прила-

гался к сборнику «Слово как такое» и своеобразно формулировал понятие «заумного» языка.

За манифестом последовали скандальные постановки театра кубофутуристов «Будетлянин», в том числе, опера «Победа над солнцем», пролог к которой написал Хлебников. А затем состоялся торжественный приезд в Россию родоначальника итальянского футуризма Маринетти.

Во время одного из чествований заезжего мэтра в Петербурге кем-то из присутствовавших была громко зачитана листовка за подписью Хлебникова и Лифшица, обвинявшая товарищей по цеху в рабском поклонении Маринетти и утверждавшая приоритет русского футуризма перед европейским. Из-за этого Хлебников еще раньше разругался со многими прежними единомышленниками и на лекциях итальянского писателя демонстративно отсутствовал.

Несмотря на возникшие между ними разногласия, в начале 1914 года Бурлюк издал первый том собрания сочинений Хлебникова, заявив в предисловии, что автор «указал новые пути поэтического творчества», и что им «созданы вещи, подобных которым не писал до него ни в русской, ни в мировых литературах никто».

В армию «Председателя земного шара» призвали в 1916 году. Тут-то и пригодилась репутация сумасшедшего — он целый год освидетельствовался различными медкомис-

сиями, попеременно живя то в казарме, то в Астрахани, весной 17-го получил длительный отпуск по лечению и на воинскую службу уже не вернулся. (Вторично Хлебников прибегнул к тому же средству, чтобы уклониться от призыва в Добровольческую армию Деникина в 1919 году, укрывшись в психиатрической лечебнице.)

Февральскую революцию Велимир Хлебников встретил новыми стихами и новыми странствиями: Киев, Харьков, Таганрог, Царицын, Астрахань... Последней он придумал имя — Волгоград (оно пригодилось спустя десятилетия для переименования Сталинграда).

В мае поэт отправился в центр революционных событий — Петроград, и там сразу же включился в бурную общественную и литературную жизнь. Стал членом литературной курии Союза деятелей искусств, выступил 25 мая со стихами, приветствующими революцию, на пафосном празднике Искусств.

Он по-прежнему был одержим идеей «Общества председателей земного шара», пригласил в него новых членов и 25 октября (7 ноября) 1917 года от имени «Общества» написал «Письмо в Мариинский дворец» с постановлением: «считать Временное правительство временно не существующим».

Через пару дней грянула Октябрьская революция. За ее ходом поэт наблюдал уже из Москвы, откликнувшись стихотворением «Октябрь

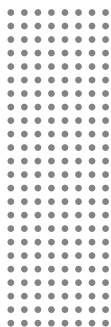
на Неве», затем перебрался в родную Астрахань. И снова бросился в бесцельные странствия. То один, то со случайными спутниками. Как-то его сопровождали двое «будетлян». Старшему из них в степи у костра стало вдруг совсем плохо, и он сказал Хлебникову, что умирает. «Степь отпоет», — ответил тот...

Лава гражданской войны кипела вокруг Хлебникова, не соприкасаясь с ним, продолжавшим свой таинственный путь сквозь Время. Ему

астраханского Военного совета. А еще с Рюриком Ивневым участвовал в литературной жизни города и планировал издать многокрасочный поэтический сборник на русском, калмыцком, персидском и других языках.

Не меньше повезло ему в захваченном деникинцами Харькове. От призыва в армию он, как уже говорилось, благополучно укрылся летом и осенью 19-го года на Сабуровой даче (так называлась городская психлечебница) и в списки «сочув-

С

имволисты особого восторга у Хлебникова не вызывали, а они платили ему тем же и не печатали в своем культовом журнале «Аполлон». Сам Велимир тянулся к другому кругу, который поначалу определили братья Бурлюки. Они-то и основали собственное творческое сообщество «Будетляне» (от слова «будет» — будущее)

удавалось уцелеть там, где другие гибли и исчезали безвозвратно. Весной 18-го он наведился в голодную Москву, жил на квартире доктора А. Давыдова, успел сцепиться с бывавшими там представителями столичной богемы и едва избежал расправы какого-то оскорбленного им чекиста...

В тревожной Астрахани, среди бандитских налетов и чекистских облав, Хлебников удивительно долго для себя и спокойно трудился в газете «Красный воин», органе

ствующих Советам», которыми занималась деникинская контрразведка, тоже, слава богу, не попал. Вместо этого выдал там «на гора» серию небольших стихотворений, поэмы «Поэт», «Лесная тоска», а после комиссования — одно из самых значительных своих произведений, утопическую поэму «Ладомир».

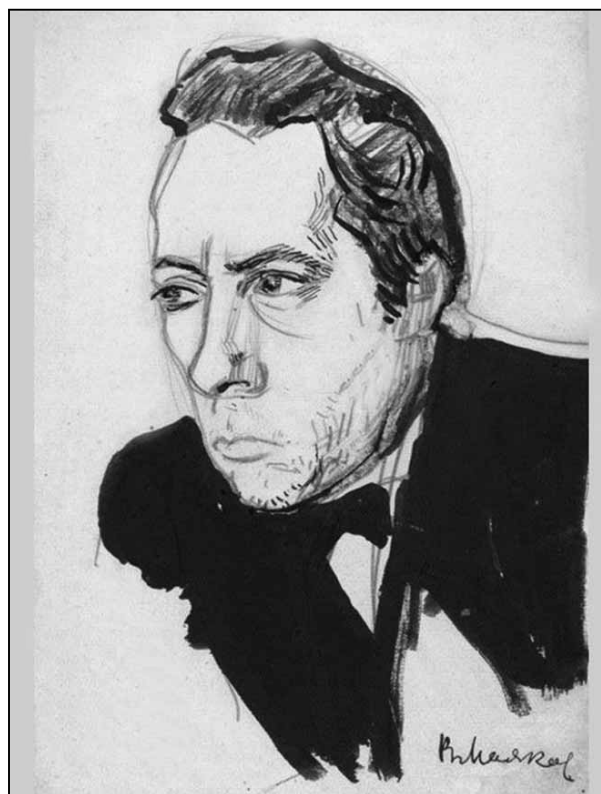
Освобождение Харькова красными совпало у Хлебникова с работой над «стихийной» поэмой «Разин», которая появилась в начале 1920 года.

лучил прозвище «русский дервиш». Между тем Персармия двигалась маршем на Тегеран. В Шахсеваре войско застряло, и экстравагантный «красный» лектор непонятно зачем устроился к местному хану воспитателем его детей. Прослужить в этом качестве ему удалось только месяц — из-за измены одного революционного командира наступление на Тегеран захлебнулось, и Хлебников вернулся в Россию.

Путешествие с армией по Ирану стало для поэта весьма плодотворным периодом. Он создал тогда большой цикл стихотворений и начал поэму «Труба Гульмуллы», которую завершил к концу года, продолжая непрерывные скитания по Кавказу. Нигде не задерживаясь дольше нескольких месяцев, Хлебников заканчивал в Железноводске свой трактат о законах времени «Доски судьбы» и готовил к изданию новые стихи и поэмы. В Пятигорске, три месяца работая ночным сторожем, написал поэмы «Ночь перед Советами», «Председатель Чеки» и другие большие и малые произведения.

Чтобы заняться их изданием, Виктор Владимирович в декабре 21-го отправился в столицу. В Москве его тепло встретили старые друзья — Крученых и Маяковский. Они обеспечили Хлебникова жильем и способствовали принятию его в официальный «Союз поэтов», помимо этого, устроили ему творческие вечера в богемном кафе «Домино».

Недовольство поэта нэпманов-

*Портрет В. Хлебникова
в исполнении В. Маяковского*

ской Москвой вылилось в сильное, вполне «внятное» стихотворение, которое появилось в марте 22-го на странице газеты «Известия»:

*Эй, молодчики-купчики,
Ветерок в голове!
В пугачевском тулупчике
Я иду по Москве...*

Еще несколько «понятных» стихотворений были опубликованы в разных изданиях. А вот трактат «Доски судьбы», ради которого Хлебников, собственно, и приехал в Москву, никто печатать не хотел. Это страшно угнетало его, хотя он продолжал плодотворно работать. Закончил, наконец, повесть «Зангези», ставшую, как и «Доски судьбы», одним из важнейших хлебниковских про-

изведений. Главный герой ее, Зангези, — новый пророк, несущий людям «законы времени» и учение о звездном языке. Произведение было опубликовано только после смерти Хлебникова.

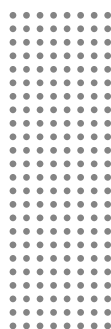
Любопытно, что пророческий дар самого автора повести проявился, помимо всего прочего, и в предсказании точной даты будущей гибели «Титаника»...

...Обывательская публика не принимала Хлебникова всерьез, обзывала умалишенным, газетная критика всячески изгалялась над ним, а

эта, художник П. Митурич увез его подлечиться в благотворном климате Крестецкого уезда Новгородской области, где оставил бывшую жену с двумя детьми.

Виктор Владимирович согласился, однако вскоре после приезда туда слег, пораженный параличом. Уездный врач в поселке Крестцы авторитетно заявил, что смертельной опасности нет и торопиться в Петроград не стоит. Диагноз оказался губительным — через две недели у больного окончательно отнялись ноги, началась гангрена,

О

бывательская публика не принимала Хлебникова всерьез, обзывала его умалишенным, газетная критика всячески изгалялась над ним, а между тем уже при жизни поэта увидели свет исследования его творчества. Самое крупное из них — книга Р. Якобсона «Новейшая русская поэзия. Подступы к Хлебникову»

между тем уже при жизни поэта увидели свет исследования его творчества. Самое крупное из них — изданная в Праге книга Р. Якобсона «Новейшая русская поэзия. Подступы к Хлебникову».

Весной 22-го он опять собрался в дорогу, хотел поехать в Астрахань, но свалился с острым приступом лихорадки, традиционной болезни путешественников в дальние края. Новый друг и поклонник хлебниковского таланта, будущий муж сестры по-

и его выписали из больницы — умирать.

Митурич успел перевезти друга к себе в Санталово, и там 28 июня, в 9 часов утра, 37 лет от роду (еще одна, трагическая, переключка с Пушкиным), Хлебников скончался. Его похоронили на погосте в деревне Ручьи, неподалеку от проезжего тракта, отмеренного верстовыми столбами, вдоль которых он столь долго бродил по родной земле. В 1960 году останки поэта перезахоронили на Новодевичьем кладбище в Москве.

В Ручьях же в 1986 году был открыт музей поэта, и там проходят ежегодные хлебниковские чтения. В 1977 году обнаруженную советским астрономом малую планету 3112 назвали в честь Хлебникова — Велимир. Он всегда хотел быть ближе к звездам.

О нем продолжают спорить до сих пор, спустя почти сто лет после его смерти. Бесспорно одно: Хлебников — явление, без которого парализованный весь мир русский авангард был бы иным. И без его странных,

трудно читаемых текстов иными были бы и Маяковский, и Пастернак, и Хармс, и Платонов... Да, неискушенному читателю он не очень-то подходит. Впрочем, ему удалось повлиять даже на тех, кто вообще почти ничего не читает. Ведь полагают, что слово «летчик» вместо «авиатор» ввел в разговорный обиход именно он.

Даниил Хармс — «Виктору Владимировичу Хлебникову» (1926 г.):

*Ногу за ногу заложив,
Велимир сидит. Он жив.
Все. □*

После полуночи надрывно и слаженно, как хор Турецкого, запели коты. Через полчаса их многоголосие смел усталый собачий бас с интонацией «ша, братва, хорош уже». Коты пытались, было, «отобрать микрофон», но шаляпинский собачий бас ушел в инфразвук, и всех прочих смело. Остались какие-то бессонные птички и одинокий комар, которого я убила аплодисментами.

Дом стоит на горе, сверху небо в сверкающих дырочках и молодой месяц, сквозь тонкое руно одинокого облака расплывающийся в золотой персидский огурец. Снизу — крыши уступами, острые локти портовых кранов и море, море...

Неровным швом снизу, от генуэзской крепости — древняя стена. Тянется, истончается, местами рвется, прячется под корнями сорных трав, шалфея и ромашки, чтобы вдруг вынырнуть низким иззубренным гребешком во дворе под шелковицей.

Поставь напротив пару кирпичей, наруби дров, зажги огонь, жарь мясо, отпуская тревоги в небо с дымом костра... Феодосия, Фео, Кафа...

С горы-то, поди, разгляди, какой нынче век.

Счастливые часов и календарей не наблюдают.

Этот дом на горе — счастливый летний приют моего сына. Тут у него дед, сад, вода из шланга, брехливые соседские собаки, коты, которые гуляют сами по себе, малахитовые древесные лягушки, сверчки и чердак с роскошным видом на морские дали.

Мое собственное детское летнее счастье пышным солнечным цветком распускалось не здесь, но этот дом на горе над морем умеет становиться машиной времени. Я закрываю глаза, и мне снятся другие дом и дед. Их уже нет ни для кого, кроме меня, а я не часто их вспоминаю, но продолжаю нести в себе, как зажатый в кулаке морской камешек со сквозной дырочкой, из которой рвется слепящий свет...

У Феодосии особые отношения с временем. Его присутствие здесь ощути-мо, с ним так и тянет поговорить. Выйдешь на Золотой пляж, сядешь летом у самой воды, зимой подальше от нее — там, где сквозь слюдянисто свер-кающий песок пробивается жесткая трава, и по-свойски скажешь:

— Привет, Вечность!

И дальше — только уже высоким штилем, чтобы со всем уважением и почтением:

— Мириадам моллюсков, растертых тобой в золотистое крошево, в рыжие блестки, иллюзию жизни подарит прибой, унеся в изумрудные дали с собой и оставив в жаровне песчаного плеса...

— Продолжай, — снисходительно шепнет Она.

И ты продолжишь — тебе тут удивительно легко говорить стихами:

— Крутолобые горы глядят свысока, лишь твою признавая хозяйскую волю, ведь что они, если не кучи песка? Превращение их занимает века, но веков у тебя — мириады и боле...

— Все так, — согласится Она и снова задремлет, застынет каменным сфинксом.

Кстати, его вполне можно увидеть. Гора Сфинкс нависает над Агато-вым пляжем в поселке Орджоникидзе, Орджо, под Феодосией. Огромный буро-золотистый лев с человеческим лицом лежит у самого моря: перед-ние лапы в воде, через спину узким ремешком перекинута тропка — непо-чтительные человечки слишком много себе позволяют, но не просыпаться же из-за этого, слишком мелок повод, слишком ничтожен...

Феодосия, по крымским меркам, не курорт. Здесь нет пышной зелени, ухоженных парков и роскошных дворцов, которые так любят туристы. Здесь много всего другого.

Эта часть Крыма напоминает мне мозаику — как будто в трубочку калей-доскопа насыпали разноцветной гальки, облизанных волнами стекляшек, цветочных лепестков, сине-черных, бело-розовых и солнечно-золотых раку-шек. Одно движение руки — калейдоскоп вращается, руль вправо, дорога за поворот — и ты уже совсем не там, где был секунду назад.

Пустые проселки уводят неожиданно далеко. Остановишь машину где-то по пути в Новый Свет, вывалишься в придорожные заросли, под гудящее от теплого ветра парусиновое небо, в пыль, в ковыль, в острые травы и цветы, названий которых знать не знаешь, в желтую пену рододендронов, в колючий шиповник с невыносимо нежными розовыми цветами. Захлебнешься, ослепнешь, потеряешься — где я?

Крым — идеальное место для смирения гордыни и прокачки самоиронии. Тут прекрасно понимаешь, что все мы — лишь песчинки на ладони у Бога, но при этом чувствуешь себя свободным и веришь, что здесь и сейчас самостоятельно дирижируешь симфонией жизни.

А еще Крым — идеальный антидот к рациональной повседневности.

Ложка Крыма на ведро дегтя — и расшатавшийся мир восстанавливается без кровопролития. Главное — не думать долго — быть или не быть. Машина, дорога, Крым!

Потом, после целого дня за рулем, слегка тупить — вполне нормально, но мой супруг погружается в глубочайшую задумчивость. Мне интересно, что именно так впечатлило его? Он тоже беседует с Вечностью?

Хм, это вряд ли...

— Я ж его — да... Или нет? Или все-таки да? — бормочет Колян, пылливо таращась на спелую сочную луну в окошке.

Луна равнодушна, а я — вовсе нет. Осторожно говорю:

— Не знаю, о ком ты, но ваши сложные отношения прошли мимо меня...

— Я вспоминаю, поставил ли в холодильник кетчуп, — объясняет Колян и рушится в кровать.

— Такой шекспировский драматизм из-за кетчупа? — восхищаюсь я. — Куда до тебя Гамлету!

— Вы с Гамлетом не понимаете, — с понижением звука бормочет супруг. — Что, если я оставил кетчуп на столе под шелковицей? Ночью придут коты, ежи, еноты, может, даже шакалы, и... — На этих словах он засыпает.

— И — что? — волнуюсь я.

Сна уже ни в одном глазу! Воображение смелыми мазками, свободно, в экспрессивном стиле рисует картины разнузданной зоовечеринки с кетчупом...

Основания для беспокойства имеются. Ночью певучие коты приходили снова — то ли на запах шашлыка, то ли в поисках благодарной публики... Засев в бурьяне под персиками, сладострастно ныли, стонали — ну, сушья цыганщина, только что без бубнов и медведя.

— А давайте теперь мы! — азартно предлагаю я.

— А давайте! — охотно соглашается муж.

И мы завываем котиками, голосистыми, как дуэт Кабалье-Басков.

Сын сначала таращится изумленно, а потом нежно и вкрадчиво мяукает ломким юношеским басом и тут же распевается, охватив сразу три октавы...

В бурьяне возмущенно фыркают и затихают. Потом звучит обиженное «М-моу!» — и четвероногие цыгане шумно откочевывают к соседям.

— Во коты дают! — сонно моргая, выглядывает из дома разбуженный вокализами дед. — Сегодня у них какой-то особый повод, что ли?

— Это они в честь нашей встречи, — скромно говорит Колян и начинает трястись в беззвучном смехе, как тот потревоженный бурьян.

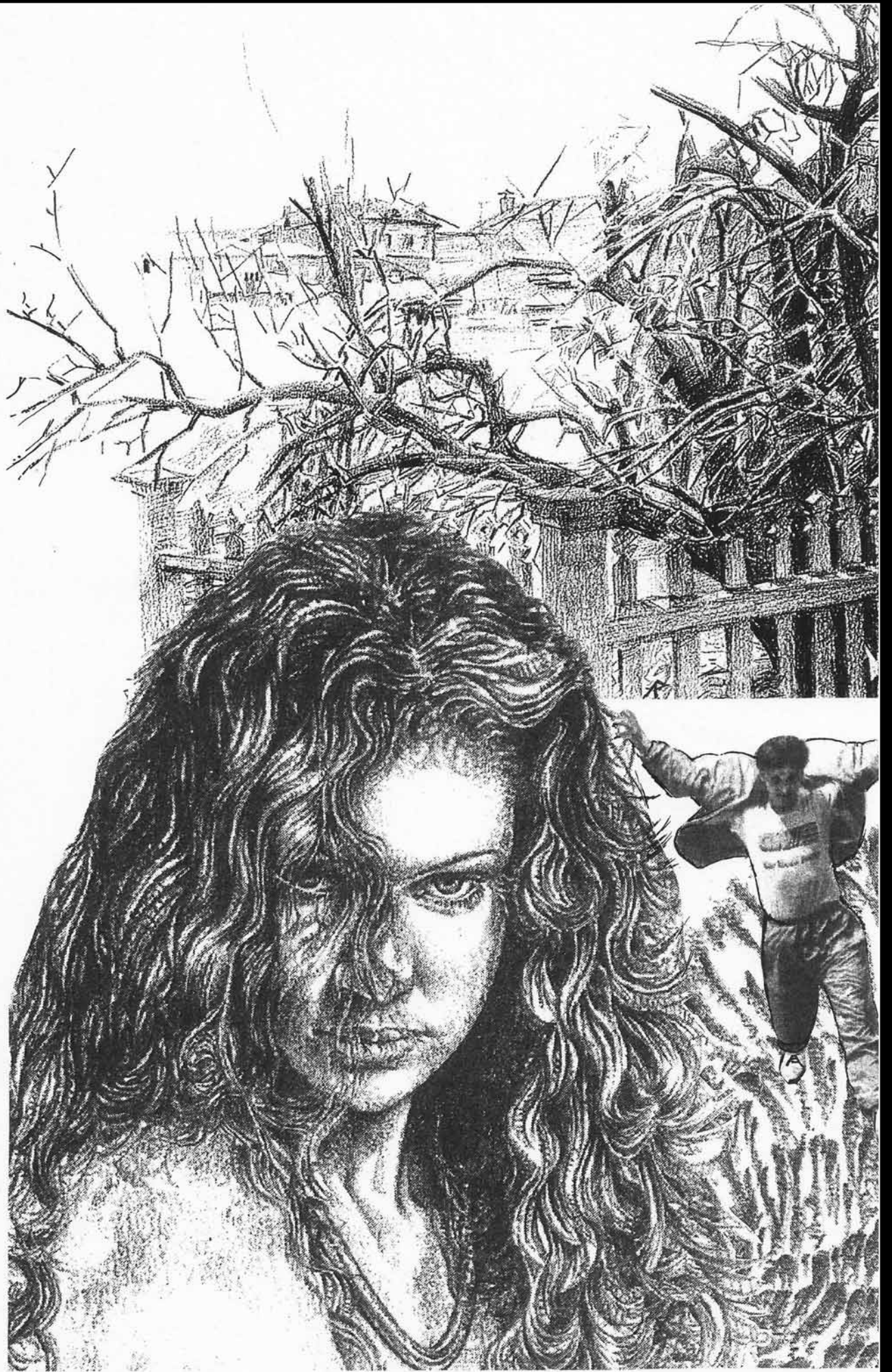
Ночью поднимается сильный ветер. Недозревшие персики крепкими кулачками стучат в стену дома, сложенного из местного ракушечника. Мелкие звездочки сносит с неба, замечает, как мусор, в травяные колтуны на шерстистом боку горы. Толстокожее серое море слабо ежится, зализывает ранки от звездных колючек, ворочается беспокойно, но не шумит — терпит.

Днем приходит жара — злая, веселая, звенящая. Темные стены генуэзской крепости нагреваются, понемногу истаивают в зыби дрожащего воздуха, размываются, теряются на фоне низкого неба. Пышное облако смазывает зубчатые горы, как крючки заедающей молнии, на скальных пиках остаются белые хлопья, и небо придвигается ниже. Синоптики обещали — застегнется со свистом и громом, обрушится, придавит, смоет, сметет в ущелья, но розовые выюнки, невесомые и хрупкие, как бабочки, не верят — и правильно делают: дождя нет уже вторую неделю.

Дед наш, боясь пожаров, косит сухую белобрысую траву на горе у дома. Крутой лоб горы лысеет, набычивается, морщится, отчетливо проступают старые военные траншеи, шрам древней стены, серая бородавка блиндажа, бугры и впадины забытого погоста. Могилы на горе такие старые, что лишь пара плит с уверенностью определяются как надгробные, но и на них уже надписи стерлись — лишь крест едва различим. Памятные камни раскололись, ушли в землю, спрятались в траве. Кто здесь лежит? Почему так далеко и высоко? Спросить некого, но... Мир вам! Мир и покой.

Вечером солнце скатывается с нашей оголившейся кручи с ускорением, летит в пропасть у подножия дальних зубчатых гор. Выюнки задерживают его на секунду-другую, но остановить не могут и не хотят: с грозой синоптики опять промахнулись, но закат в Крыму по расписанию. Солнце, горы и море — здешние короли, и точность — их вежливость.

В сотне километров восточнее солнце — шарик крутого желтка — продирается сквозь перекрестия стальных ферм, мелко крошится, рыжими хлопьями забивается в ямки на лиловой воде, тонет, кормит собой стада серебряных рыб. Мы уже катимся по мосту — бусиной по тугой струне: с одного берега на другой, из старой сказки в привычную нам реальность... Позади остается Фео, о, Фео, Фео миа — провинциальный город на задворках империй, древний, сонный, пыльный, медленно остывающий от жары, скучный, тихий, глубокий, из ста слоев, в большинстве которых и близко не было нас... □

МОЯ ШОКОЛАДНАЯ БЭБИ

Пролог. 1992 год

Кэт проснулась первой и почему-то сразу подумала: может, то, чем она мучилась двадцать лет, — это на самом деле счастье? Может, не согреши ее неведомая московская мамаша с таким же неведомым мавром, была бы она не шоколадной Кэт, а рыжей веснушчатой Катькой. И супермистый Сытов, пресыщенный женским вниманием, преуспевающий и холодный, не обалдел бы тогда на улице Горького от ее кофейной загадочности и не поплелся бы за ней как замороженный...

Он позвонил ей на работу, в детский сад. Когда Даша, тоже нянечка, крикнула: «Кать, тебя!» — она испугалась. Он никогда не звонил на работу, только в общежитие.

— Бэби, — загудел его бас, от которого у нее подгибались колени и начинало ныть в животе, — у меня маленькая неприятность, которая для нас может обернуться большой приятностью. Умерла моя грэндма-зе, не родная.

— Кто умер?

— Баба Шура, бэби! Короче, хоронить некому. Через час жду тебя на нашем месте. Три часа езды, небольшая формальность с погребением, и вечный рай в избушке на курьих ножках. У меня отпуск на три дня. Ферштейн?

— Ага! — коротко ответила Кэт и положила трубку.

Ей дали отпуск на три дня, хотя заведующая, когда Кэт сказала: «Баба Шура умерла», и пояснила, что это ее не родная бабушка, посмотрела на нее так, будто у Кэт выросли рога замысловатой формы.

А потом была дорога, несущаяся им навстречу с такой скоростью, что Кэт визжала, закрывала глаза, затихала, но потом открывала и снова визжала. Сытов водил так, что на неровностях они взлетали и летели еще долго под визг «шоколадной бэби».

Баба Шура лежала в маленьком, будто детском, гробике — своем последнем пристанище, которое показывало, как мало ей нужно было при жизни, а в смерти еще меньше. Кэт поливала ее горячими слезами, пока Сытов не накрыл гроб крышкой и не стал заколачивать. Ветер обжигал холодной влагой лицо и раздувал полы ее плаща, когда последняя порция земли прикрыла маленькую могилку...

Избушка-развалюшка принадлежала теперь Сытову. Она стояла на отшибе поселка, как будто нечаянно оброненная.

На следующее утро Никита просыпался долго и тяжело: мычал, мотал головой, пока не открыл глаза и не сел. Потом быстро оделся и пошел в кухню, где старый закопченный чайник уже пыхтел на печке, а Кэт насыпала в стаканы кофе из банки:

— Смотри, — сказала она, наливая туда кипяток, — это я! А это ты, — показала на банку с молоком. Налила молоко в кофе и захохотала: — А это мы с тобой!

— Кэт, я не пью кофе с молоком, зачем ты это сделала?! — воскликнул Сытов, но, увидев, что она надулась, тут же добавил: — Ну ладно, если это ты и я, буду пить.

За окном опять пошел дождь. О стекло терлась кленовая ветка, уже облетевшая и беспомощная перед осенним ненастьем. Никита не любил дождь, но теперь, в избешке, рядом с Кэт, он его не раздражал и не угнетал. Наоборот, веселила несуразность картины: российская непогода, бревенчатые стены, печь с полатями, и темнокожая девушка белозубо смеется рядом с ним.

Сытов знал толк в женщинах. В свои тридцать два он был холост, свободен, и относился к общению с прекрасным полом, как к своеобразному виду спорта — со своими правилами и техникой безопасности. Кэт поставила с ног на голову всю привычность его существования. Во-первых, она уже год была его единственной женщиной, во-вторых, он умер бы со смеху, скажи ему кто-нибудь раньше, что девочка из детдома, «белая ворона», подкидыш с темной кожей, ставшая нянечкой в детском саду, будет так долго его бесшумной страстью. Если бы в тот день не сломалась его машина, и не брел бы он как простой смертный из редакции домой, никогда бы он так и не попробовал этот «кофе с молоком».

После завтрака Кэт с ногами забралась на кровать, стала раскачиваться на продавленной сетке, тряся по-цыгански плечами, машинально оглядела комнату и вдруг увидела в углу полочку, а на полочке маленькую иконку. Вчера она ее не заметила. Кэт сняла иконку и замороженно уставилась на лик святого. Сытов увидел, как из-за иконы вывалился сложенный вчетверо тетрадный лист. «Странно, — подумал он, — откуда у неграмотной бабки тетрадный лист?» Никита развернул его и рассмеялся: там был нарисован маленький домик, из трубы дымок, деревце у окошка, и стоял автограф бабы Шуры, пожелавший удостоверить свое авторство — маленький крестик прямо под деревцем.

— Наскальная живопись. Возрождение жанра. — Сытов пришпандорил картинку над кроватью. Кэт захлопала в ладоши. Она не все понимала, что говорит Сытов, но он всегда поступал так, как поступила бы она, и это приводило ее в восторг.

Кэт, когда была маленькой, думала, что больна какой-то болезнью.

У всех детей была светлая кожа, а у нее цвета густого какао, которое давали в детдоме только по праздникам. Она совсем бы не страдала от этого, если бы маленькие, злые, белые дети не пытались вечно расправиться с нею. Ее лупили, отбирали игрушки, называли «черномазой». Кэт привыкла к такому обращению, но забитой не стала: кровь неведомого мавра привнесла в нее такой жизнерадостный темперамент, что с лихвой хватило бы на всех белых в столице нашей родины.

Сытов потянулся. В Москве он заматывался журналистскими делами и мечтал о тихой провинции и безделье, в провинции же начинал сходить с ума на второй день. Правда, сейчас с ним Кэт, а это совсем другое дело. Три дня в избушке казались ему просто подарком.

Сытов взял ведро и пошел за водой. Кэт увязалась было за ним, но он цыкнул, и она послушной кошкой снова прыгнула на кровать.

Колонка была далеко. Никита бутсами месил грязь и, увязая, про себя матерился. У колонки он увидел скопление мужиков. Они были с ведрами, бидонами, канистрами, стоявшими на тележках. Все смирно ждали своей очереди. Сытов пристроился в конце.

— Похоронили бабку-то? — спросил его замухрышистый мужик в рваной женской кофте.

Сытов кивнул.

— Да-а, померла бабка! Тихо так, никто и не слышал. А до того такая веселая была, в магазине бабам хвасталась, что родственник у ней какой-то отыскался, гостил два дня. А как он уехал, так она и померла!

Никита удивился. У бабы Шуры не было никого кроме Сытова-старшего, которого в войну она мальчишкой как-то там спасла. Баба Шура была одна, как перст, и приезжали к ней только Сытов-младший или Сытов-старший — затаривали московской провизией. Она всегда охала и причитала при виде импортных консервов, а вчера Сытов обнаружил в подполе целый склад нетронутых баночек. Он не стал спрашивать мужика о последних бабких днях: ну, померла бабка, с кем не бывает в девяносто с лишним лет.

Подошла его очередь, он набрал полные ведра воды и пошел обратно. Господи, как бабка-то носила?! Навстречу ему попались деревенские девчонки. Они остановились и обалдело смотрели на фирмача Сытова, и он поймал себя на мысли, что ему нравится производить впечатление даже на деревенских девчат.

А вот Кэт тогда, в первый раз, посмотрела сквозь Сытова. Идет такая чудодива и смотрит сквозь него. Она темнела кожей на московской улице, напоминая об апельсиновых рощах, жарком солнце и набедренных повязках. Он шел за ней долго, рассматривал: такую прелесть он еще не видел. А потом в один прыжок нагнал ее и, взяв за локоть, на чистейшем английском спросил:

— Девушка свободна сегодня вечером? Может, посидим где-нибудь?

— Чего-чего?! — вылупила она на него глаза.

— Как тебя зовут? — невольно рассмеявшись, повторил он.

— Катя.

— Наверное, и фамилия Иванова?!

Она еще больше вылупилась и кивнула:

— Катя Ивановна Иванова. Откуда вам знать?!

— Русская квартиронка, — усмехнулся он.

— Я не квартирантка, я в общежитии живу, — надула она губы.

Сытов подходил к избушке. Она виднелась сквозь влажную рябь дождя: покосившаяся развалюшка, дымок из трубы, чахлый клен под окном.

Вдруг он остановился от пронзившей его неожиданно мысли. Домик, дымок, деревце, под деревцем крест...

Расплескивая воду, Никита понесся к избе. Кинул ведра у крыльца и одним прыжком очутился у клена. Земля вокруг дерева была взрыхленная — то ли дождем, то ли... Он руками стал по-собачьи рыть землю, вспоминая бабкины откровения, к которым никогда не прислушивался: «До революции-то я у графьев прислугой ходила...» Кретин Сытов, раздолбай, дождался, пока другие «родственнички» объявились! Он понесся в сени за лопатой и краем глаза увидел, как в окно тарашилась, открыв от удивления рот, Кэт.

...Сытов копал. Он перепахал уже все пространство перед домом и понял, что ничего не найдет. Бабка-дура небось завернула «это» в тряпицу и зары-

ла под деревом, а чтобы не забыть, нарисовала картинку с крестиком. Он зашел в избу, сорвал картинку со стены и уставился на нее, усевшись рядом с Кэт.

— Никита, хочешь, теперь я покопаю? — жалобно спросила она.

Никита молчал. Когда возникали трудности, он становился как танк. Надо искать «родственника». Интересно, что за клад закопала бабка? Скорее всего, это драгоценности. Отец говорил, что во время войны они с бабкой чудом не голодали. Она откуда-то всегда что-нибудь приносила, а Сытов-старший никогда не интересовался, где она брала хлеб и консервы. Он просто отдавал ей потом всю жизнь свой сыновний долг — деньгами, вниманием, продуктами, чем мог, одним словом...

Мужика в рваной кофте Никита нашел быстро. Тот почему-то испугался и на напористые сытовские вопросы отвечал:

— Не, не знаю, ниче не знаю. Бабы говорили, а я ниче не знаю. Иди к Попелыхе, она, может, че скажет, а я ниче...

Сытов понял, что действовать нужно осторожнее, он для них «мужик из ящика» — московский и непонятный. На воротах у Попелыхи было накарябано: «Осторожно, злая собака». Он толкнул калитку, «злая» собака беззлобно тьякнула пару раз и беззлобно завиляла непородистым хвостом. Попелыха, жившая одна, обрадовалась возможности потрепаться и рассказать про «родственника».

— Был мужик, — начала она. — Когда приехал, откуда, никто не знает. Бабка радостная ходила, мужика того Лешей называла. Он два дня побыл и уехал.

— Куда?

— А никто не знает. Васька наш говорил, что утром рано видел, как он на попутку садился в сторону Кусково.

— Как он выглядел?

— Да я один раз его видела, вечером поздно. Лет тридцать пять, говнистый такой...

— Рост?

— Да тебе по плечо будет. Куртка на нем старая была, шапка.

— На лицо какой?

— А никакой, только щурится всегда.

Сытов понимал, что искать «говнистого» Лешу, уехавшего на попутке в сторону Кусково, смешно. Но его уже понесло. Сложности его возбуждали, и внутри заработал мотор, всегда толкавший Сытова только вперед.

Кэт сидела с ногами на кровати. За окном темнело, а Сытов все не приходил. Куда он умчался? «Сытов, — звала она про себя, — ну скорее приходи, скорее!» Уже через два дня на работу, и видеться придется снова урывками.

Вообще-то, Кэт садик любила. Ее сначала нигде не брали на работу, но нянечек в садиках всегда не хватало.

— Посмотрим, — сказала заведующая, — если дети пугаться не будут.

Дети ее не пугались. Кэт позволила им обследовать себя на цвет, на запах, на ощупь. Они это делали с удовольствием, потому что Кэт была какая-то не такая. В «тихий час», когда, прикрикнув на непослушных, чтобы те засыпали, воспитатели удалялись, Кэт слушала за дверями веселую возню. Сначала она только подглядывала в щелку, потом стала тихонько к ним пробираться и принимать участие в веселье.

— Только шепотом, — предупреждала она.

Они устраивали беззвучные пантомимы, тихо пели песни и хохотали в подушки. Однажды Кэт попалась. Заведующая вызвала ее к себе и, брезгливо отворачиваясь в сторону, сказала:

— Иванова, я тебя уволю. У тебя сознание на уровне морской свинки. Тебя дети Каткой зовут! Тебя же близко к ним подпускать нельзя!

Кэт не уволили, но теперь она все больше торчала на кухне.

— Кэт, — сказал Сытов, заходя, наконец, в избушку, — рано утром мы поедем по важному делу. Не дуйся, бэби. Так надо.

Еще затемно он вышел греть машину, а Кэт, с трудом раздирая глаза, дрожа от холода, натянула джинсы, вышла из избушки, и они тронулись.

Определенного плана действий у Сытова не было. Он полагался на свою безошибочную реакцию в конкретных обстоятельствах. Чем недоступнее была цель, тем больше разжигала она его энергию. Острые ощущения он любил, и, если их не было, сам начинал искать.

В Кусково они произвели впечатление приземлившегося НЛО. Сытов долго мотался по грязной жиже улиц, пугая местных жителей серебристым «мерседесом» и темнокожей бэби. Прохожие тупо мотали головами, уставившись на Кэт и, похоже, не воспринимая смысл Сытовских вопросов.

Тогда он запер Кэт в машине и пошел один. Ему повезло неожиданно и сразу. Толстая продавщица в магазине, где продавалось все — от трусов до соли, — закивала уверенно:

— Три дня назад приходил мужик, ага. Первый раз его видела. Ага, лет тридцать пять, невзрачный, в куртке, в шапке. Купил вина бутылку, чай. Я почему запомнила: ну, не местный во-первых, а когда расплачивался, смотрю, татуировка у него на пальце, распятие вроде... Иди к Торгашихе, он с ее мужиком разговаривал, может, они че знают.

Наконец-то Сытов взял след. Он подошел к машине и радостно крикнул:

— Я фартовый, бэби!

Кэт опять ничего не поняла, но заулыбалась, потому что улыбался Сытов.

Торгашиху они прождали до вечера. Она оказалась таким же «местным информбюро», как и Попелыха, но с политическим уклоном. В Сытове она сразу же признала «того самого», из телевизора.

— Что творится! — запричитала она. — Что творится! В стране бардак! Как мы раньше жили! Как жили! А этот твой — шабашник он, их тут человек пять понаехало, свиарник строят. Ты посмотри, раньше порядок какой был, все работали, не ленились. А сейчас только языком — ля-ля-ля! Митинги, митинги... А к свиарнику недалеко ехать. Они там в вагончике живут. Пьют все больше. Ведь раньше ж, смотри, разве так пили? А теперь кооператоры-хераторы, воруи-бездельники...

Сытов ретировался, но она напирала на него мощной тушей до самых ворот:

— Сажать всех! Сажать, или сдохнем! Все!

Они уже час плутали по каким-то ухабам и жуткой грязи. Сытов стал чужой, как по телеку, с заострившимся лицом. Он в темноте искал какой-то свиарник, путался в дорогах, бурчал что-то под нос. Кэт захотелось или опять в избушку, или уж в Москву.

Наконец в расступившемся пролеске показался вагончик, в нем слабый свет. Сытов остановил машину довольно далеко от вагончика и, чмокнув Кэт в щеку, сказал:

— Бэби, посиди недолго, я сейчас.

Выйдя из машины, он зашел в вагончик и чуть не задохнулся от смрада: пелена табачного дыма, винный перегар, запах застарелых старых носков и еще чего-то, отчего рвотный спазм сжал горло. Сытов огляделся. Двое мужиков, торча грязными пятками, лежали на животе, на груди тряпья, бывшей, видимо, постелью. Двое других сидели за столом, еще не сломленные, и из граненых стаканов наливались красным дешевым вином.

— Че те, мужик? Надо че? А? — спросил Сытова сидевший к нему лицом то ли лысый, то ли лобастый.

Никита обошел лежащих, глянув на их руки, посмотрел на руки пьющих — татуировок не было.

— Где Лешка? — спросил он.

— Лешка? — выпятился на него лобастый. — А ... его знает. Как вчера ушел утром, так и нет до сих пор. Вещи вроде тут все оставил, — кивнул мужик на небольшой чемодан в углу. — Придет, куда без вещей денется!

Сытов секунду поколебался, затем быстро прошел в угол, взял чемодан и вышел из вагончика.

— Э-эй, мужик! — раздался ему вслед пьяный вой.

Он не побежал. Спокойно, даже размеренно направился к машине. Когда услышал за спиной возню пьяных ног, развернулся, коротко и не очень

сильно ударил сначала одного, потом другого, и оба упали. Лобастый тяжело поднялся и, размазывая по лицу кровь, поволокся обратно к вагончику, а второй так и остался лежать, не двигаясь.

Кэт вышла из машины по нужде и залезла в кусты, царапая о ветки руки и лицо. «Ничего, придет Сытов, пожалеет», — подумала она и тут увидела Сытова со спины.

С каким-то чемоданом он уже подходил к машине. А его нагонял страшный мужик с головой, похожей на огромную шишку. В руках у мужика было... Эта штука, из которой по телеку...

— А-а-а! — истошно закричала Кэт, и в нечеловечески длинном прыжке к Сытову налетела на выстрел.

Сытов услышал не выстрел. Он услышал, как кричит Кэт, и ринулся на крик. Она, согнувшись пополам, приземлилась на бок. Лобастый, отбросив обрез, кинулся бежать. Сытов оторвал ее руки от живота, ощутив под ладонями кровавое месиво.

— Сейчас, сейчас, Кэт... — Он содрал с нее куртку, потом рубашку, стал перевязывать живот, отрывая от рубашки длинные лоскуты. Она только морщилась от боли.

— Все, Сытов, не надо, — попросила Кэт, закрывая глаза.

Сытов почувствовал дикий, животный страх. Первый раз в жизни.

— Кэт! — заорал он. Она спокойно открыла глаза. — Не умирай, бэби, — тихо попросил Сытов и заплакал.

— А я думала, ты не умеешь плакать, — улыбнулась Кэт и улетела в небытие...

«..... да был ли клад-то?»

Сытов сидел в грязи и держал на руках Кэт.

«... погнался за химерой».

Сытов прижался к Кэт лицом.

«... а может, «родственник» был родственником, а домик с крестиком — наивным бабкиным рисунком?»

Он встал и понес Кэт к машине.

«... теперь всем станет известно о его связи с темнокожей детдомовской девочкой, завистливые коллеги начнут смаковать подробности его провинциального приключения, обсуждать степень его вины».

Он остановился и попытался нащупать у нее пульс.

— Она все равно умерла, — громко сказал Сытов самому себе. — Она умерла, а мне еще жить да жить.

Он опустил Кэт на холодную землю.

— Извини, бэби, — прошептал Никита и побежал к машине. На пути ему попался чемодан, который он прихватил из вагончика. Он отчаянно пнул

его, тот раскрылся, и из убогого чрева вывалились грязные рубашки, носки, еще какое-то тряпье и бутылки, много пустых бутылок.

Сытов гнал машину. Гнал с космической скоростью. Он уверял себя, что хочет разбиться. Но его реакции были до автоматизма точны и безошибочны. Мыслей не было, чувств не было, и, чтобы не сойти с ума, он вслух начал петь, на ходу сочиняя стихи и музыку:

*В стране апельсиновых грез
Живет шоколадная бэби,
Она затоскует до слез,
Услышав про белых медведей.*

*Не плачь, моя бэби,
Я белых медведей
К тебе приведу,
Я белых медведей
У ног своей бэби
Навек приручу.
И будет пасти моя бэби
Белое стадо медведей...*

На следующий день он вышел в эфир.

Глава первая

Тринадцать лет спустя

Она откинула простыню, стала рассматривать свое обнаженное тело и осталась довольна осмотром: длинные ноги, высокая грудь, плоский, упругий живот. Живот, правда, портил шрам. Он имел странную форму с рваными краями и бледно-розовым цветом сильно выделялся на темной коже. След от ранения. Шрам давней любви. Катерина усмехнулась. Шрам — ерунда. Это даже шикарно. Партнеров в постели он интригует.

Катерина скосила глаза: рядом безмятежно спал красавчик-брюнет, и она не очень хорошо помнила его имя — то ли Игорь, то ли Дима. Нет, Игорь был вчера, значит, этот — Дима. Или Дима был вчера?.. Сколько раз она клялась себе, что будет запоминать имена тех, с кем ложится в постель!

Катерина вскочила, побежала к велотренажеру и сразу в бешеном темпе закрутила педалями. Парень на широкой кровати проснулся от шума и сонно пробормотал:

— Хорош шуршать. Ну что ты, как белка в колесе, лапами сучишь?

— Вставай! — Катерина вихрем налетела на него и сорвала шелковое одеяло. — Поднимайся, одевайся, умывайся и растворяйся. Можешь выпить кофе, я разрешаю.

— Ну, зю-узик... — пробормотал то ли Игорь, то ли Дима и тут же снова заснул, раскинувшись на спине.

Катя с силой ущипнула его за упругий бок, и он, подлетев, сел, ошарашено уставившись на нее:

— Так бушуют африканские страсти?

— Нет, это свирепствует здравый смысл. Мой муж вот-вот вернется из командировки. Будет лучше, если он не найдет в своей постели тебя. — Она вдруг вспомнила, что зовут его Алик.

— Врешь, — ухмыльнулся не Дима, не Игорь. — У тебя нет никакого мужа. — Он встал, пружинисто походил по спальне, уселся на тренажер и лениво надавил на педали. — У тебя нет мужа, нет детей, нет тетушек, дядюшек, бабушек, дедушек. По-моему, у тебя нет даже полного набора соседей, так как ты отхапала шикарный пентхаус с видом на ...

— Я тебя прощаю, — оборвала его Катерина.

— Ты меня — что?! — Он перестал крутить педали и замер, став похожим на картинку из журнала.

— Про-ща-ю, — спокойно повторила она. — Ты молоденький, глупенький жеребчик. Ты даже не знаешь, как называется то, на что открывается вид из моего окна.

— Хочешь меня обидеть? Не получится. Я поживу у тебя пару деньков, зюзик.

Он не спрашивал. Он утверждал. Катерину это развеселило. Сколько ему — двадцать три? Двадцать пять? Он уверен, что возраст и внешность — его козырная карта. Кажется, он из модельного агентства «Кино», именно оно обслуживало вчерашнюю презентацию. Катерина сама договаривалась с холеной, амбициозной директрисой, которая пообещала «шикарных девушек» и «стильных юношей». Как всегда, к концу вечеринки Катерина почувствовала, что не может одна возвращаться в свою пусть и шикарную, но пустую квартиру на возделенном последнем шестнадцатом этаже с видом на ... черт, да как же это там называется?

Вернуться домой не одной и ни разу не повториться — это для Катерины был своеобразный спорт. Если человек в твоём доме появляется дважды — это уже «отношения», если только однажды — развлечение. Раз и навсегда Катерина исключила из своей жизни «отношения».

Она выцепила наметанным глазом из толпы «стильных юношей» самого смуглого, самого высокого, самого стильного. Они наспех представились,

наспех выпили у барной стойки очень крепкий коктейль, наспех договорились, что встретятся внизу, у Катериного «мустанга». Все как обычно...

— Свари кофеек, зюзик. — Стильный юноша поднажал на педали. У него было идеальное тело и хорошо продуманная небрежность во всем — в жестах, выражениях, даже в легкой щетине на щеках.

— Проваливай! — Катя схватила шелковый халат, закуталась в него, обозначив этим, что ночное равноправие закончилось. — Проваливай, проваливай! Ты что, возомнил, что у нас связь? Или, хуже того, — роман? Нет, братец, это маленькое приключение. Развлечение, понимаешь?! Я прекрасно провела с тобой время, надеюсь, ты тоже. Мерси. До свидания, Алики!

Он соскочил с тренажера, откопал в кресле, художественно заваленном вещами, белесые джинсы, рубашку-сеточку, быстро оделся и пошел к двери с выражением лица, которое можно было обозначить как глубочайшее оскорбление. Катерина внезапно ощутила внутренний дискомфорт: может, это то, что называют угрызением совести?

— Слушай, — помчалась она за ним в коридор, — я не хотела тебя обидеть! — и тут же из недр сумки выхватила кошелек, из кошелька сто долларов. — Возьми вот, на проезд, на кофеек, на...

Глубочайшее оскорбление на лице Алики резко сменилось на величайшее изумление.

— Ну, извини, — Катерина убрала бумажку обратно в кошелек. Черт, как сложно с этими «стильными юношами».

— Спасибо, Катерина Ивановна. Теперь я буду знать, сколько стою как «приключение». Кстати, меня зовут Игорь.

Он ловко справился с замком, мелькнул широкой спиной и помчался вниз по ступенькам.

— Стой! — заорала Катя, свесившись в лестничный пролет. Но он был блестящий бегун — его уже след простыл. — Надеюсь, парень, ты не из моего отдела, — пробормотала она, продолжая висеть на перилах и всматриваться в бездонную пропасть пролета.

Она выбрала красное платье. Красное — потому что в Катином представлении это был цвет удачи, цвет радости, это был ЕЕ цвет. А еще потому, что все платья в ее гардеробе были красные. Ну, или почти все. Она выбрала платье, где полы захлест набежали одна на другую. При каждом движении они разлетались, заставляя длинные, темные ноги мелькать и дразнить среднестатистического московского обывателя.

День набирал обороты в заведенном порядке. Кофе, пятнадцать минут перед зеркалом — только с таким цветом кожи можно позволить себе дискотечно-блестящие тени и оранжевую помаду. Да, оранжевую, потому что повторять на губах цвет платья провинциально и пошло.

Выскочив из лифта на первом этаже, она, как всегда, повстречала Майкла. И как всегда, Майкл попросил двадцать рублей. Трудно отказать человеку, который смотрит на тебя как на богиню. А что для богини двадцать рублей?! Майклу было шестнадцать, его родители пропадали где-то в Африке, зарабатывая на жизнь, а бабушка, на чьем попечении он остался, держала парня в таких финансовых тисках, что до школы ему приходилось шагать две остановки пешком, вместо того чтобы проехать их на автобусе. Так, во всяком случае, он уверял.

— Кать, я заработаю и отдам, — прошептал Майкл, засунув две десятки в карман. Он ослепительно улыбнулся улыбкой «хорошего мальчика» и умчался, хлопнув парадной дверью.

— Ох, Катерина Ивановна, — вздохнула Верка-лифтерша в своем «аквариуме», — и зачем вы пацана деньгами снабжаете? Ведь ни на что хорошее не потратит! Пиво, курево, не дай бог, наркотики!

— Что ты, Вера, какие наркотики? Он до школы доехать не может, бабка денег не дает, говорит, ногами добежишь!

— Какая школа, Катерина Ивановна! — лифтерша хлопнула себя короткими ручками по толстым бокам. — Да июнь месяц на дворе! Каникулы давно!

Катерина рассмеялась и побежала к двери.

— Эй! — крикнула вслед Верка. — А этот парень смуглявый не от тебя сегодня выходил? Потерял он кое-что...

— Что?! — Катерина вприпрыжку вернулась к «аквариуму». — Что потерял?

— Да вот. — Верка пухлой рукой просунула в окошко черную лайковую перчатку.

— Перчатка? — удивилась Катерина.

— Вот и я говорю, июнь месяц на дворе. Зачем твоему... хахалю перчатки?

— Это не его. — Катерина решительно впихнула перчатку обратно в застекленное пространство.

— Да его, его! — Верка покраснела от обиды и вытолкнула перчатку наружу. — Я же не слепая и не сумасшедшая! Он по лестнице как метеор пронесся, а из джинсов вывалилось это ... изделие.

Катерина пожала плечами, закинула перчатку в сумочку и пошла к двери.

— Эй, Катерина Ивановна, — не унималась Верка, — вы этим своим ... хахалям скажите, что у нас дом приличный, лифты работают, а то где это видано, шестнадцать этажей козлом скакать! Пусть даже и вниз...

«Мустанг» завелся с пол-оборота, как и полагается спортивным машинам. Он был хоть и старенький, но «мустанг»! А еще он был восхитительно красного цвета!

На пробки в дороге было потрачено положенных полтора часа. «Тихой сапой» Катерина добралась до работы, пообещав себе, что завтра непременно попробует доехать сюда на метро.

Секретарша Алла стрельнула на нее подведенным глазом, в котором читалась насмешка — опять в красном!

— Катерина Ивановна, звонили из центра наружной рекламы, из компании «Олдис», из группы «ГФ», из журнала «Образ», из...

Алла была хорошей секретаршей, она не только записывала, но и наизусть помнила, кто звонил.

— Спасибо, Алла. Я опять опоздала. Пробки!

Катерина открыла свой кабинет, прошла к столу, швырнув сумку в кресло.

— Кофе, Алла! Умоляю! Ну... или чай... Стой! Нет, кофе!

— Катерина Ивановна, вы говорили, вам врач сказал...

— Сказал. Кофе вымывает калий из организма. Столько, сколько я пью, его пить нельзя.

— Вот видите! Чай! — отрезала Алла, крутанулась на каблуках и пошла шагом караульного к двери.

— Кофе! — стукнула Катерина кулаком по столу. — И побыстрее!

Крепкий кофе пьянил как коньяк, а сигарета навеяла мысли об отпуске: пора бы осуществить давнюю мечту и скататься в Египет. Пять лет работы без продыха — такого не стоит ни одна, даже самая любимая работа.

Очень насущным на данный момент было бы организовать совещание сотрудников отдела креативных разработок, который Катерина возглавляла, но... Какое-то беспокойство поселилось в душе, какой-то сверлящий дискомфорт... Она любила свою работу. Рекламное агентство с названием, подходящим скорее для мужского журнала — «Андрей», стало в большей степени домом, чем квартира на шестнадцатом этаже. Абсолютного счастья заниматься любимым делом за хорошие деньги ничего и никогда не нарушало. И вдруг — страх перед необходимостью собрать совещание. Катерина вслух задала себе вопрос: «Почему?» Подумала, снова закурила и так же вслух ответила:

— Чертова перчатка!

Среди сотрудников обязательно окажется кто-то новенький. Он усмехнется еле заметно, вальяжно откинется на спинку стула, и в глазах его она прочитает «зюзик». Отвратительная привычка у генерального пополнять штат молодежью примерно раз в полгода. Отвратительная привычка у Катерины — не запоминать мужских лиц. Она вытряхнула из сумки содержимое и из развала косметики, ключей и документов вытянула перчатку. Черная. Кожаная. Но самое странное — весьма потасканная. Такой предмет не к лицу «стильному юноше», да еще в жарком июне. Это не его перчатка. Катерина отшвырнула ее в мусорную корзину и ткнула пальцем в кнопку селектора:

— Алла, в одиннадцать всех ко мне! Совещание.
— Хорошо, Катерина Ивановна, — пропела Алла, — всех приглашу.
Это «всех приглашу» Катерину добило.
— К черту все совещания! Алла, зайди ко мне!
— Алла, ты все про всех знаешь.
— Ну, не все и не про всех, Катерина Ивановна!
— Высокий, смуглый, черноволосый парень, недавно устроился к нам на работу, зовут Игорь... черт, или Дима, одним словом, кто он?
— Что значит — кто?..
— Это значит, кем и в каком отделе он числится и как давно устроился.
— Так Игорь или Дима?
— Игорь.
— Игоря в нашем агентстве нет.
— Черт! А Дима? Высокий, смуглый, черноволосый. Устроился совсем недавно.
— Дим в агентстве четверо. Но все они невысокие, не смуглые, не черноволосые и работают очень давно.
— А ты ничего не путаешь?
— Катерина Ивановна, если бы у нас появился высокий черноволосый парень, даже в качестве сантехника или электрика, я бы заметила.
— Да уж, ты бы заметила.
— Что вы имеете в виду?
— А ты — что?..
— В мои обязанности входит знать всех сотрудников нашего агентства.
— Ну вот, я то же самое и говорю!
— Совещание собирать? — сухо осведомилась Алла, и Катерина подумала, что она очень плохой начальник, раз секретарша позволяет себе такой тон.
— К черту все совещания. Я уйду в отпуск. И уезжаю в Египет.
— А как же...
— Я не отдыхала пять лет. У меня спайки в бронхах и плохие анализы.
— А...
— Вызови Верещагина, я передам ему дела.
— Но...
— И учти, я использую отпуск за все пять лет. Так что вы уж тут... притирайтесь.
— Катерина Ивановна!
— Креативным директором сможет быть даже кретин. Это тебе не бухгалтерия. Верещагин справится.
— Генеральный вас не отпустит!

Катерина расхохоталась. Ну вот, а Андрей Андреевич уверял ее, что про их отношения уже судачит все агентство. Но раз даже Алла, которая знает все и про всех, считает, что генеральный может ее не отпустить, значит, их конспиративным маневрам можно поставить пятерку.

— Генеральный меня отпустит. Готовь заявление.

Генеральный, увидев заявление Катерины об отпуске, схватился за голову.

— Солнце! — заорал он. — Без ножа режешь! Какой отпуск?! Через неделю «Олдису» сдавать план рекламной кампании, нужно провести массу презентаций, какой отпуск, солнце?!

— Я передам дела Верещагину, он справится

— Верещагин — кретин и никудышный организатор! У него нет пространственного мышления, нет абстрактного мышления, у него нет вообще никакого мышления!

— Хорошо, выдвигай свою кандидатуру!

— Ты!!! Ты, солнце, незаменимый, талантливый креативщик! Ты умный организатор и отличный руководитель!

— Ну, хорошо! — Катерина встала и потянулась, закинув руки над головой. — Ладно, Андрей Андреич, буду пахать, как негра!

— Ну, солнце! Хочешь, осенью, после ноябрьских праздников, отпущу тебя на два месяца?

— После ноябрьских — это зима, — с притворной тоской протянула Катерина и присела на край директорского стола.

— Зима — не зима, поедешь в теплые страны. — Генеральный уселся в свое кресло и вперился взглядом в Катерины колени. Колени были хороши — блестящие, темные, как настоящий шоколад. Сегодня вторник, его день, подумал он, а вслух сказал: — Я заскочу вечером в девять, как обычно.

— Не получится, — усмехнулась Катерина и потрепала его по блестящей лысинке. — Не получится, пупсик. Мне нужен отпуск и масса свободного времени, чтобы заняться собой. А в девять у меня уже не будет сил ни на что, я очень устала.

Андрей Андреевич пощупал то место, где колотилось сердце, прикинул все «за» и «против», вздохнул тяжело и сказал:

— Ладно, Катерина Ивановна, будет тебе отпуск. За все пять лет. Но сегодня — мой день!

Отпуск! Катерина влетела в свой кабинет, быстренько вызвала Верещагина и потратила полчаса на инструктаж. Юный Верещагин смутился, удивился, но кресло ее занял с видимым удовольствием. А она с трудом удержалась, чтобы не попрыгать к двери на одной ноге.

— Катерина Ивановна! — окликнул ее Верещагин. — Это ваше?

Ей очень не хотелось задерживаться, но пришлось оглянуться. Верещагин довольно брезгливо, двумя пальцами, держал черную перчатку.

— За компьютером лежала, — объяснил он.

Катерина вернулась, забрала перчатку, сунула ее в сумку, решив, что выбросит ее по дороге в урну, и поспешила к выходу. Вдруг в будке охранника она увидела знакомое лицо и рассмеялась:

— Так ты охранник! А откуда ты знаешь мое отчество?

— Помилуй, зюзик! Да ты каждый день мне пропуск под нос суешь! Да и на празднике тебя вчера все «катериниванили»!

— А какого черта ты на презентации делал?

— Так ваш главный распорядился дополнительную охрану в штатском в зал запустить, ввиду сложной криминогенной обстановки и многолюдности мероприятия. Охранял я там, Катерина Ивановна!

— Ясно. И на старуху бывает...

— Ты не старуха, зюзик. Умыла ты меня баксами-то! Я потом пожалел, что не взял. Взыграла вдруг гордая грузинская кровь.

Катерина вздохнула. Паника отменялась. Он оказался не ее сотрудник, не ее подчиненный. Можно было не дрейфить и не торопиться с отпуском. Зимой в Египте даже лучше, ведь летом в Африке от жары деваться некуда, даже с черной кожей.

Катерина открыла в сумке перчатку и сунула в окошко:

— Ты кое-что у меня потерял.

Парень помял пальцами старую кожу и вернул перчатку обратно:

— Я не ношу летом перчатки, зюзик! Ищи среди тех, кому плачено баксами, а я на дело с голыми руками хожу и с чистыми помыслами.

— Не смей называть меня зюзик! Эта перчатка твоя, она вывалилась из твоих джинсов, когда ты катапультировался с шестнадцатого этажа. Лифтерша видела.

— Слушай, а ведь и правда в штанине что-то болталось! Но эта перчатка не моя, зю... Катерина Ивановна! Мои джинсы в кресле лежали, а там много чего валялось. Наверное, ее забыл кто-то из твоих... бывших. И потом, — он выхватил перчатку из рук Катерины, — размерчик-то не мой!

Перчатка действительно была ему мала. Она застряла на его руке, образовав перепонки между пальцами.

Катерина вздохнула и в который раз твердо решила: пора завязывать со случайными связями. Запихнув в сумку перчатку, она протиснулась сквозь вертушку.

— Эй, так я зайду вечерком. Бесплатно!

— Ты — съеденный кусок. Отвянь и забудь! — крикнула Катерина уже из-за дверей.

Отпуск. Она завела машину. Что теперь делать? Что нужно делать в отпуске одинокой, молодой, умной и небедной женщине, которая не умеет отдыхать?

Впрочем, однажды она была вынуждена бездельничать. Только вспомнить об этом тяжело, неприятно и больно. Так больно, что душит за горло отвратительный спазм, а в глазах появляются слезы.

Там был белый потолок, синие стены, железная кровать и белье, которое постоянно пачкалось кровью, сколько бы перевязок ей не делали. Она очень надеялась тогда, что умрет, и даже крикнула как-то врачу, чтобы он не мешал умирать, а врач заорал:

— Заткнись, дура! Ты не имеешь права сдохнуть после того, что мы для тебя сделали! Да все отделение из-за тебя не спит, не ест, дома не бывает! Все, кто может, кровь сдает! Ты не имеешь человеческого права! — Он проорал все это и неожиданно погладил ее по голове.

Катя тогда вдруг подумала, что голова, наверное, грязная и неприятная на ощупь. Это была первая мысль не о смерти, а о жизни. Больше она никогда не говорила вслух, что хотела бы умереть, но думала об этом постоянно. Особенно после того, как другой врач, тоже в шапочке и повязке, ища глазами что-то на потолке, сказал, что у нее никогда не будет детей. Катерина тогда не очень хорошо поняла, что он имеет в виду, и тоже стала рассматривать потолок, удивляясь тому, что там можно рассматривать. А когда поняла... жизнь кончилась второй раз. Первый раз она кончилась, когда Катерина поняла, что лежит, истекая кровью в редком лесочке, среди пожухлой травы, на холодной земле, а Сытов, ее Сытов, сел в машину, нажал на газ и уехал.

Жизнь кончилась, а тело начало выздоравливать. Как все вокруг радовались! Врач, завотделения, медсестры и даже санитарка, которая таскала судно и протирала тумбочку марлевой тряпочкой. На Катерину приходили смотреть врачи из других отделений:

— Надо же, совсем девочка! Негритяночка! Ранение, несовместимое с жизнью! И выжила! А ведь у нас в районной больнице ни оборудования, ни хороших лекарств! Сколько дали тому шашанику, который стрелял? Пятнадцать?! Надо же! Казнить таких надо!

Катерина вовсе не была согласна, что казнить таких надо. Выстрелить в человека с пьяных глаз — не самый большой грех. Самый большой грех... но и за это казнить не надо. Ведь выжила же она, девочка, негритяночка, вот только детей...

Она стала много плакать, к ней даже пригласили еще какого-то врача, который тихим голосом расспрашивал про детдомовское детство и заставлял рисовать какие-то картинки. А потом она вдруг успокоилась. Простила, постаралась все забыть, а на тонкую субстанцию, которую принято

называть «душой», навесила большой амбарный замок. Нет, десять амбарных замков.

Шут с ними, с детьми. В жизни есть много других радостей.

Свой личный праздник — два месяца безделья — Катерина решила отпраздновать в кафе. Первый шаг в познании полной свободы — завалиться утром в кафе, и в то время, когда остальные потребляют в офисах растворимый суррогат, заказать себе чашку эспрессо.

— У нас большой выбор: латэ, мачиато, капучино, — заученно защебетала вышколенная девушка.

— Я никогда не пью кофе с молоком. — Катерина постаралась как можно мягче произнести фразу, которую всегда говорила очень резко.

— Извините, — почему-то покраснела девушка, будто обязана была знать, что очаровательные темнокожие женщины в красных платьях и с оранжевыми губами никогда не закажут себе латэ. — Эспрессо?.. — неуверенно спросила она, боясь снова попасть впросак.

— Двойной, — кивнула Катерина.

В кафе никого не было. Только за дальним столиком маячил одинокий господин. Катерина достала зеркальце и, делая вид, что красит губы, стала ловить его отражение.

Для буднего летнего утра господин был одет неподобающим образом. Темный костюм, белая рубашка, вместо галстука — бабочка. Она видела в зеркальце, как он смотрит на нее, и знала: он прилип к ней глазами надолго, она ему нравится в своем красном платье, со своей темной кожей и роскошными оранжевыми губами.

Девушка принесла кофе, и Катерина задумалась, не заказать ли коктейль. Ведь лето. Отпуск. Она выглядит как Наоми Кэмпбелл на обложке журнала. Нет, лучше. Эротичнее! Пока она раздумывала, девушка, мелькнув ножками-спичками, исчезла.

— Мадам любит горький кофе? Кофе без сахара, молока и даже без минеральной воды? — обратился к ней по-английски господин.

— Мадам любит, мадам любит, — пробормотала Катерина тоже по-английски, чувствуя, что он стоит у нее за спиной.

— Разрешите составить компанию?.. — это было плоско, совсем не подходило к бабочке, но Катерина кивнула.

— Валяйте! — без церемоний, на русском сказала она.

— О? — удивился он. — Вы учились в России?

— Нет более российского продукта, чем я, — засмеялась Катя. — Цвет кожи только подтверждает это. У всех истинно русских есть свой прадедушка Ганнибал.

Он сел напротив и вежливо улыбнулся, давая понять, что оценил ее шутку. Вверху, над его головой, был закреплен телевизор, и в отличие от других таких заведений он был настроен не на музыкальный канал, а на информационный. Шли новости, и какой-то дядька, очень похожий на подсевшего господина, витиевато рассуждал о налогообложении.

— Слушайте, так вас и зовут-то, наверное, Таня?! — продолжал плоско шутить господин.

— Мы знакомимся? — Катерина перестала улыбаться и пожалела, что спровоцировала этот инцидент.

— Вы разрешили составить вам компанию, — вежливо напомнил он.

— Катерина Ивановна.

— Роберт. Тоже Иванович.

Кофе показался излишне горьким, утро не таким уж и солнечным, а господин, при ближайшем рассмотрении, оказался изрядно посечен молью: седые виски, костюмчику сезона три, бабочка — глупый фарс.

Телевизор над его головой мерцал, и ведущий выдал нарочито многозначительно:

— А теперь криминальные новости.

Катерина никогда не смотрела телевизор. Голубой экран представлял основную угрозу ее легкой и беззаботной жизни. Только там она могла увидеть человека, при виде которого сердце ее остановилось бы...

— Катенька, я закажу вам коктейль?

— Спасибо, но я за рулем.

Телевизор, между тем, продолжал вещать:

— Трое преступников вчера вечером совершили дерзкое ограбление центрального отделения «Приватбанка»...

— Хорошо, тогда пирожное «Антре».

— Большое спасибо, но сладкое с утра — это лишнее.

— Как сообщает РИА «Новости» со ссылкой на источник в правоохранительных органах, трое неизвестных вошли в помещение банка и, угрожая пистолетом, сковали наручниками троих сотрудников банка и охранника...

— Вашей фигуре ничего не грозит! Попробуйте! Я сам привез рецепт из Италии!

— Затем преступники потребовали от них открыть сейф. Однако служащие отказались подчиниться налетчикам...

— Я лично езжу по всемирно известным кондитерским и собираю рецепты. Вам не повредят ни взбитые сливки, ни шоколадный крем! Мои девочки научились отлично готовить «Антре». Лучше чем в Риме!

— Ваши девочки?

— Тогда неизвестные стали сами искать ключи от сейфа, и тут между ними возникла ссора...

— Мои! Это мое кафе!
— Ваше?!
— Ну да. — Господин был доволен произведенным эффектом.
— Один из грабителей выстрелил в сотрудницу банка...
— Давайте ваше римское пирожное, Роберт, тоже Иванович!
— Галочка, нам «Антре»!
— Другой нападавший попытался остановить расправу над служащими, но сам получил от своих поделльников пулю в живот...

Галочка принесла пирожное, при виде которого Катерина почувствовала тошноту и головокружение. «Пулю в живот».

— Я не похож на хозяина кафе? — вкрадчиво поинтересовался Роберт Иванович.

— Не очень.

— И на кого же я похож?

— На дирижера. Вам подошел бы фрак, симфонический оркестр и бурные аплодисменты.

— Раненая женщина, несмотря на то, что была в наручниках, сумела нажать тревожную кнопку. Нападавшие, опасаясь задержания, стали уходить, и тут раненый грабитель предложил им забрать сейф с собой...

— Ваша жена тоже работает в этом кафе?

— Я вдовец.

— Отлично! Трое детей?

— Вы кушайте, кушайте. Взрослый сын, живет за границей, устроен.

— Да вы лакомый кусочек, Роберт Иванович!

— Вы тоже, Катерина Ивановна!

— Преступники схватили сейф и успели покинуть банк до прибытия группы задержания...

— «Лакомый кусочек» — отличное название для кафе. Дарю, Роберт Иванович! Ведь у вас сеть таких заведений?

— Сеть, Катерина Ивановна, сеть! Я обязательно воспользуюсь чудесным названием, но назову им не кафе, а пирожное. Фирменное! У него будет вкус кофе, молока и цитруса. А вы, конечно, модель?

— Свидетелям удалось запомнить машину преступников. Грабители скрылись на автомобиле УАЗ без номеров. Был объявлен план «Перехват»...

— Была, Роберт Иванович. Была, но обнаружили другие таланты.

— Какие, если не секрет?

— Нестандартное видение, как вы изволили заметить. Я — креативщик, и, говорят, талантливый.

— Машину обнаружили недалеко от МКАД. Бандиты успели скрыться вместе с сейфом, скорее всего, их поджидал другой автомобиль. Но уда-

лось задержать грабителя, который получил ранение в живот. По какой-то причине сообщники не взяли его с собой, оставив в бессознательном состоянии истекать кровью у брошенного УАЗа...

— Разведены?

— Отличное пирожное! Вы не зря съездили в Рим.

— Значит, замужем.

— Не отгадаете. Не замужем. И не разведена.

— В поиске?

— В свободном полете.

— Преступник был доставлен в больницу и прооперирован. Он был без сознания, и его не успели допросить. Утром произошло непредвиденное...

— Давайте встретимся вечером у меня. Я покажу вам жилище вдовца.

— Придя в себя, бандит оглушил охранника, дежурившего у палаты, завладел его оружием, формой и беспрепятственно покинул больницу. Врачи заявляют, что не понимают...

— Катенька, мне нравится ваш легкий нрав, выше чувство юмора, мне нравится ваше красное платье...

— Тс-с-с!!!

— ... не понимают, как человек с таким ранением, после глубокого наркоза, мог сбежать, и заявляют, что преступник не мог далеко уйти.

— А еще мне нравится, что ваш прадедушка — Ганнибал.

— А мне, Роберт Иванович, очень нравится, что вы вдовец, что вам принадлежит сеть таких замечательных кафе, что у вас всего один сын, да и тот за границей...

— Смотрите-ка, какой красавец, а каких дел натворил! — уставившись в телевизор, произнес вдруг Роберт Иванович с легкой отцовской укоризной.

— Внимание, ведется розыск! Личность преступника установлена, им оказался Матушкин Матвей Арсеньевич, семьдесят пятого года рождения, уроженец города Краснокаменска Читинской области, на вид двадцать пять — тридцать лет, рост средний, лицо овальное, волосы светлые, глаза голубые, нос прямой. Особые приметы: шрам после только что перенесенной операции на брюшной полости. Преступник вооружен и очень опасен, может носить милицейскую форму. Всем, кому известно место его нахождения, просьба сообщить по телефонам...

— А еще мне нравится ваш возраст, — сказала Катерина, рассматривая лицо на экране.

— Учтите, дирижеры долго живут! — засмеялся Роберт Иванович.

Лицо было до невозможности голливудским, со всеми необходимыми для этого чертами, пропорциями, волевым подбородком, легкой небритостью, насмешливым взглядом, откинутыми назад светлыми волосами.

Полный набор киношных банальностей во внешности одного московского гангстера.

— Я уверен, что этот вечер мы должны провести вместе. Эй, вам нравится этот парень?!

— Ненавижу блондинов. Они безвольные, тусклые, беспринципные, скользкие люди. Вот этот — бандит. Так он даже не смог как следует грабануть банк!

— Значит, мне показалось.

— Конечно, мы проведем этот вечер вместе. У меня отпуск. И я совсем не знаю, что с ним делать. Вот моя визитка, позвоните мне на мобильный часиков в пять, будет ясно, как нам состыковаться. До свидания, Роберт Иванович!

— До свидания, Катерина Ивановна!

Она схватила сумку и яркой птицей выпорхнула из стеклянных дверей кафе. Во всяком случае, ей хотелось так думать, что — «яркой птицей».

Про Египет Катерина через три дня окончательно забыла.

Во-первых, Москва оказалась полна приятных сюрпризов и неожиданностей. Просто на Москву у Катерины никогда не хватало времени.

Во-вторых, Роберт Иванович оказался душкой. Не бедный, не зануда, не жмот. Изменив своему правилу, Катерина стала встречаться с ним каждый вечер. Роберт брал в руки дирижерскую палочку, которая с его деньгами и связями превращалась в волшебную. Мадам давно не была в ночном клубе? Легко. Самый дорогой, элитный, можно сказать. Театральная премьера? Я не любитель, но ради вас, Катерина Ивановна, готов поскучать в первом ряду. На четвертый день Катерина поняла, что дневная суета и ночная кутерьма ее достали, ей хочется уютного вечера при свечах, ужина на двоих и семейного секса без кульбитов.

— Расслабься, — засмеялась она, когда Роберт Иванович попытался изобразить нечто новенькое в постели. — Расслабься и не пытайся мне понравиться. Представь, что мы прожили вместе лет двадцать.

— Хотел бы я прожить с тобой двадцать лет! — Мечтательность в его голосе заставила Катерину подумать, что говорит он всерьез.

Она вскочила с кровати и, чуть не опрокинув столик с вином и фруктами, побежала к двери.

— Ты куда?

— Пойду, осмотрю твою квартиру. Ты мне тут так ничего и не показал!

— Мне подходит, — заявила Катерина, вернувшись. — Сколько тут, триста шестьдесят квадратов? Пять комнат, евроремонт, хороший район. Мне подходит. Давай дружить!

— Давай. Если хочешь, оставайся тут жить. Только с тобой я понял, что жить нужно на полную катушку. Ну почему я понял это только с тобой?!!

У меня все всегда было: семья, достаток, работа, пара любовниц для удовлетворения мужского тщеславия, но никогда не щемило так сердце и не захватывало так дух... — Он помолчал немного и вдруг добавил: — Впереди выходные. Давай проведем их вместе.

— Да мы и так вместе!

— Нет, совсем вместе. С утра до вечера, с вечера до утра. У меня есть домик в деревне, так, ничего особенного, но там речка, березовый лес, закаты необыкновенные и воздух... который хочется есть. Поехали!

— В деревню?!

— В деревню!

— И туалет на улице?

— Да, черт возьми, на улице. Но зато там есть баня!

— Баня?..

— Баня. Ее нужно топить березовыми чурками, и когда они горят, то запах, как в детстве, не запах даже, а дух... Так как насчет выходных?

— Баня, так баня. Чурки, так чурки. Надеюсь, Роберт Иванович, мы не помрем от тоски в березовой чаще у речки, любуясь красивым закатом.

— Не помрем, Катерина Ивановна. Я все для этого сделаю...

Верка-лифтерша тормознула ее у лифта.

— Катерина Ивановна, — крикнула она из «аквариума», — вас тут искали!

— Кто? — не оборачиваясь, спросила Катерина.

— Ой! — всполошилась вдруг Верка так, что выскочила из своего стеклянного убежища. — Ой! Похоже, ваш родственник!

— Мой — кто?! — От удивления Катерина открыла рот и упустила лифт.

— Ну, не коллега, это точно, — затараторила Верка. — И не хахаль, тоже точно. Я же знаю, каких вы мужчин предпочитаете! Я с Зойкой из второй квартиры на шоколадку поспорила! Она говорит — хахаль, а я говорю — родственник!

— Хватит чушь пороть, говори, кто приходил!

— Негр!

— Тебе не померещилось? — расхохоталась Катерина.

— Никак нет! — перешла вдруг на армейский язык Верка.

— Да говори толком! — рассердилась Катерина и снова нажала на кнопку вызова лифта.

— Пришел, значит, вечером, часиков в восемь. Я думала сначала, что бандит ворвался, черный чулок на голову натянул. А он подходит и говорит: «Здластвуте, я к Кателина Илалова, ис ста сестнадцать клалтила». Я ни фи-га не поняла, только тут Зойка из второй квартиры шла, как его увидела в дорогом костюме, с перстнями на пальцах, так сразу подскочила. Я, гово-

рит, вместо нее! Он заулыбался: «Луский баба, сплосной юмол. Только я хотел Кателина Илалова». Ну, я объяснила, что нет тебя, и когда будешь, неизвестно. Зойка тут выступила, что ты вообще редко дома бываешь, но я сказала, что очень даже бываешь, и спросила, что передать.

— И что передать?

— Он сказал: «Очень личный дел». Сказал, что придет завтра.

— О, господи, — вздохнула Катерина, — ну и загадки ты мне подкидываешь. То перчатка! То негр! С ума можно сойти!

— Кать! А познакомишь?

— С кем?

— С негром. Страсть, как он мне понравился!

— Луский баба, сплосной юмол! Я разберусь сначала, что он за гусь, а уж потом решу, с кем его знакомить, с тобой или с Зойкой. Так ей и передай.

Бесшумный лифт вознес ее на шестнадцатый этаж.

Субботним солнечным утром Катерина с кожаным чемоданчиком спустилась вниз. У подъезда ее поджидал Роберт Иванович на огромном пикапе «Форд Рейнджер».

— Машина без комментариев, — произнесла Катерина. — Сколько их у тебя? До сих пор мы ездили на «лексусе».

— Еще есть «сааб». Черный. Тебе подходит?

— Йес! — крикнула она и тут же была наказана за бурный восторг.

Подбежал Майкл и произнес коронную фразу:

— Кать, дай сорок рублей, мне до школы доехать надо.

— Сорок? Отчего сегодня двойной тариф? В крутую тачку сажусь?

— Меня бабка в другую школу перевела, — заканючил Майкл, пряча хитрые глаза. — К черту на кулички ехать.

— Ты меня совсем за дуру-то не держи, — всерьез разозлилась Катя.

— Июнь месяц, какая школа?!

— Кать, я заработаю и отдам!

— Нет!

— Я тебе завтра вечером отдам!

— Нет!

— Ну, тогда я не отдам тебе завтра вечером сорок рублей!

Катерина захохотала, достала кошелек и протянула Майклу полтинник. Роберт Иванович тоже заулыбался, вытащил из кармана мятые десятки и сунул их Майклу:

— Держи, парень! И мне отдашь, чтоб не обидно было.

Дорога летела навстречу, и не было в жизни ничего лучше на скорости поглощаемых километров.

— А как называется райское место, где мы будем сливаться с природой? — спросила Катерина после двух часов непрерывной езды.

— Волынчиково, — ответил Роберт, смеясь. — Эй, что-то не так?! — воскликнул он, увидев, как лицо Катерины превратилось в застывшую экзотическую маску.

Все не так. Все к черту. Отдых безнадежно испорчен. Душу будут терзать гнусные воспоминания, и никакие амбарные замки не спасут. Какая же она дура, что не сразу спросила, в какой деревне находится дом. Но Роберт в этом не виноват, и нельзя его делать заложником своего испорченного настроения.

— Все отлично, Роберт Иванович! Полный вперед!

— Полный! — Он вжал педаль газа в пол, и они понеслись дальше.

Дом оказался домищем, а с прилагавшейся к нему территорией — вообще тянул на усадьбу. Черепичная крыша, бревенчатые стены, ситцевые занавески на окнах, цветные половички, и печка — чудо, а не печка, белая, с полатями, с поддувалом, чугунными заслонками и дверцей. А еще там была кровать с сеткой и шариками на спинке. Только в старых деревенских домах еще остались такие кровати с блестящими металлическими шариками. Катерина в детдоме всегда их свинчивала и прятала под подушкой, в надежде занять свои личные игрушки. Но воспитатель шарики находила, называла Катерину воровкой и лишала ее сладкого на три дня.

Она плюхнулась на кровать, застеленную простеньким покрывалом, и покачалась на сетке, как в детстве.

— Тебе нравится? — спросил Роберт, разгружая на столе сумку с продуктами.

— Рай для миллионера, — вздохнула Катя. — И петухи по утрам?

— Много петухов!

— Кто же за всем этим смотрит?

— Парамоновна, соседка. Я приплачиваю ей за пригляд да за уборку дома.

— Пойду, познакомлюсь с окрестностями.

Она вышла наружу и огляделась. Где находится красавец-дом Роберта Ивановича относительно избушки-развалюшки Сытова, Катерина понятия не имела. К тому же, может, и деревня не та? Не очень-то она хорошо помнит название деревушки, где померла бабка у Сытова. Так... что-то похожее...

Полдня они провели на речке. Роберт Иванович не обманул: был там и березовый лес, и воздух, который хотелось жевать, и солнце жарило не хуже египетского. Катерине было не скучно, и некогда было думать о том, та ли это деревня.

Вроде не та.

Вечером они накрыли на стол. Соорудили салатки из привезенных овощей, нарезали колбасы, сыра, разлили по бокалам вино и уселись друг против друга. На Роберте был простой трикотажный джемпер и джинсы, на Катерине длинный сарафан с открытыми плечами.

— Ты не жалеешь, что решила поехать со мной? — спросил Роберт.

— Нет. Мне хорошо! Спокойно, весело, и очень... свободно.

— Я счастлив. На все шестьсот ватт, — улыбнулся он.

— Я тоже. Я сегодня хорошо отдохнула.

— И загорела.

— Да, и загорела.

— У меня к тебе серьезный разговор. — Роберт налил вина почему-то только себе и залпом выпил его. Сердце у Катерины противно защемило, меньше всего она была готова к серьезным разговорам.

— Вот. — Он протянул ей на ладони маленькую бархатную коробочку, и клешни, прихватившие сердце, разжались. Потом свободной рукой открыл ее — на темном бархате лежало кольцо с камнем такой величины, что Катерина решила, что это не бриллиант. В гранях его билось пламя миллиона свечей, и сердце опять сжалось, только на этот раз нежно и благодарно.

— Надеюсь, ты понимаешь, что это значит. — Голос его дрожал.

— Что?..

— Я предлагаю тебе руку и сердце. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Ты согласна?.. Вернее, вам это подходит, Катерина Ивановна?

«А почему бы и нет? — уколола шальная мысль. — Он добрый, порядочный, щедрый, не такой уж и старый. Почему бы и нет?!» Если колечко окажется впору, она скажет «да».

Кольцо обхватило безымянный палец так, будто они были созданы друг для друга — длинный темный Катеринин палец и этот прозрачный камень, закованный в темное золото. Только сейчас Катерина рассмотрела, что золотая оправа — это фигурка ящерицы, а камень — все-таки чистой воды бриллиант! — ящерица зажала в пасти.

— Да! Мне это подходит, Роберт Иванович! Я стану вашей женой, если вас не смущает цвет моей кожи, мой буйный нрав и мое темное прошлое.

— Не смущает, Катерина Ивановна.

Он вышел из-за стола, подошел к ней, они поцеловались, а потом просто стояли, обнявшись и слушая, как сердца стучат в унисон...

— Ты знаешь, — сказал вдруг Роберт, — вся деревня судачит о моей женитьбе. По-моему, они осведомлены об этом больше, чем я.

— Это тебе Паровозовна насвистела? Или Нюрка-чумичка?

— Точно, Парамоновна, — засмеялся Роберт. — Представляешь, она говорит, что когда-то, давно, в деревню уже приезжала темнокожая девушка.

— И что?.. — Катерине вдруг расхотелось шутить, ей даже расхотелось выходить замуж.

— Да нет, ничего. Она крутила роман с внуком какой-то местной бабки, телеведущим, но, кажется, у них ничего не вышло.

— Не вышло?..

— Нет. Он потом женился на женщине гораздо старше себя и очень богатой...

— Замолчи!

— Почему?

— Да черт побери тебя, твоих бабушек, твою деревню и все эти сплетни! Она вырвалась из его рук и выскочила в предбанник.

— Стой! — Роберт настиг ее, схватил в охапку, но она выкрутилась и убежала во двор. — Стой!! — Он снова поймал Катерину, прижал за плечи к себе и тихо спросил: — Этой девушкой была ты?!

— Что?!

— Я знаю, это была ты!

— С чего ты взял, что это была я?

— Ты расстроилась, когда узнала, как называется место, куда мы едем.

— Тебе показалось.

— Нет. Я полюбил тебя, в том числе, и за то, что притворяться ты не умеешь. Иногда хочешь, но не умеешь.

— Ладно, сдаюсь. Это и правда была я. Можно, не буду вдаваться в подробности? Ты говорил, что темное прошлое тебя не смущает.

— Я принимаю все, что тебя касается, таким, каково оно есть. И не надо вдаваться в подробности. Извини, что заставил тебя волноваться.

— Это ты извини за истерику. Не передумал брать меня в жены?

— Хочу этого еще больше.

Они стояли, обнявшись, и Катя улыбнулась, подумав, что со стороны похоже, будто он обнимает темноту.

— Хочу этого еще больше, — зачем-то повторил Роберт, разжал объятия и схватился за сердце.

— Тебе плохо? — испугалась Катерина.

— Кажется, да. — Прижав руки к груди, Роберт Иванович добрался до крыльца и сел, привалившись к перилам. Даже в темноте было видно, что лицо его заливают синюшная бледность.

— «Скорая»! — заорала Катерина, будто в деревне врача можно было вызвать громким криком.

— Какая, к черту, «скорая», в этой дыре, — прошептал Роберт и, кажется, потерял сознание, потому что закрыл глаза и, откинувшись на спину, упал на прохладные доски крыльца. Катерина осталась наедине с неподвижным

телом и этой жутью, которая сдавила горло, не давая даже заорать. Нужно найти пульс, чтобы понять, жив он или... Пульс на запястье или на шее. Все-таки, нужно было рвануть в Египет, вид пирамид больше подходит для отпуска. Что теперь делать?..

Хоть бы это была другая деревня! Все несчастья с ней происходят именно здесь.

Запястье было теплым, пульс частым и неуверенным. Роберт Иванович зашевелился, попытался сесть, но снова схватился за грудь и откинулся на спину.

— Тут на соседней улице аптечный киоск, — прошептал он. — Надеюсь, он круглосуточный. Сбегай, купи нитроглицерин, он поможет. Со мной ничего не случится, такое уже бывало. Только быстрее принеси таблетки!

Катерина забежала в дом, но переодеваться было некогда, и она, сдернув с кровати покрывало и укутавшись в него, метнулась к калитке и помчалась наугад, потому что Роберт так и не сказал точно, где находится эта аптека. Мелкие камешки кололи босые ноги, улицу не освещал ни один фонарь. Было безумно страшно, но не от темноты, а оттого, что Роберт может умереть, так и не дождавшись от нее помощи. Внезапно пошел мелкий холодный дождь, и Катерину заколотил озноб. На секунду остановившись, она перемотала покрывало так, чтобы оно закрывало голову.

Киоск она отыскала быстро. На нем была даже световая вывеска, но буквы «а» дружно перегорели, и надпись читалась как «ПТЕК».

Наклонившись к окошечку, Катерина вдруг вспомнила, что денег с собой не взяла.

— Миленькая, — проскулила она, обращаясь к спящей девахе в далеко не белом халате. — Миленькая, я деньги забыла, а Роберту плохо совсем...

Деваха открыла глаза, вздрогнула, увидев Катерину, и, достав из обувной коробки мятые купюры, пихнула их ей прямо в нос:

— Бери! Все бери!

— Миленькая, мне нитроглицерин и еще что-нибудь от сердца...

— Все забирай, только меня не трожь! — Девица не голосила, она просто глухо бубнила, но столько неподдельного ужаса было в ее глазах, что Катерина искренне расстроилась. Аптекарьша начала сметать с полок все лекарства подряд и выбрасывать их в окошко. Катя не стала убеждать ее в том, что она не грабительница; было некогда, да и просто не было сил. А еще до слез стало обидно, что лицо с темной кожей в этой чертовой деревушке непременно воспринимается как кошмар. Ведь сказала же она: «Миленькая, я деньги забыла!», а не «Гони бабки, дура!»

Обида смешалась со злостью, и Катерина, подняв подол своего одеяния, без разбора сложила туда все лекарства. Она потом во всем разберется и

за все расплатится, а сейчас надо успеть. Она развернулась и помчалась в обратном направлении, услышав, как девица заголосила вдруг «Грабят!!!»

«Спускайте собак!» — послышался крик за спиной. Не прошло и секунды, как сзади раздался залиvistый лай и топот, который мог принадлежать только огромным, сильным, свирепым псам. Катерина вдруг вспомнила, как Сытов — большой знаток и любитель собак — утверждал, что ни один человек никогда не сможет убежать даже от самой маленькой шавки, и побежала еще быстрее. Дождь усилился и молотил в лицо холодными, сильными струями.

Она отчетливо слышала, как за спиной тяжело дышат собаки, даже странным образом видела их — трех огромных, величиной с телят, кобелей с вывалившимися языками. В том, что они ее непременно сожрут, а не просто покусают, Катерина почему-то не сомневалась. Сбоку тянулся деревянный забор. Сила, которую принято называть неведомой, заботливой рукой подкинула ее и перенесла через высокое ограждение, будто она выполняла пуляковий прыжок через козла на уроке физкультуры.

За забором неожиданно оказалось поле, и Катерина, что есть мочи, понеслась по нему, забыв и про Роберта, и о том, куда и зачем бежит. Она бежала долго, а потом пошла быстрым шагом. Деревня тянулась где-то сбоку, одиночные дома были разбросаны в беспорядке, и Катерина вдруг поняла, что она безнадежно, бесповоротно заблудилась. Она заблудилась, а Роберт Иванович умер, так и не дождавшись таблеток.

Дождь прекратился, но небо было затянуто тучами, и темень стояла такая, что не видно ни черта. Поэтому, когда перед ней возник дом, она усмотрела в этом нечто мистическое. Только что было поле, и вдруг — дом. Она обошла вокруг — домишко перекосялся, почти провалился под землю, окна его были наглухо заколочены, и было件нятно, что миллион лет в этом жилище никто не живет. Оно доживало свой срок, умирало тяжело и мучительно, разлагалось, превращаясь во вселенскую пыль. Рядом с домиком, тоже от старости, умирало дерево. Клен, подумала Катерина. Чахлый клен и избушка-развалюшка, будто случайно оброненная на отшибе.

— Ну, здравствуй, — сказала она ему и погладила по сухой шершавой коре. — Вот мы и встретились. Помнишь ту осень? Баба Шура умерла, а Сытов решил, что ей было что прятать. Он рыл землю, как бешеный пес, потом погнался за кем-то, он верил, что поймает удачу за хвост. Он говорил: «Я фартовый, бэби!» Меня убили тогда, а он убежал. Ну, здравствуй! Спроси меня, простила ли я? Не знаю. Мне кажется, что простила, только, наверное, — нет, раз Богу было угодно пригнать меня сюда снова, упереть носом в эту избушку и заставить с тобой разговаривать. Что ты на это скажешь? Раз все так случилось, мне надо зайти в этот дом, все заново пережить, подумать, сбросить с себя этот груз и простить?! Хорошо, я найду. Я пробуду там до утра. Ведь Роберту уже не помочь.

Катерина подошла к покосившейся двери. Надежда, что дверь будет заперта, оказалась напрасной. Она отворилась бесшумно, и Катерина шагнула в темные тесные сени.

Там, пригнувшись в низком дверном проеме, стоял... Сытов. Темень была не помеха, чтобы разглядеть в его глазах ужас.

— Ну, здравствуй, — сказала Катя.

Глава вторая

— Не подходи! — заорал Сытов не своим голосом. — Не подходи, чума проклятая!

Голос был не его, да и выразился бы в прежние времена он по-другому.

Он сделал шаг назад, в тесную комнатушку. А когда Катерина шагнула за ним, выкрикнул:

— Не подходи! — и совершенно по-детски замахал перед собой руками, словно отгоняя видение.

— Никита...

— Сгинь, нечисть! Не по мою душу...

Внезапно в руке у Сытова появился пистолет. Вернее, в темноте Катерина, конечно, не разглядела, что именно выхватил он из-под подушки, но она была твердо уверена — так держат только оружие.

— Ты хочешь убить меня еще раз, Никита? — засмеялась она. Ей действительно стало вдруг весело.

— Привидения должны знать имена тех, с кем общаются!

— Что ты имеешь в виду?

— Меня зовут не Никита!

— Черт!

— Изыди!..

Этот тип не блистал интеллектом. Этот тип был не Сытов. Этот тип мог запросто убить ее второй раз.

Все стало похоже на фарс.

— Не стреляйте, пожалуйста! — жалобно попросила Катя того, кто не мог быть Сытовым.

— Сгинь!

— Не бойтесь, я живой человек. Просто я заблудилась, меня затравили собаками, я побежала и...

Вдруг раздался щелчок, от испуга Катерина присела, но щелчок оказался не выстрелом. Это зажглась зажигалка. Он подошел к ней близко, и пламя осветило ее лицо.

— А-а-а!!! — завизжал тот, кто, будь замысел судьбы посерьезней, мог оказаться Сытовым. — А-а-а! — орал он, и, забыв, что вооружен, отшатнулся к кровати.

— Слышь, припадочный, — усмехнулась Катя, — пистолет тебе не поможет. Можешь палить в меня сколько угодно. Я умерла тринадцать лет назад и с тех пор маюсь, ищу себе душу для опытов...

— Для опытов я не гожусь! — заорал человек, не пожелавший быть Сытовым.

— Почему?

— У меня нет души! Я отстой, гад, бандит!

— Ой, мне такие подходят!

Он почему-то затих, и вообще перестал подавать признаки жизни. Катерина нащупала на полу зажигалку, которую он уронил, крутанула колесико и поднесла голубое пламя к его лицу.

Тип лежал на кровати без сознания, и его исхудавшая физиономия здорово смахивала на лик покойника. От него исходила такая волна жара, что она невольно протянула руку и потрогала его лоб. Лоб оказался неправдоподобно горячим.

На старом, покосившемся столике Катерина обнаружила две свечи. Вспомнив, что попала сюда с целым ворохом лекарств, она вывалила их на стол и зажгла старые свечки, которые замерцали желтым, неуверенным пламенем.

— Вот так-то лучше.

— Хуже, — простонал вдруг тип. — Тебя слишком здорово видно. Сколько лет назад, ты говоришь, померла?

— Тринадцать.

— Надо же! А ведь совсем целенькая, только потемнела немножко.

— Ладно, хватит валять дурака. Я негритянка, а не привидение. Негритянка, слышал про такое?!!

— Умереть, не встать! Негритянка, которая сдохла тринадцать лет назад!..

— Заткнись!

— Которая пришла ко мне в саване, притащила пилюли, поболтала с деревом, а потом потребовала мою душу для опытов... Слушай, может, я просто чокнулся?.. От переживаний?! Ха-ха! — Он попытался засмеяться, но схватился за живот, согнулся и сморщился от боли.

— Осторожнее, — усмехнулась Катя. — Швы разойдутся.

Он затих, долго молчал, а потом спросил осторожно:

— А откуда ты знаешь про швы? И вообще, что ты еще обо мне знаешь?

— Многое. Знаю, как страшно получить пулю в живот. Сначала это не больно, будто просто кто-то сильно толкнул. Потом начинает жечь горло,

и пить хочется так, что начинаешь плакать и слизывать слезы. Только слезы соленые, и пить хочется еще больше. Затем становится жарко, но ненадолго. Почти сразу начинает колотить озноб, да такой, что кажется, будто весь мир трясется вместе с тобой. А потом становится тихо. И очень спокойно. Но люди в белых халатах не дают насладиться этим спокойствием. Они все время что-то делают и мешают умереть. А умереть очень хочется, и не столько от боли, сколько от обиды, что тебя бросили как ненужную вещь те, кому верил больше, чем себе. Еще я знаю, что, когда не умрешь, жить хочется еще больше.

Я знаю, что у тебя редкое имя Матвей, смешная фамилия Матушкин, знаю, что ты грабил банк, словил пулю в брюхо от своих же дружков, сбежал из больницы, оглушив охранника, раздев и обезоружив его. Я не знаю, как ты добрался сюда, но ты прячешься здесь, потому что эта избушка стоит в стороне от деревни. Ты отвратительный тип, и я не возьму твою душу на опыты!

— Все говорит за то, что ты — потусторонняя телка. Правда, колечко у тебя неслабое для привидения! Каратов тридцать будет брюлик, такие только с аукционов продают. Наверное, все-таки ты живая! Что, побежишь меня сдавать?

— Не знаю. Наверное, не побегу. Просто понятия не имею, куда бежать. Я действительно заблудилась и не смогла донести лекарства до человека, которого очень люблю.

— Старого хрена прихватило от бурного секса? Сердце или спина?

— Он не старый.

— Зуб даю, ему за шестьдесят. Такие брюлики телкам начинают дарить, когда уже совсем нечем крыть.

Она не стала противиться своему желанию и от души залепила ему пощечину. Его голова беспомощно дернулась назад, он откинулся на подушку, закрыл глаза и, кажется, снова потерял сознание. Катерина присела на продавленную сетку кровати и уставилась на бледную физиономию. До невозможности голливудское лицо, со всеми необходимыми для этого чертами и пропорциями, только легкая небритость превратилась в недельную щетину, щеки сильно запали, а почти белые волосы слиплись неопрятными прядями и падают на мокрый от испарины лоб. От него так несло жаром, что ей тоже вдруг стало жарко. Она расстегнула на нем милицейский китель, узкий ему в плечах, с рукавами, не достигающими до запястий. Так и есть: на животе грязные от крови бинты, и запах... Она знала, как пахнут такие бинты.

Внезапно железные руки схватили ее. Катерина дернулась и почувствовала себя бабочкой, которую вот-вот насадят на иголку, поместят под стекло и будут хвастаться потом редким экземпляром. Про пистолет в своей руке, который забрала у него, она начисто забыла.

— А ты и правда живая, — неожиданно открыл он глаза.

— Зато ты скоро сдохнешь. У тебя температура градусов сорок. Тебе нужно в больницу.

— У меня в жизни не было негритянки! Давай меняться: ты мне на опыты свое клевое тело, а я тебе — свою незрелую душу.

— Сейчас я пойду в деревню, найду телефон и позвоню...

— Все-таки ты меня сдашь!

— Спасу. У тебя кровотечение. — Катерина шагнула к двери.

— Слушай, — подал он голос, — ответь мне на один вопрос. Ответь и иди.

— Ну?..

— А почему ты решила спасти меня, а не своего папика? Ведь ему вроде тоже нехорошо?

— Не знаю. Честно, не знаю. Может, все-таки, я иду тебя не спасать, а сдавать?..

— Может быть. Жаль, что тебя не загрызли собаки.

— Не скажи. Вот вылечишься, отсидишь, и еще скажешь мне спасибо.

— А откуда ты все про меня знаешь?

— Ты стал героем криминальных новостей. Твою физиономию показывают чаще, чем лицо президента. Но это уже второй вопрос, а ты обещал один.

— Ладно, катись!

Но Катерина и не собиралась этого делать. Она подошла к покосившемуся деревянному столику, на котором стояли свечи, и стала перебирать лекарства, пытаясь в скудном свете прочитывать их названия.

«Почему-то я его совсем не боюсь, — лихорадочно подумала она. — Может, потому, что пистолет у меня? Может, потому, что он совсем слабый? А может, в банковскую барышню стрелял не он, а наоборот, вроде как за нее заступался? А может, потому, что темных деревенских улиц я боюсь гораздо больше, чем тяжело больного, беспомощного бандита? Роберту, наверное, уже не помочь, а находиться наедине с мертвым несостоявшимся мужем намного страшнее, чем с чуть живым гангстером? Впрочем, от сердечного приступа не всегда умирают...»

— Тебе повезло, — пробормотала Катя. — Тебе повезло. Во-первых, я понятия не имею, куда мне идти. Во-вторых, тут есть антибиотики и бинты. С ума можно сойти — ни валидола, ни нитроглицерина нет, а бисептол и бинты есть...

— Впечатление такое, что ты грабанула аптечный киоск, и только теперь рассмотрела, чего там нахапала.

— Да, в некотором смысле мы коллеги.

— Умереть, не встать! Забраться к черту на рога, спрятаться в этой землянке, чтобы однажды ночью ко мне приперлась негра в саване, все мне

про меня рассказала и заявила, что она еще и моя коллега. Все-таки ты темная личность. Во всех смыслах. Кстати, а как тебя зовут?

— Вот этого тебе знать совершенно не нужно.

— Ладно. Я буду звать тебя... негрила.

— Да хоть черномазой, мне плевать.

Катерина на печке нашла жестяной ковшик, в нем было немного воды, и она поднесла горсть таблеток и ковшик к его губам:

— Пей.

— Не буду!

— Пей! Если не выпьешь антибиотик, то будешь мучительно умирать от заражения крови или чего-то вроде того. Я в этом не очень хорошо разбираюсь.

— А если выпью, буду лет двадцать гнить в тюрьме. Нет, негрила, я выбираю первое.

— Пей!

— Да кто ты такая?! — Эти слова он проорал, попытавшись подняться и выбить ковш и таблетки у нее из рук. Катерина, с трудом увернувшись, удержала все это и отставила на стол.

— А-а, знаю, негрила, тебя подослал Сизый, чтобы ты меня отравила! Они пронюхали, где я прячусь, и подослали тебя. Ведь они думали, что я коньки отбросил после ограбления, и выпихнули меня из машины, когда пересаживались к Сизому в тачку. А я-то выжил... сбежал... боятся они...

— Ну, что ж, — весело проговорила Катерина, взяла со стола пистолет и прицелилась ему в лоб: — Раз я от Сизого и пришла тебя убивать, то...

— Ладно, негрила, давай таблетки!

Она быстренько поменяла оружие на ковшик с водой и лекарства. Он выхлебал воду, проглотил таблетки и откинулся не на подушку, а на потрепавшуюся от старости беленую стену.

— А еще Сизый сказал, чтобы я сделала тебе перевязку. Сейчас схожу за водой, вскипячу, тут где-то была керосинка, и перемотаю твоё брюхо свежими бинтами. А там выживай, как хочешь.

— И ты не пойдешь в ментовку?..

— Наверное, нет. С этим домом меня кое-что связывает...

— Я понял, негрила.

— Меня зовут Катя. — Все-таки, проняла ее эта «негрила».

— Катей можно звать толстую, рыжую, веснушчатую деваху. Тебя зовут Кэт.

— Еще раз назовешь меня Кэт, я выпущу в тебя всю обойму.

— Кэт, Кэт, Кэт и еще раз Кэт! Ну, стреляй! Кэт или негрила! Третьего не дано!

Третьего не дано.

Она развернулась и пошла за водой. Ей удалось раскопегарить старую керосинку и вскипятить дождевую воду.

— А сейчас я буду тренироваться в милосердии. Никогда не делала перевязок.

Он послушно расстегнул ремень милицейских брюк. Катерина размочила заскорузлые от крови бинты и осторожно сняла повязку.

— Красиво, — сказала она, рассмотрев уродливый шов, сквозь нитки которого сочилась кровь. — И как с таким брюхом тебе удалось так далеко забраться?

— Ха! Все тебе расскажи.

— Я на твои вопросы отвечала прилежно.

— Ладно, Кэт. Я благодарный. Откровенность за откровенность. Только не беги с этим в криминальные новости. Ты вообще с этим никуда не беги. А то Сизый тебя... Ну, в общем, я парень ловкий. И смелый, и умный, и сильный. Когда из больницы выбрался, там во дворе грузовик стоял, смотрю, номера Московской области. Ну, я подтянулся, и в кузов. Правда, чуть обратно не сиганул — в кузове гроб стоял, кто-то, видно, покойника из морга забрал. Потом мне все по барабану стало, потому что я отрубился, а когда очнулся, уже темно было. Выглянул, вижу — периферия. То есть то, что мне нужно. Только грузовик чуть притормозил, я спрыгнул на ходу. Хорошо, в этой деревне ни одного фонаря нет. Выпрыгнул и пошел. Куда, зачем, не знал. Думал, если суждено сдохнуть, так на свободе. Выбрался из деревушки, хотел в лес уйти, а тут поле да поле... И вдруг хибара эта заброшенная, несчастная, погибающая, такая же, как и я. Замок сбил, а тут — и кровать, и подушка, и керосинка. Я так понял — это мне последний подарок судьбы. Оказалось, что не последний. Последний — это ты, Кэт. Ну, как тебе мой сериал?

— Умереть, не встать!

Роберт пришел в себя, когда какой-то ранний петух проорал свой незатейливый клич. Он очнулся на ступенях крыльца, и первое, что почувствовал — холод и страх. Было уже светло: июньские ночи короткие, и небо, хоть и хмурилось после дождя, но все же светлело, с каждой секундой поддаваясь настойчивому рассвету. Ступеньки, на которых он лежал, были мокрыми и холодными.

Роберт Иванович открыл глаза, посмотрел на светлеющее небо, на мокрые плети плюща, обвивающие перила крыльца, и... все вспомнил.

— Катя! — крикнул он. Или ему показалось, что крикнул, а на самом деле, он только бесшумно подвигал губами?..

Боль, поселившаяся в груди, осталась, но теперь она была приглушенной, давала двигаться и дышать. Роберт осторожно приподнялся и снова крикнул:

— Катя! Катерина!

В ответ ему раздалась разноголосая петушиная перекличка.

Придерживаясь за перила, он с трудом поднялся и зашел в дом. Катерины не было ни в тесной кухоньке, ни в просторной комнате, ни в огромных сенях. Когда он потерял сознание, была ночь. Была ночь, они сидели во дворе, и его так взволновало ее отчаяние и ее тайна, что сердце...

«Аптека!» — вспомнил он. Она пошла в аптеку, чтобы купить для него лекарства.

Почему она не оделась? Боль в груди прошла, но почему-то стало жечь в горле. Она не оделась, не взяла денег, выскочила на темную улицу, даже толком не зная, где находится этот чертов аптечный киоск. Если с ней что-нибудь случится, он себе этого никогда не простит. Как не простил себе того, что случилось с Ирочкой.

Жжение в горле не проходило, а только усиливалось, но это была ерунда по сравнению с той болью, которая пригвоздила его ночью к ступеням крыльца. Он подошел к деревянной бочке, стоявшей у дома; туда с крыши во время дождя по специальному желобку стекала вода. Умылся прямо оттуда, и, не удержавшись, хлебнул пару глотков невкусной, с привкусом затхлого дерева воды. Потом вышел на улицу и огляделся, прикинув, в каком направлении лучше начать свои поиски. Он не простит себе... Ведь он только нашел ее: с искренней, светлой душой, и пленительным темным телом. Она прикидывается «плохой девочкой» лишь для того, чтобы никто не смог ее обидеть. У нее какая-то личная тайна, но у кого их нет, этих личных тайн. И зачем он попытался содрать замок с ее тайны? Она сорвалась, а его сердце не выдержало ее отчаяния. Только она умела так горячо горевать, так бурно радоваться, так плохо лицемерить и так неумело скрывать свои шрамы. Если все кончится благополучно, если он найдет ее живую и невредимую, то никогда больше не будет от нее ничего скрывать. Пусть она, если хочет, скрывает, а он не будет.

Деревня еще не проснулась. Хоть и говорят, что сельские жители встают ни свет ни заря, признаков жизни не было ни в одном дворе. Роберт шел по дороге, размолоченной ночным дождем, и не был уверен, что идет в правильном направлении. Но сидеть на месте и ждать было невозможно. Он себе не простит.

Странно, что у него прихватило сердце. Он никогда на него не жаловался. У него совсем другие проблемы со здоровьем, совсем другие... При чем тут сердце? Он вдруг резко остановился: черт, а ведь в машине есть аптечка, и ни к чему было отсылать Катерину в темноту деревенских улиц.

Внезапно он принял решение: надо вернуться к дому, сесть в машину и поехать в местное отделение милиции. Ведь есть же здесь хоть какое-нибудь отделение милиции!

Роберт развернулся и пошел обратно. Толкнул калитку, зашел в дом...

У стола, на котором стояли остатки вчерашнего пиршества, сидела Катерина. Она горестно сложила кудрявую голову на сцепленные руки и, кажется, плакала. Или не плакала, а только хотела заплакать.

— Господи, ты живой! — подняла она на него глаза. — Какое счастье!

Роберт подошел к ней, поднял за плечи и прижал к себе.

— Нет, счастье, что с тобой ничего не случилось! Тебя никто не обидел?!

— Что ты, меня невозможно обидеть. — Она все-таки заплакала. — Я так и не принесла лекарства! Я заблудилась. И только когда рассвело, пошла искать этот дом. Нашла его по черепичной крыше, в деревне совсем нет черепичных крыш! Я вернулась огородами, представляешь? На мне места живого нет от крапивы! — Она рассмеялась, кулаками утирая крупные слезы.

— Черт с ними, с лекарствами! Все прошло без следа. У меня никогда не болело сердце. Говорят, что радость — такое же потрясение для организма, как и горе. А тут ты согласилась стать моей женой! Будем считать это приступом счастья.

— Будем считать.

— Все будет хорошо, Катерина Ивановна!

— Все будет просто отлично, Роберт Иванович!

Он крепче прижал ее к себе и потерся щекой о жесткие волосы, которые почему-то пахли старой и нежилой избой.

Он не будет ничего от нее скрывать. Он все расскажет, но потом. Потом, когда загрудинная боль совсем пройдет.

Катерина гнала машину навстречу Москве, навстречу привычной жизни и знакомым обстоятельствам.

Роберта за руль она не пустила, хоть он и делал вид, что абсолютно здоров. Ее не обманули его заверения: она видела, что он бледен, что его мучают одышка и слабость.

— Дай мне слово, что, как только мы приедем в Москву, ты первым делом пойдешь к врачу. Мне не нужен полудохлый муж.

— Торжественно клянусь, — заверил ее Роберт Иванович, и она сделала вид, что поверила.

Из деревни они уехали только к вечеру, и весь день он то и дело спрашивал ее:

— Ты не передумала?

— Не дожدهшься! — отвечала Катя.

Она не передумала. Она станет его женой, если даже возникнет реальная перспектива превратиться в его сиделку. Потому что никто и никогда не относился к ней так серьезно. Никто не звал замуж после недельного знакомства. Ее вообще никто и никогда не звал замуж.

А еще она станет сиделкой потому, что чувство вины переполняет ее так, что не осталось места никаким другим чувствам. Она скрыла от Роберта, где провела эту ночь. Не нашла в себе силы сказать, что спасала бандита, которого ищет вся московская милиция. Что делала ему перевязку, поила лекарствами и так искренне жалела, как только может жалеть человек другого очень больного человека.

Правда, она призналась Роберту, что «грабанула» аптеку и еле убежала от своры собак, но сказала, что лекарства потеряла, и до рассвета просидела в чужом огороде. Роберт целовал ее в затылок, называл «бедной девочкой». Он сходил в аптеку и расплатился с хозяином за причиненный ущерб. А потом, в полдень, заснул на той самой кровати с шишечками. Катерина прилегла рядом, но задремать не смогла. Как только она закрывала глаза, ей виделся бледный высокий лоб со сплывшими белыми волосами, впалые щеки со светлой недельной щетиной и изуродованный шрамом живот с сочащейся кровью через грубые нитки...

Она опять покосилась на Роберта. Он внимательно следил за дорогой, и, видимо, никакие мысли не терзали его.

— Значит, ты все-таки передумала! — вдруг мрачно проговорил Роберт, с особым усердием всматриваясь в летящий навстречу голубой асфальт.

— Господи, да с чего ты взял!

— Ты сняла мое кольцо, — прошептал он, не отрывая глаз от дороги.

Катерина поднесла левую руку к глазам — кольца на пальце не было.

Лучше бы она получила еще одну пулю в живот.

Кольца на пальце не было, будто его не было никогда. Бриллиант в тридцать каратов, зажатый в пасти золотой ящерицы, исчез, а она даже не заметила этого.

Катерина с трудом удержалась от того, чтобы не ударить по тормозам и не развернуть машину в обратном направлении. Какое тут, к черту, чувство вины! Не вины, а винушки! Да она носки будет Роберту стирать и шнурки гладить, если он не передумает взять ее в жены.

Значит, ей не приснилось. И теперь нужно как-то выкрутиться, обмануть Роберта так, чтобы он поверил.

— Миленький, я сняла кольцо, положила в коробочку и упаковала вместе с вещами. Понимаешь, это вещь такой ценности, что невольно привлекает внимание. Представляешь, если вдруг нас остановит гаишник, а я выйду с бриллиантом в тридцать каратов, который можно купить только на аук-

ционе! Да они с нас три шкуры сдерут. Найдут, к чему придраться, чтобы содрать невиданный штраф.

— Не знал, что ты так хорошо понимаешь в камнях. — Кажется, он поверил. Во всяком случае, перестал неотрывно смотреть на дорогу и посмотрел, наконец, на нее. — Катенька, ты не должна думать ни о каких деньгах. Это мои проблемы. Обещай, что как только мы приедем домой, ты сразу же наденешь кольцо.

— Обещаю.

Никто и никогда не говорил ей: «Это мои проблемы».

Как только они приедут в Москву, она найдет предлог, чтобы остаться одной. Она возьмет свой «мустанг» и рванет обратно в деревню Волинчиково. В чемодане, среди вещей, у нее есть пистолет. Катерина не оставила его Матвею, как он ни умолял. Она возьмет оружие, вернется в избушку и заберет кольцо. Заберет или убьет голливудского выродка. Третьего не дано.

И тут на нее нахлынуло воспоминание...

Пока Роберт спал, Катерина села в его машину, заехала в деревенский магазин, купила там хлеб, консервы, супы в пакетах и соки, а потом, нажав на газ, по бездорожью, через поле, добралась до старой избушки. В дневном свете избушка утратила свой мистический ореол, превратившись в просто заброшенное жилище с заколоченными окнами. Да и сухой клен под окном не вызывал желания поделиться сокровенными мыслями.

Матвей лежал на продавленной сетке и смотрел, как Катерина выгружает из пакета продукты на стол.

Они не сказали друг другу ни слова. Он не удивился ее появлению, только улыбался, и это было видно даже в сумраке старых стен. Когда последняя баночка была выложена на стол, Катя вдруг подумала, что ни в коем случае не должна была этого делать. Лечить его и кормить. Спасать, одним словом. Она должна была найти местное отделение милиции и доложить, где скрывается Матвей Матушкин. Наверное, еще не поздно это сделать.

Катерина развернулась и пошла к двери. Но железная рука мгновенно схватила ее руку и потянула в койку. Сопротивляться было бессмысленно — за долю секунды Катерина успела убедить себя в этом. Секс — такая безделица, а когда еще представится случай так близко пообщаться с настоящим бандитом?! Это происходит не с ней. Просто она смотрит кино, где главную роль исполняет ее точная копия. Интересное, захватывающее кино, где отсутствие всякой морали и есть основная мораль.

— Осторожнее, шов разойдется, — шептала она.

— Пусть разойдется. После такого можно и сдохнуть, — отвечал он.

Потом было бегство без слов.

— Кэт, верни пушку, — мрачно проговорил на прощание Матвей. — Мне нужна она лишь для того, чтобы пустить себе пулю в лоб. Если выхода больше не будет.

Она отрицательно замотала головой и выскочила из дома...

Злость, обида, раскаяние, смешались в такой ядерный коктейль, что Катерина, втопив педаль газа в пол, вдруг длинно и витиевато выругалась.

— Что?!.. — округлил глаза Роберт, забыв про кольцо и дорогу.

— Ой, извини! Отголоски непутевого детства. Я знаю много плохих слов, но не очень хорошо понимаю их значение. — Имиджем «бедной девочки» она дорожила и не хотела его терять.

Москва встретила их теплым дождем, мокрым асфальтом и привычными пробками, которые после зловещей пустоты и тишины деревенских улиц показались милыми сердцу признаками цивилизации.

У своего дома Катерина сумела убедить Роберта, что ей необходимо провести эту ночь одной. Он особо не сопротивлялся, сказал только: «Я тебя умоляю, приезжай утром ко мне. А то я умру от тоски».

Катерина взяла с заднего сиденья свой чемоданчик, вышла из машины и... попала под «обстрел» затаившегося у подъезда Майкла.

— Кать, дай десять рублей!

Избитую версию про «ключ от квартиры» она не успела озвучить. Из машины по пояс высунулся Роберт Иванович.

— Сударь, вас мало пороли! — с нажимом на «мало», сказал он.

— Меня ваще не пороли, — с энтузиазмом уточнил Майкл. — Некому, да и некогда. Я — дитя улицы, — почти хвастливо завил он. — Но с задатками. Кать, дай десять рублей и я скажу тебе то, чего ты не знаешь, но хотела бы знать.

— С задатками, — согласилась Катерина. — Три!

— Чего три?

— Рубля три, и ты говоришь то, чего я не знаю. — Она достала из сумки горсть мелочи и сыпала ее в протянутую ладонь.

— Ну, на три тогда и скажу, — ухмыльнулся Майкл. — Шмонать надо свою машину. Особенно если это пикап. — Майкл развернулся и побежал в глубь двора, мелькая в сгустившихся сумерках светлыми рэперскими штанами.

— Что он имел в виду? — растерялась Катя, оглядывая «Рейнджер».

— Понятия не имею, — пожал плечами Роберт. — Не бери в голову. Очень запущенный мальчик. Ты не передумала остаться здесь на ночь?

— Только одну ночь, — жалобно протянула Катя. — А потом я навсегда распрощаюсь с холостяцкой жизнью! Дай мне эту ночь!

— Даю, — рассмеялся Роберт. — Утром жду тебя у себя. До встречи, Катерина Ивановна!

— До скорой, — поцеловала она его в сухие, прохладные губы.

Верки-лифтерши в «аквариуме» не оказалось. Это было так удивительно, что Катерина даже попыталась через стекло заглянуть под стол. За все время, которое она прожила в этом доме, не было ни одного дня, чтобы Верка не вышла на свой боевой пост. Жила она тут же, на первом этаже, работу свою любила и очень ей дорожила. Это даже и не работа ее была, а призвание — сидеть в застекленном пространстве и наблюдать: кто, с кем, с чем, в чем, как, куда и откуда. Представить, что Верка пропустит такое захватывающее зрелище, как возвращение Катерины домой с «отдыхаловки», было невозможно.

Катерина ткнула кнопку вызова лифта, подождала, но он почему-то не приехал.

— Верка! — крикнула она. — Ве-ера! — и стала звонить в единственную дверь на первом этаже.

Та немедленно открылась. На пороге стояла Верка. Ее внушительное тело прикрывало полупрозрачное платье, здорово смахивающее на парашют. Верка в нем походила на конкурсантку, борющуюся за звание первой толстушки мира. У нее были алые губы. У нее блестели глаза. От нее несло алкоголем. Ни в чем таком раньше Верка замечена не была.

И лифт не работал.

Все вместе это было так удивительно, что Катерина забыла вдруг про все свои горести.

— Лифт не работает, — сказала она, пытаясь поймать взгляд Веркиных бегающих глаз.

— Ой, Катерина Ивановна, ой! А Найоб уже ушел!

— Кто ушел?!

— Найоб. — Верка пьяно икнула. — Он то ли дядя ваш, то ли брат, то ли... я ни бум-бум по-англицки.

— Надеюсь, не папа. Не хотелось бы быть Катериной Найобовной.

— Ой, не папа! Он вашего возраста. Посол он.

— Куда?

— Не пошел, а посол. Посол Йенехбайской республики... крохотное государство на юге... ахрифенского материка.

— Африканского.

— Ну да, ахрифенского. У меня акцент, — подумав, сообщила Верка.

— А что у тебя делал посол Йенехбайской республики, который мне то ли дядя, то ли брат, скажи, пожалуйста?

— Вас искал.

— Нашел?

— Нет. — Верка вдруг очень отчетливо покраснела. — Не нашел. Вас у меня не было, вы же знаете.

— Лифт не работает! — проорала Катерина Верке в лицо. Она поняла, наконец, что Верка в стельку пьяна. — Лифт не ра-бо-та-ет!

— Боратает, — возразила Верка.

— Так, давай по порядку. И без акцента. — Катерина попыталась взять себя в руки. — Меня опять искал негр?

— Найоб.

— Он сказал тебе, что ему от меня нужно?

— Почему не сказал? Сказал. «Очень личный дел».

— Значит, не сказал. Это он тебя напоил?

— Я не пью! — От возмущения Верка снова икнула и еще больше покраснела. — Мы только присугубили.

— Пригубили?

— Ага. Русский водка с йенехбайской национальной нахлебкой... наливкой.

— Страшное дело, — пробормотала Катерина. Она вдруг поняла, что ей придется тащиться на шестнадцатый этаж пешком, и обойтись без этого никак нельзя — ключи от «мустанга» лежали в квартире.

— Только Зойке ничего не говори, — жалобно попросила Верка. — Про Найоба.

— Ужас! — Катерина развернулась и потащилась вверх по лестнице.

На десятом этаже она выдохлась, присела на свой чемоданчик и вслух громко сказала:

— Это тебе за распутство, Катерина Найобовна!

Она не знала, что расплата еще впереди.

В избушке никого не было.

Катерина гнала на «мустанге» под двести километров, на трассе не осталось ни одной машины, которую бы она не оставила позади, она домчалась до деревушки за три часа, бросила машину в пролеске и направилась к избушке.

Избушка оказалась пуста, как прошлогоднее гнездо. На столе стояли нетронутые коробки, баночки и пакеты, валялись лекарства. Подушка была примята, а ветхое одеяло комом свалилось на пол. Можно было не зажигать свечку и не метаться с ней из сеней в комнату, из комнаты в сени, заглядывая под стол, под кровать, под колченогую лавочку и даже за печку. Напрасно она размахивала пистолетом и, угрожая кому-то невидимому, орала: «Мерзавец! Ты ответишь за все!»

— Не хватало еще застрелиться, — вслух сказала себе Катерина. Разговоры с самой собой стали входить у нее в привычку. — Я придумаю что-нибудь. Ничего, я что-нибудь придумаю. Жизнь только налаживается. Скоро у меня будет муж, а, может, даже и брат. Найоб. — Она утерла горячие слезы, которые градом катились из глаз. — Я что-нибудь придумаю!

Она выскочила из избушки и побежала к машине, как гончая, взявшая след. Запоздало мелькнула гадкая мысль, что неплохо бы было подпалить эту избу, и этот клен, чтобы у них больше не было шансов испортить ей жизнь.

До Москвы она долетела за два с половиной часа. Зато к своему пентхаусу ползла почти тридцать минут. Каждый этаж дарил ей массу эмоций: от злости на себя и весь мир в целом до слезливой жалости, опять же к себе и ко всему миру, ведь она не спала почти сутки и валилась с ног от усталости.

Катерина включила свет в коридоре и посмотрела на настенные часы. У нее есть часа три, чтобы отдохнуть, прежде чем она поедет к Роберту. И вдруг ей в голову пришло простое и гениальное решение: она не будет ничего придумывать, не будет выкручиваться, не будет врать. Она расскажет Роберту правду. А он уж пусть думает, нужна ему Катерина такая, какая она есть, или не нужна.

Но сначала надо сделать одно дело. Катерина шагнула в темную спальню, на ощупь нашла телефон и так же на ощупь набрала короткую комбинацию цифр.

— Милиция? Я знаю, где скрывается Матвей Матушкин.

— Где? — вяло поинтересовались на том конце провода.

Внезапно яркий свет буквально ослепил ее. Катерина заорала как резаная, а когда зрение восстановилось...

— У меня, — тихо произнесла она в трубку и, положив ее, повернула голову к дверям.

На пороге спальни стоял Матвей Матушкин. Он был бледный, худой, но вполне пригодный для жизни и дальнейших «подвигов». На нем по-прежнему красовался куцый милицейский мундирчик.

— Я думал, что между нами...

Катерина завизжала. Она визжала долго и от души: сжав кулаки, закрыв глаза. А когда разлепила веки — он по-прежнему стоял в дверном проеме, только уши зажал руками.

— Как?.. Где?.. Почему?.. Ну?.. А?.. — Катерина вспомнила, что пистолет в сумке, а сумка на полке в прихожей.

— Не понял вопроса, — усмехнулся Матушкин.

— Принеси мне, пожалуйста, сумку. У меня там... пи... па... пилюли...

Он сходил, принес сумку, достал из нее пистолет. На что она рассчитывала?

— И правда, пи-па! — расхохотался Матвей.

Катерина прокляла свою тупость, снова зажмурилась и приготовилась к смерти, но он сделал вдруг совершенно невероятную вещь: вложил ей оружие в онемевшие пальцы.

— Ну, теперь ты меня не боишься?

— Руки вверх, подонок! — Она попыталась вспомнить, что нужно сделать для того, чтобы эта штука выстрелила, но не вспомнила. — Руки вверх!

— Нужно говорить: «Грабли на затылок»! — Он захохотал и с размаху плюхнулся на ее широкую кровать, на ее атласное покрывало, на ее роскошную подушку величиной с письменный стол. — А мне казалось, что между нами вполне солнечные отношения! Что ты меня не боишься. У тебя в руках «пушка», под носом телефон. Ты можешь меня пристрелить, можешь вызвать ментов. А можешь сделать и то и другое. Ну?..

— Ты украл кольцо! — Катерина прицелилась туда, где на синем кителе блестела пуговица, и поняла, что выстрелить будет проблематично именно из-за того, что на нем милицейская форма. Разве сможет она продырявить одежду неведомого лейтенанта?

— Не украл! — Он поднял вверх указательный палец и повторил: — Не украл! Оно свалилось с тебя во время бурного секса.

— Врешь! Оно не могло свалиться!

— Ну, хорошо, не свалилось. Я взял его на время, чтобы получше рассмотреть.

— Верни кольцо!

— Тебе нужно спросить, как я сюда попал.

— Верни, или я пристрелю тебя!

— Это очень не просто — убить человека.

— Ты бандит, ты забрался в мою квартиру, ты обокрал меня! Неужели ты думаешь, что, если я тебя пристрелю, мне что-нибудь за это будет?

— Я не о наказании.

— Кольцо!

— Ты путаешь карты! Спроси, как я попал сюда!

— Я?.. Путаю карты?.. Ты хочешь, мерзавец, сыграть со мной в какую-то гнусную игру. Ты забавляешься, я вижу. — Катерина внезапно успокоилась, присела на край кровати и положила пистолет рядом. Она решила показать ему, что первый шок прошел, и она прекрасно владеет и собой, и ситуацией. Только бы голос не дрожал. — Ты забавляешься, и напрасно! Думаешь, если затащил меня в койку, то имеешь надо мной какую-то власть? Для меня это ничего не значит. Я развлеклась. У тебя никогда не было темнокожей женщины, а я никогда не спала с бандитом.

— Господи, да чего ж ты так орешь-то? Я совсем не настаиваю, чтобы стать твоим мужем.

— Умник! Скотина! Козел! Думаешь, что ты умнее всех? «Спроси, как я попал сюда!» Ты попал сюда до идиотизма просто. Пока я «медитировала» там, за рулем, у избушки, ты залез в кузов пикапа, прикрылся чехлом и отлично выспался за время дороги до Москвы. Я — идиотка! Говорил же мне

Майкл: «Нужно лучше шмонать свою машину!» Когда мы приехали, ты выбрался незаметно, благо уже стемнело, и наверняка слышал мой разговор с Майклом. Майкл видел тебя. Ты выпытал у него потом, где я живу, и, пока я ездил в деревню, вскрыл мою квартиру. Верки на посту не было — тебе повезло. Только чем ты расплатился с Майклом? Вряд ли он рассказал, где находится моя квартира, просто так.

— В кителе был бумажник, в нем деньги и лотерейные билеты. Я отдал парню все. Он далеко пойдет. А замки у тебя — дрянь, сразу видно, что нет мужской руки! Разве можно на такую крутую хату ставить простой английский замок?

— Зачем ты приперся? Думаешь, я буду тебя скрывать, кормить и лечить?

— Вот теперь ты должна спросить про кольцо.

— Не смей указывать мне на то, что я должна! — заорала Катерина так, как никогда еще не орала. Но взяла себя в руки и уже тихо спросила: — Зачем ты приперся?

— Отдать кольцо. Я не крал его, а просто взял на время, чтобы получше рассмотреть. Необычная больно вещица.

— Ты издеваешься?

Он вдруг бесшумно и стремительно вскочил и пересел в кресло напротив. В ее плетеное кресло-качалку, которое она долго, любовно и мучительно выбирала, и в котором никто никогда не сидел кроме нее.

А еще пистолет исчез с синего атласа. Его не было и в его руках, он сложил их на подлокотники и вальяжно качнулся, будто пробуя на вкус это занятие богачей и бездельников — болтаться в кресле, у которого вместо ножек полозья.

Ловкий парень. Быстро поправился. Умеет незаметно содрать украшение, может почти на подножке машины невидимкой проехать сотни километров, не боится позировать перед дулом заряженной «пушки», легко вскрывает любые замки. Вот только банк грабануть не очень-то получилось.

— Банк грабануть не очень-то получилось, — усмехнулась Катерина ему в лицо. — И вообще, будет лучше, если ты вернешь кольцо.

— Для кого лучше?

— Для тебя тоже.

— Да ты не расслышала, бэби! Я и пришел, чтобы отдать это кольцо тебе. Держи! — Он выкинул руку вперед, будто бросив ей что-то. Катерина на уловку попала — метнулась, вытянув руки, чтобы поймать это «что-то», и чуть не свалилась с кровати, схватив пустоту.

Он расхохотался, и она опять пожалела, что так глупо упустила оружие.

— Ублюдок!

— Ну зачем ты так?

— Что теперь я должна?

Матвей еще раз качнулся в кресле, потом встал и подошел к окну.

— У тебя шикарная хата с видом на Храм Михаила Архангела. Не думал, что с таким приданым можно польститься на «старого перечника».

— Замолчи!

— Очень темная эта история.

— Что?!

— Очень темная. — Матвей подошел и присел перед ней на корточки. — Держи! — взял он ее руку и вложил в ладонь кольцо.

В кулаке Катерина ощутила теплое золото и твердые грани бриллианта.

— А откуда ты знаешь, как называется то, на что открывается вид из моего окна? — зачем-то спросила она.

— Да кто же этого не знает, — небрежно бросил он.

Не глядя, Катерина стала надевать кольцо на палец, но оно почему-то не надевалось, было странным и плоским, оно и кольцом-то не было. Она с ужасом уставилась на то, что держала в руке. Золотая ящерица держала в пасти огромный бриллиант, все правильно. Только это было не кольцо. Это была брошь. Катерина ущипнула себя за щеку в надежде проснуться.

— Если это шутка, то неудачная, — тихо сказала она просто потому, что нужно было что-то сказать.

— Я предупреждал — очень темная эта история.

— Говори, что все это значит! — выкрикнула она.

— Я и пытаюсь. Говорю же тебе, что кольцо не украл, а взял на время, чтобы рассмотреть получше. Больно они похожи, эти цацки! — Матвей сделал жест фокусника, и в его руке блеснул еще один бриллиант, который зажала в пасти еще одна ящерица. На этот раз это было кольцо. Он сам надел его на ее безымянный палец и продолжил: — Так вот, скверная эта история — твое кольцо и моя брошь. Ты, кстати, не хочешь узнать, откуда она у меня?

— Спер где-нибудь! — хмыкнула Катя.

— Спер?! И это спер?! — Откуда-то из-за пазухи Матвей выдернул ветхий кожаный мешочек, дернув за шнурок, развязал его и вытряс на синий атлас безумное количество бус, ожерелий, серег, колец, кулонов и еще чего-то, на что смотреть было невозможно, потому что все это ослепляло, било в глаза и сильно напрягало.

— И это спер?! — с победой в голосе повторил он.

— И это, — подтвердила Катя и подальше отодвинулась от неприлично сверкающей россыпи.

— Ну, бэби, тебя кто-то здорово в жизни обидел, раз ты видишь во всем криминал!

— И это говоришь мне ты?!

— Я, бэби. Это говорю тебе я. И потом, если бы я спер, то зачем бы притащил все это тебе?

— Не знаю. И зачем ты притащил это мне?

— Понимаешь, ты как-то замешана в этом деле. И мне вдруг стало дико интересно — как. Ты тогда болтала там с тополем...

— С кленом.

— Ну да. Я понял, что тебя и эту избушку связывает какая-то мутная история.

— Тебя это не касается.

— Касается. Старый дружище дуб...

— Клен.

— Клен... тоже умеет разговаривать. Он наболтал мне, что парень, который был вместе с тобой тринадцать лет назад, что-то искал.

— Откуда ты это знаешь?!!

— Да не ори ты так, — перешел на шепот Матвей. — Ты сама бормотала той ночью, я слышал: «Баба Шура умерла, а Сытов решил, что ей было что прятать. Он рыл землю как бешеный пес, потом погнался за кем-то, он верил, что поймает удачу за хвост». У меня феноменальная память, бэби! Я подумал, что он не должен был быть идиотом, этот твой Сытов, и, когда ты ушла, решил кое-что проверить. Там над кроватью висел старый пожелтевший листок. Примитивный рисунок — избушка, деревце, крестик.

— Да?.. Он до сих пор там висит?

— Я просто связал твои слова с этими каракулями и понял одну вещь — он не там копал, этот твой Сытов!

— Как не там? Почему не там?

— Он копал под акацией!

— Кленом!

— Ну да. А на листочке что нарисовано?

— Что?

— Смотри. — Матвей порылся в кармане кителя и вытащил пожелтевший тетрадный лист со знакомой Катерине картинкой, посмотреть на которую ей совсем не хотелось. Но он сунул листок ей под нос и нервным пальцем профессионального воришки ткнул в крестик. — Смотри, ведь он не совсем под деревом стоит.

— По мне, так под деревом.

— Нет, бэби. Он стоит на расстоянии шести клеток от дерева! Листочек-то в клетку! Ты что, в детстве никогда не читала про кладоискателей?

— Я в детстве мало читала. Что это значит?

— То, что от дерева нужно отсчитать шесть шагов.

— Судя по всему, ты отсчитал, — без энтузиазма констатировала Катерина. Ей так хотелось спать, что сознание мутилось, и язык еле ворочался.

— Как видишь, Кэт! — Он подцепил рукой украшения, и они бессовестной роскошью заструились у него между пальцами.

Катерина старалась на них не смотреть. Вся эта история затягивала ее как топкое болото, и совсем не было сил сопротивляться. Вот если бы ей удалось поспать часик, она бы придумала что-нибудь, чтобы жизнь вошла в привычное русло, чтобы тип с дурацким именем Матвей исчез с ее горизонта вместе с этими опасными цацками. Черт ее дернул согласиться поехать с Робертом в эту деревню! Или причина не в этом? Наверное, причина в ней, а не в обстоятельствах, впрочем, так не бывает, что обстоятельства ни при чем. Или бывает? А Матвей, между тем, продолжал:

— Там, в сених, стояли две старые лопаты. Когда ты ушла на рассвете в тот первый раз, я взял лопату, вышел во двор и отсчитал от дерева шесть шагов в том направлении, которое можно было понять по рисунку. На этом месте стояла бочка. Старая, трухлявая бочка с дождевой водой. Я сдвинул ее и начал копать. Вырыл яму глубиной в метр, сломал две лопаты, но ничего не нашел. Я, было, решил, что там ничего нет, что бабка просто сбрендилла на старости лет и начала рисовать. Но я упорный, бэби! — Он вскочил и заходил по спальне от стены к стене. — Я упорный! Я стал рыть землю руками! Она была паршивая, эта земля: твердая, глинистая, липкая и почему-то очень вонючая. Первым я нашел череп.

— Что?..

— Череп с дыркой во лбу. — Он вдруг остановился, выхватил из сверкающей кучи какое-то сложное, трехрядное ожерелье и нацепил его на себя, щелкнув на шее замочком. — Такие дырки оставляют пули и только пули. Потом были остальные кости — много косточек, весь скелет, целенький, хоть сейчас в кабинет анатомии! А на груди у него металлический ящик.

— Ларчик, — поправила Катерина.

— Замок на ящике был ерундовый, я сбил его камнем, открыл, там кожаный мешочек... Кэт, я пожалел того парня, как его — Сытов? Он оказался настоящим дураком. Я закопал скелет, вернул на место бочку, перебрал эти цацки, нашел брошку-ящерицу и тут вспомнил твое кольцо. Потом пришла ты с едой, и я потихоньку содрал с тебя кольцо, чтобы сравнить. Видишь, я не ошибся, эти ящерки — сестры. И кто-то получил за них пулю в лоб. Очень мутная эта история, очень странная эта избушка, и очень непростая эта баба Шура.

— Плевать! — решила вдруг все для себя Катерина. — Мне на все это наплевать. Хочешь, забирай себе все и проваливай. Я никому ничего не скажу, заберу себе только кольцо.

— У тебя с мозгами беда. Как тебе может быть наплевать, если ты собираешься жить с человеком, у которого, скорее всего, рыльце в пуху и руки в крови? Откуда у него это кольцо?

— Роберт — богатый человек. Мало ли что там когда-то случилось! Наверное, его обокрали, и у него осталось только это кольцо.

— Не думаю, что все так просто.

— Какая тебе разница? Тебе ли искать истину и рассуждать, у кого руки в пуху, а у кого рыло в крови!

— Наоборот, — буркнул помрачневший Матвей.

— Наоборот, — кивнула Катя. — Сути это не меняет. А суть в том, что сам ты — человек, портрет которого висит на каждом углу с надписью «Особо опасен». Я не понимаю, зачем ты пришел сюда, зачем мне все рассказал, да еще пытаешься вывести кого-то на чистую воду. Подумаешь, череп с дыркой! Да я сама из-за этих сокровищ словила пулю в живот и чуть не отправилась на тот свет. Забирай все и проваливай...

— Значит, ты говоришь, тебе на все плевать! И на меня, и на сокровища?

— Уходи!

— А вдруг твой Роберт — убийца?

— Уходи!

— А вдруг баба Шура — «мокрушница»?

— Уходи!

— А вдруг...

— Проваливай!

— Ну, нет! — Матвей подошел к ней, схватил за плечи и потряс, как трясут неразумного человека, пытаюсь вразумить его. — Не для того нас сводила судьба, чтобы ты капризной рукой рисовала свои сюжеты!

— Судьба?! Капризной рукой?! Рисовала сюжеты?! Ого, сколько пафоса, и как образно! А я думала, ты одноклеточный!

— Да, я одноклеточный, — он повалил ее на кровать, на синий атлас, на россыпь невиданных драгоценностей, и Катерина почему-то не сделала ни малейшего усилия, чтобы оттолкнуть его от себя...

— В постели с врагом, — простонала Катя, когда все закончилось.

— Я не враг, — прошептал Матвей и накинул на нее какие-то бусы, кажется, это был белый жемчуг. — Я не враг, и мы фантастически богаты!

— Мы — Матвей Матушкин?

— Мы — это ты и я. У нас обоих вспороты животы, у нас у обоих есть тайна, и нас намертво связывают эти бриллианты. К черту твоего Роберта! Давай уедем на твою историческую родину!

— Представляешь, я понятия не имею, где она!

— А мы придумаем. Главное, чтобы там были огромные пальмы, синий океан, безоблачное небо, бунгало на двоих и...

— Главное, чтобы там не было твоих портретов с надписью «Особо опасен».

Он расхохотался и нацепил на нее немислимые сережки, от тяжести которых заболели уши. А потом диадему — сверкающую, как настоящая корона.

— Значит, ты согласна. — Он не спрашивал, он утверждал.

— Нет.

— Из всего этого мы продадим самую малость, только чтобы хватило на мои документы, дорогу и дом на берегу океана. — Он словно не слышал ее. — Остальное — твое. Ты будешь ходить в маленькой юбочке из пальмовых листьев и в бриллиантах. Я дарю их тебе. Мы будем лопать кокосы, удить рыбу, любить друг друга, дразнить судьбу, выбираясь на яхте в шторм, а еще ты будешь ревновать меня к местным туземкам, таким же темненьким, гладеньким, стройненьким, в юбочках из пальмовых листьев.

— Нет!

— Ты не представляешь, как «да»! — усмехнулся Матвей и нацепил ей на шею еще что-то тяжелое, блестящее и холодное, будто сделанное из льда.

— Нет, — засыпая, пробормотала Катя. Последнее, что она видела — его смеющийся серый глаз.

Ей приснился Сытов. Он трепал ее по затылку, хмурился и сердито говорил: «Дрянь!» Катерина пыталась уклониться от его руки, но не могла, и рука с затылка переместилась на ее горло. Он стал срывать с нее диадему, сережки, бусы, ожерелье из льда... «Дрянь! Это мои бриллианты!» — кричал Сытов, но это был уже не Сытов, а Роберт Иванович, он шарил по ее телу, искал ниточку на животе, чтобы потянуть за нее, чтобы шов разошелся, и чтобы Катино нутро стало доступно его рукам. «Дрянь!» — крикнул Роберт Иванович. Но это был уже не Роберт Иванович, а скелет с дыркой во лбу, и не скелет, а ящерица, которая дико вращала глазами и искала, что бы схватить своей пастью, потому что свой камень она потеряла.

Катерина открыла глаза и увидела над собой небесно-голубой потолок. Она специально заказала себе именно голубой потолок, чтобы никогда и ничто в этой квартире не напоминало ей белую больничную безнадежность. Еще она попросила нарисовать на потолке облака и летящую стаю птиц. Сегодня все было бы как всегда, если бы... если бы вокруг не валялись ювелирные изделия, стоимость которых даже страшно представить, а рядом не сопел голливудский блондин, от вида которого почему-то то-скливо и жалостливо сжалось сердце.

Катерина вскочила с кровати, по привычке шагнув к тренажеру, но остановилась и глазами нашла часы. Было девять утра — время, в которое она обещала появиться у Роберта.

— Вставай! — тряхнула она Матвея за голое плечо. Он пробормотал «Есть, товарищ генерал-майор!» — и натянул на голову одеяло. Слова про

генерал-майора слегка озадачили Катерину, но она тут же решила, что парень грезит армейскими подвигами, тогда как в жизни обходится криминальными.

Будить его она больше не стала, сам проснется. Сняла с себя диадему, бусы и ожерелье, в которых заснула. Вот только сережки ей очень понравились. Так понравились, что она решила их не снимать. Пусть останутся у нее в ушах — виноградные грозди бриллиантов. В конце концов, она имеет на них полное моральное право.

Кофе она решила не пить. И в душ не пошла. Сегодня все не так, как всегда. Она поедет к Роберту и скажет, что будет верна ему по гроб своей жизни. Или его жизни? Она останется у него навсегда, а эту квартиру сдаст за бешеные деньги какому-нибудь иностранцу, может быть, даже Найобу — послу неизвестной республики.

Катерина взяла листок бумаги, тот самый, с рисунком бабы Шуры, и написала на нем: «Проваливай. Проваливай! Проваливай!!! Мне не нужны никакие сокровища. Мне не нужен ты. Я никогда не стану тебя ни к кому ревновать, не буду удить с тобой рыбу, не буду маяться с тобой в одном бунгало на берегу океана. Я никому ничего про тебя не скажу. Лечись, скрывайся, продавай бриллианты, уезжай из страны и будь осторожен. Проваливай!» Она подумала немного и дописала: « Кофе на полке, еда в холодильнике, душ в ванной, в шкафу найдешь какую-нибудь одежду. Дверь просто захлопнешь». Что еще? Да, пистолет. Катерина откопала его в сбившемся одеяле и... спрятала в мусорном ведре. Неоригинально, конечно, но больше в голову ничего не пришло. Что еще? Да, пожалуй, она прихватит еще вон то ожерелье, которое холодит как лед. Имеет полное право. Она запихла его в сумку, потом выбрала самое лучшее, самое красное платье. Даже не покрутившись перед зеркалом, зачем-то перекрестилась и вышла из квартиры. Припустила с лестницы бегом, но на двенадцатом этаже обнаружила, что лифт заработал. На нем она благополучно добралась до первого этажа.

Первым, кого она увидела, был Майкл. Он бочком подошел к ней и шепотом проговорил:

— Кать, полтинник, и я буду молчать о том, кто скрывается в твоей поднебесной фатере.

Катерина молча достала сотню и сунула бумажку ему прямо в карман широких брюк. Майкл юркнул в парадную дверь и растворился в утренней суете улиц.

Вторым впечатлением был «аквариум». Вместо привычных габаритов Верки, заполнявших его почти полностью, там восседала, оставляя много пустого пространства, Зойка из второй квартиры. Ее можно было бы на-

звать красавицей, если бы не полный рот золотых зубов. И возраст ее позволял еще на что-то надеяться, и род занятий — бухгалтер — пророчил вполне приличные перспективы, но жизнь как-то не ладилась. Небедный муж сначала запил, а потом и вовсе ушел, оставив, правда, квартиру. Детей Бог не дал, а на работе ее то и дело подсиживали более молодые и пронырливые сослуживицы — так, во всяком случае, утверждала Верка. Но Зойка не теряла оптимизма, пошла на какие-то суперкурсы по повышению квалификации, и все ждала своего принца и своих детей, взирая на мир с золотой улыбкой.

— Кать! — крикнула она. — Утро доброе!

— Доброе? — вопросом ответила Катерина.

— Солнце светит, птички поют, и лето все впереди! Что еще для счастья нужно?!

— Ну, про птичек ты загнула, — улыбнулась Катерина, стараясь быть такой, как всегда. Она вежливо остановилась у будки и склонилась к окошечку.

— Вовсе нет. Как к жизни относишься, такая она и есть. Если хочешь услышать в городском шуме пение птиц, то обязательно услышишь, даже если их нет. Ты, Катерина Ивановна, сегодня потрясающе выглядишь. На миллион долларов! Сережки у тебя — отпад! Как из Алмазного фонда.

— А где Вера? — попыталась перевести разговор на другую тему Катерина.

— А загуляла она, попросила меня подменить ее на полдня. Братан к ней из Калуги приехал, посидели они вчера по-семейному, водки попили. Кать, а я замуж, кажется, выхожу! — Зойка счастливо заблестела золотыми зубами и вплотную притиснулась к окошку.

— Да ну?

— За твоего соотечественника. Он, кстати, тебя уже не первый раз разыскивает, но никак не может застать. Передать ничего не хочет, «очень личный дел», говорит. Он опять тебя не застал, и, представляешь, запал на меня, — горячо зашептала Зойка. — В гости напросился, вином угостил, ну и ... то да се... Увезу, говорит, тебя в «жаркий стран»! Он фантастический! Синий как баклажан, щедрый, веселый, зовет меня «Зойка моя»! Он посол от какого-то королевства.

— Может, республики?

— Нет, королевства!

— А зовут его как?

— Его фантастически здорово и очень неприлично зовут! Так в «Звездных войнах», ой нет, в «Матрице» звали какую-то бабу! Найоби!

— Наш пострел везде поспел. Господи, как у вас все тут запутано, — пробормотала Катерина и достала из сумки визитку: — Зоя, если он еще придет, передай ему мои телефоны, пусть звонит.

— Кать! — вдогонку крикнула Зойка. — Только ты Верке ничего не говори! Про Найоби!

— Не скажу, — вздохнула Катерина и вышла на улицу.

Всю дорогу до дома Роберта Катерина старалась не думать о том, что произошло этой ночью. Не думать, не анализировать, не вспоминать. Но ничего не получалось. Зачем она это сделала? Почему второй раз наступила на те же грабли? Как опять оказалась в одной постели с ублюдком? Потом мысли плавно перетекли на то, что волновало ее больше всего. Откуда у Роберта кольцо-ящерица? Как он связан с бабой Шурой и ее сокровищами? Кто и почему убил человека, которого захоронили вместе с драгоценностями? Почему его закопали, как последнюю собаку, водрузив вместо памятника бочку с водой? И, наконец, чьи это бриллианты, и как они могли оказаться в палисаднике бабы Шуры?!!

«Какая тебе разница, — попыталась урезонить себя Катерина. — Ты уже за все сполна получила. И пулю в живот, и сережки с ожерельем, и ... Матвея Матушкина, с которым у тебя «химия» — слаженная игра двух актеров, заигравшихся в своих импровизациях на тему «барышня и хулиган»...

У дома Роберта она без труда нашла место для парковки. Дом был из «особенных», элитных — со шлагбаумом, будкой с охранником и удобными парковочными площадками. У Катерины имелся пропуск, но показывать его не было никакой нужды, так как охранник всегда и так махал ей рукой — проезжай, мол, давая этим понять, что ее трудно с кем-нибудь перепутать.

Он и сейчас махнул рукой, и у Катерины вдруг екнуло сердце. Все, назад пути нет. Она переедет жить сюда, а свой пентхаус сдаст иностранцам. Нужно только определиться с ценой. Вот работу она не бросит. Без работы она захиреет, заскучает, сойдет с ума.

У дверей квартиры Роберта Ивановича топталась какая-то тетка. Она беспрерывно топила кнопку звонка и тихонько поругивалась себе под нос. На тетке был синий спортивный костюм, кроссовки, и она здорово смахивала на тренера по легкой атлетике — жилистая, сухая, с волевым лицом и излишне целеустремленным взглядом.

— А вот и вы! — воскликнула тетка, увидев Катерину. — Очень кстати! Я знаю, вы подруга Роберта Ивановича. Он затопил мою квартиру и почему-то не открывает. Может, вышел куда-нибудь, а кран не закрыл? Мой ремонт ему обойдется в копеечку и будет лучше, если побыстрее устранить причину аварии. У вас случайно нет ключа от квартиры? — Тетка, пожалуй,

была не тренером, а бывшим руководящим работником, слишком уж специфическим тоном она разговаривала. Тонем, который всегда вызывал у Катерины желание показать язык.

— Случайно есть, — ответила она тетке, но открывать квартиру не поспорила. — А вы уверены, что вас затопил именно Роберт Иванович?

— За кого вы меня принимаете? — вздернула та подбородок. — Я что, похожа на невменяемую?

— В общем-то нет, но мало ли... — Катерина вставила ключ в замок.

— Вы мне хамите, — жестко произнесла тетка, проходя за ней в просторный холл.

— Пока еще нет. Пойдите-ка, пожалуйста, в коридоре, а я проверю все краны. Роберт! — крикнула она. — Роберт, ты где?! — Квартира была настолько большая, что ее крик эхом пронесся по комнатам, но Роберт никак не откликнулся.

— Странно, — пробормотала Катерина, увидев, что ботинки его стоят в прихожей, а джинсовая курточка, в которой он ходил в последнее время, висит на вешалке. — Роберт!

В ванной и правда шумела вода. Она дернула дверь, и поток воды вяло плеснулся в ноги. От неожиданности Катерина отпрыгнула назад и вскрикнула. На крик прибежала спортивная тетка, хлюпая по ручейку кроссовками.

— Ну вот, а вы тут рассуждаете о моей вменяемости! — высокомерно заявила она, шагнула в ванную и вдруг завизжала. Это так не подходило к ее спортивно-руководящему имиджу, что Катерина даже засмеялась. Ну, забыл человек закрыть кран, чего ж орать-то? Смеясь, она зашла в огромную ванную, почти по щиколотку оказавшись в теплой воде. Черный кафель давал ощущение мрачной роскоши, и эта роскошь никак не вязалась с бледным, безжизненным телом, безвольно полулежавшим в низкой треугольной ванне, больше смахивающей на бассейн.

— Роберт! — крикнула Катерина. — Роберт Иванович!

Тетка перестала визжать, и тишина была бы убийственной, если бы не бодрый плеск текущей из крана воды. Роберт напоминал большую резиновую куклу, у которой слегка подпустили воздух, и она потеряла упругость и товарный вид. Голова свесилась на грудь, глаза полузакрыты, а руки плавали в толще воды, словно медузы. Он спиной запечатал боковое сливное отверстие, потому ванна и переполнилась.

— «Скорую»! — прошептала Катерина, нащупала в сумке мобильник и быстро набрала «ноль три». — Сердечный приступ! — заорала она в трубку.

— Помилуйте, дамочка, — пришла, наконец, в себя спортивная тетка, — какой же это сердечный приступ, если у него в голове дырка? Это убийство, и нужно звонить в милицию.

Катерина нажала отбой и посмотрела Роберта. У него на лбу действительно что-то такое было — необычное, непривычное, режущее глаз. Она не могла на это смотреть, но заставила себя и увидела — это дырка, запечатанная черной запекшейся кровью. Струйка этой крови, такой же черной, спускалась вниз, к подбородку, и там замерла как вкопанная. Что-то такое Катерина слышала о повышенной свертываемости крови...

Тетка закатала рукав спортивной куртки, бесстрашно запустила руку в воду и поймала запястье Роберта Ивановича.

— Мертв, — вздохнула она. — Мертвее только Гарик из шестнадцатой квартиры. Но его грохнули неделю назад и уже похоронили. Господи, никак не могу привыкнуть, что в этом доме один другого круче, и два раза в месяц кого-нибудь обязательно дырявят наемные убийцы. Дамочка, а кто же мне ремонт-то оплачивать будет? — всполошилась вдруг тетка. — Кто платить-то будет? Кто?! У меня ремонт на бешеную тучу долларов, телевизор в ванной залило, цветы искусственные!

— Телевизор? Цветы? — удивилась Катерина. А кому же она будет гладить шнуры?..

— Да, черт подери, цветы, телевизор, кушеточка-антик, столик ценных пород дуба и старинные часы с кукушкой, которые стоят сейчас бешеную тучу долларов!!! И потолок в разводах! Трупная водичка — бр-р! Да я всю ванную теперь переделывать должна!

— Переделывать...

Чьей же она будет сиделкой?..

— Дамочка, а ведь вы его почти жена. Мне Люся из тринадцатой говорила. Вот вы мне и заплатите!

— Заплачу, — кивнула Катерина и заплакала.

— Хватит сопли на кулак мотать! — Тетка вырвала у нее из рук мобильный и очень быстро вызвала милицию. Похоже, у нее были навыки в таком деле, а милиции было не в первой выезжать по этому адресу, поэтому разговор получился кратким и лаконичным.

— А ведь я вас сегодня уже здесь видела, — вдруг сказала тетка, щуря сверлящие глаза и поправляя рукой короткую челочку.

— Меня? Здесь?

Черный кафель давил на глаза, контрастировал с белой ванной, тело в которой — шутка, муляж, оно не может быть правдой. Сейчас есть специальные магазины, где продают такие «шутки»: отрезанные руки, отрубленные головы, кровавые кляксы и даже наклейки пулевых ранений. Кто-то купил в таком магазине целого Роберта и засунул его ванну, а настоящий Роберт сидит на кухне, посмеивается и пьет кофе.

Катерина прошла в кухню, куда доносился голос разгневанной тетки:

— Да, милочка, я видела, как рано утром вы поднимались по лестнице, я как раз шла выгуливать собаку. На вас была легкомысленная широкополая красная шляпа!

На кухне никого не было. Роберт не пил там кофе. Его и в спальне не было, пустая, разобранная кровать демонстрировала свое пустое нутро.

Кому она будет верна по гроб жизни?..

— Вы меня с кем-то спутали! — крикнула Катерина, когда тетка подошла к ней.

— Ха-ха-ха! — вдруг весело рассмеялась та, и Катерина вдруг снова поверила, что все это шутка. Роберт, наверное, сидит у тетки в квартире, они сговорились, решили ее разыграть. — Ха-ха-ха! Неужели вы думаете, что вас можно с кем-нибудь перепутать?!!

— Значит, вы утверждаете, что не приходили в семь тридцать утра в квартиру господина Пригожина?

Оказывается, фамилия Роберта была Пригожин.

— Утверждаю.

— Где вы были в это время?

— Дома. Спала.

— Кто-нибудь может это подтвердить?

Это мог подтвердить Матвей Матушкин, но сказать об этом Катя не могла.

— Я живу одна. Этого никто не может подтвердить. Впрочем, в половине десятого меня видел... — Тут она осеклась, подумав, что про Майкла тоже не стоит говорить. — Меня видела Зоя из второй квартиры. Она сидела на месте лифтерши, и мы с ней долго беседовали.

— Ну, — усмехнулся следователь и с чрезмерным усердием стал перекладывать какие-то бумаги на столе, — ну, это вы хорошо придумали! Да, Зоя Арнольдовна подтвердила, что разговаривала с вами в девять тридцать, но она также сказала, что на пост заступила в девять, а до этого будка была пуста. Пуста! И создается впечатление, Катерина Ивановна, что вы специально остановились поболтать с лифтершей, чтобы она подтвердила в случае чего...

— Это вам Зойка сказала, что специально?

— Нет, это я вам говорю.

Это был уже второй допрос, и, кажется, он слово в слово повторял первый. Ночь Катерина провела в изоляторе временного содержания, на деревянных нарах и не было обстоятельства, более сломившего ее, чем отвратительные, жирные клопы, которые искусали ее с головы до ног. Катерина не смогла сдержаться, наклонилась и с наслаждением почесала ле-

вую ногу. Потом правую. Потом плечо под тонкую тканью красного платья. Платье она не снимала на ночь, и оно странно и дико пахло несчастьем, тюрьмой и еще чем-то — кровью, что ли? — потому что на теле были места, расчесанные в кровь.

— Вас видели три человека в доме, где жил Пригожин. Все в своих показаниях утверждают, что это было примерно с семи до семи тридцати утра — время, когда наступила смерть Роберта Ивановича. Охранник утверждает, что вы пришли пешком. На вас было красное платье и красная широкополая шляпа.

— Честно говоря, я бы менее приметно оделась, если бы пошла на такое «дело»...

— Честно говоря, вас трудно с кем-нибудь перепутать. Вы понимаете, о чем я говорю, — усмехнулся следователь и надел жуткие очки в роговой оправе со стеклами без диоптрий. Следователь был юный, рьяный, с каким-то мудреным именем и ушами, которые в размахе достигали... «Ведь бывает же размах крыльев, — подумала Катерина, — значит, бывает и размах ушей». Ей было необходимо о чем-нибудь таком думать, чтобы не сойти с ума.

— Вас трудно с кем-нибудь перепутать, и это главный аргумент для следствия. Давайте рассмотрим другие аргументы.

— Давайте, — без энтузиазма кивнула Катерина, оттянула ворот платья и с ожесточением почесала грудь. Следователь чиркнул взглядом по ее шоколадным выпуклостям, панически перевел глаза на бумаги и буркнул:

— Перестаньте чесаться.

— Ваши клопы...

— Они не мои. Так вот, квартиру не вскрывали, пришел кто-то свой. Свой настолько, что Пригожин впустил его в ванную, где он был в чем мать родила. Оружие валялось на полу, и отпечатков на нем не обнаружено. А в вашей сумке, которую изъяли, найдена мужская перчатка. Одна! Зачем молодой женщине летом таскать в сумке мужскую перчатку? Вывод один — чтобы не оставлять отпечатков на оружии!

— Господи! — Что-то лопнуло внутри Катерины, и слезы хлынули градом. Они не хлынули вчера, когда ее задержали по подозрению в убийстве, а сегодня почему-то хлынули. — Господи, да эту чертову перчатку я две недели таскаю в сумке и забываю выбросить! Она... — Тут Катерина поняла, что трудно будет объяснить, как перчатка оказалась у нее. — Понимаете, я женщина одинокая... очень свободных нравов. Ко мне приходят... приходили мужчины. Кто-то забыл перчатку еще весной в моем кресле и... Спросите у Верки-лифтерши, у охранника нашего агентства Игоря, у моего зама Верещагина, у Любаши-уборщицы, наконец, спросите! Они видели, они знают, как перчатка попала в мою сумку! Я просто забыла ее выбро-

сильно! Ну, вы же знаете, что творится у женщин в сумках! Ну, это все знают! — Она вдруг с тоской подумала, что он может и не знать. — Спросите их, слышите?!!

— Спрошу, — кивнул следователь. — Но есть еще много обстоятельств...

Вот с этого момента начинался новый допрос. Вчера все закончилось на перчатке.

— Мотив! — Он уставился на нее через стекла очков, в которых явно не было никаких диоптрий.

— Да, мотив! — Катерина вдруг успокоилась, вытерла слезы и улыбнулась. — Какой у меня может быть мотив? Никакого! Я собиралась замуж за этого человека, я его... любила. Уж если бы был мне резон убивать его, так только после свадьбы!

— Каким-то образом вы узнали о завещании. — Юнец стащил с носа очки, давая понять ей, что плевать ему, что он лопухий, прыщавый, маленький, хлипкий, с тоненькими девчоночьими пальчиками, что никогда и ни на кого он не производит должного впечатления. Плевать, потому что, несмотря на молодость, он блестящий профессионал, и у него всегда есть козырная карта.

— О каком еще завещании?

— Три дня назад Пригожин составил завещание, в котором все свое имущество — недвижимость, деньги, машины, бизнес — завещал вам.

— Мне?!!

— Вам, не придуривайтесь. У Пригожина был рак, его дни были сочтены. Видимо, Роберт Иванович опасался, что не доживет до бракосочетания, и решил таким образом отблагодарить вас за счастье своих последних дней.

— Не может быть. Этого быть не может. Какой рак... у него сердце...

— Да, экспертиза показала, что буквально на днях он перенес обширный инфаркт, но к делу это не относится. Завещание...

— Я не знала ни о каком завещании! Он ничего мне не говорил!

— Послушайте! — Следователь встал, распрямился во весь свой внушительный рост, облокотился кулачками о стол и слегка наклонился к ней. — У вас действительно репутация дамы очень свободных нравов. Я узнавал. Ваших связей не перечесать... Молодые, не очень, и совсем старики. Особенно старики. Вы специализировались на них! Откуда у вас роскошная квартира на шестнадцатом этаже в элитном доме на проспекте Вернадского?!

— Боже мой, — прошептала Катя, и щуплый следователь показался ей огромным киношным монстром. — Боже мой, да это все знают. Я была еще очень молодой, меня полюбил Негласов Юрий Петрович, и я его... Нам

было хорошо вместе, но у него была семья, да и относился он ко мне больше как к дочери. Юра купил мне квартиру, дал возможность получить образование, я ведь из детдома, у меня не было ни средств, ни родни. Юра был мне больше, чем любовником. Он умер от инсульта, когда я училась на пятом курсе. Я никогда этого не скрывала. Да, он подарил мне квартиру! Да, на его деньги я окончила институт и смогла найти хорошую работу! При чем здесь «специализировалась»?!

— Посмотрите сюда, — девчоночьим пальчиком следователь постучал по столу, на котором, неведь откуда, появился диктофон. — Посмотрите и послушайте. — Он нажал серебристую клавишу, и звонкий, веселый голос, в котором Катя узнала свой, крикнул на весь кабинет: «Мне это подходит! Сколько тут — триста шестьдесят квадратов? Пять комнат, евро-ремонт, хороший район, мне подходит! Давай дружить!» «Давай! Если хочешь, оставайся тут жить...» — ответил голос Роберта, и пальчик снова ткнул кнопку, остановив запись.

— Ну что, вы будете и сейчас отрицать свои меркантильные интересы в связях с пожилыми мужчинами? По-моему, в этом деле все очень прозрачно. Каким-то образом вы узнаете, что Пригожин заблаговременно все отписал вам. А может, и сами уговорами склоняете его к этому. А потом решаете поторопить его на тот свет.

— Простите, начальник, а как вас зовут?

— Март Маркович Карманов, — поклонился юнец. — К вашим услугам, — зачем-то язвительно добавил он.

— Март Маркович, откуда у вас это?.. — Катерина указала на диктофон.

— Эту пленку, Катерина Ивановна, мы обнаружили в квартире Пригожина, как, впрочем, и диктофон. По какой-то причине Роберт Иванович решил записать свой разговор с вами. Может, все-таки он не очень вам доверял?

Катерина расправила плечи и одернула платье на коленках. Она не будет больше отвечать на вопросы. Она не будет больше чесаться и плакать.

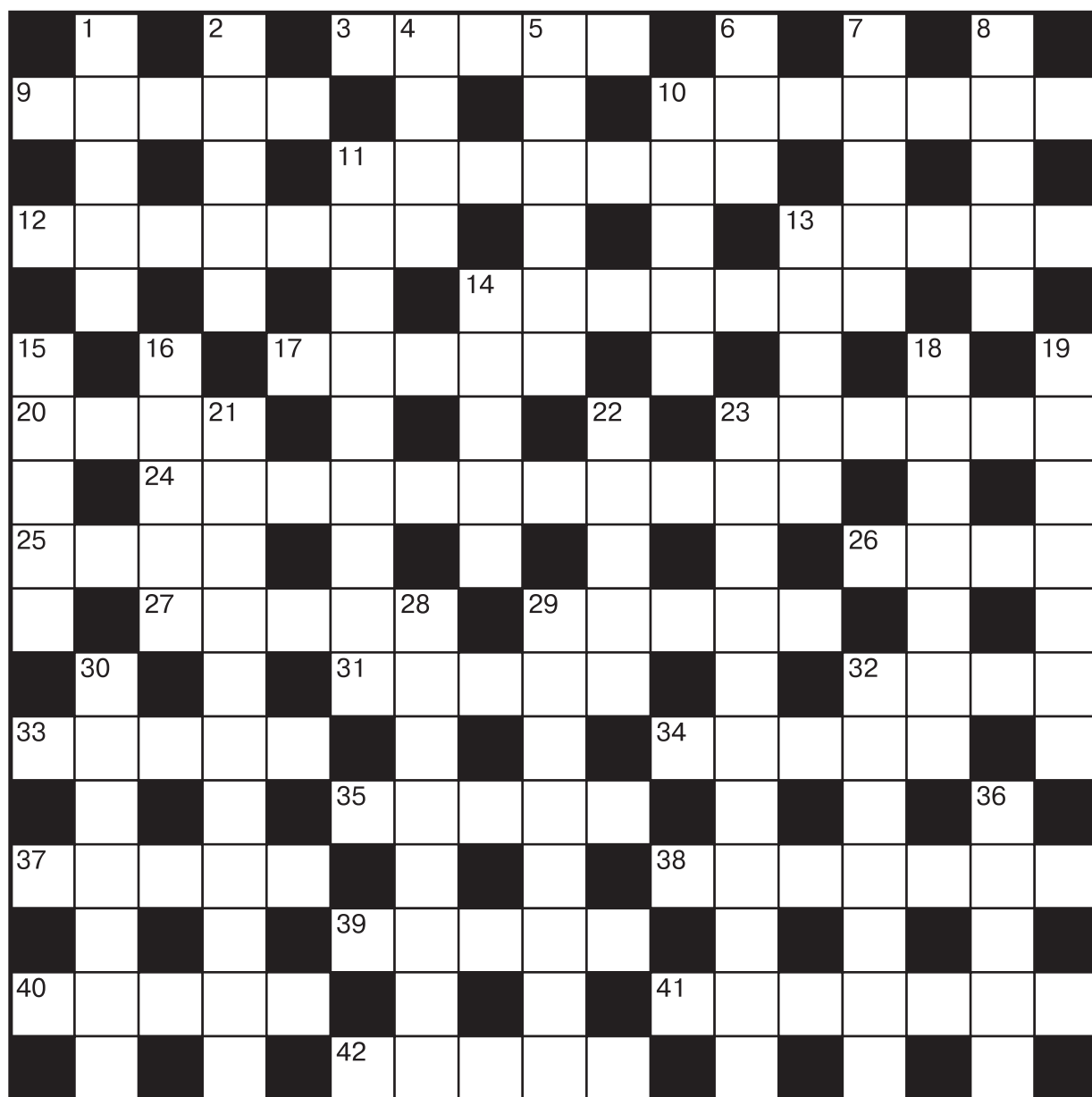
Она будет бороться.

— Я требую адвоката. Причем того, которого я сама назову. У меня есть средства на первоклассную защиту.

— Кто бы сомневался, — усмехнулся юнец и нажал под столом какую-то кнопку. □

Продолжение следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Александр Вертинский признавался, что под костюмом и гримом Пьеро он прятал свой ... перед публикой. **9.** Где с 1923 года из «жеванной бумаги» изготавливают расписные шкатулки? **10.** «Адрес английской королевы». **11.** Старший из братьев Карамазовых в романе Федора Достоевского. **12.** Какие краски на яй-

цах замешивают? **13.** Кто у индейцев за главного? **14.** Куда в шестнадцать лет поехал Василий Аксенов на встречу с матерью? **17.** Хозяин «косой сажени в плечах». **20.** Что внушает Фредди Крюгер с улицы Язов? **23.** Кормилица барда. **24.** Завсегдатай компьютерной реальности. **25.** «Не во всякой туче ... прячется». **26.** Любимый уральский самоцвет

Екатерины Великой. **27.** «... услуг, Кира, не имеет конца» (из телефильма «Чародеи»). **29.** «Ледовая ...» для соревнований по фигурному катанию. **31.** Кто прислуживал самому титулованному из мушкетеров? **32.** Спаренные солисты. **33.** Какой пистолет подарили Владимиру Маяковскому рабочие из Чикаго? **34.** Самый редкий из радиоактивных элементов. **35.** В каком городе построили первый в России стационарный цирк? **37.** Горы, где в сентябре 1991 года отыскали мумию «ледяного человека». **38.** Какой зимний спорт прозвали «шахматами на льду»? **39.** Какую засахаренную ягоду используют для украшения коктейлей? **40.** Что Коко Шанель полагала «главным секретом в манере одеваться»? **41.** Что вытаскивают на всеобщее обсуждение представители «желтой прессы»? **42.** Растение, чей дым прописывали в XVIII веке при астме, кашле и катарих бронхов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Элемент «дорожной разметки» фарватера. **2.** Чья пирамида самая большая? **4.** Сю-

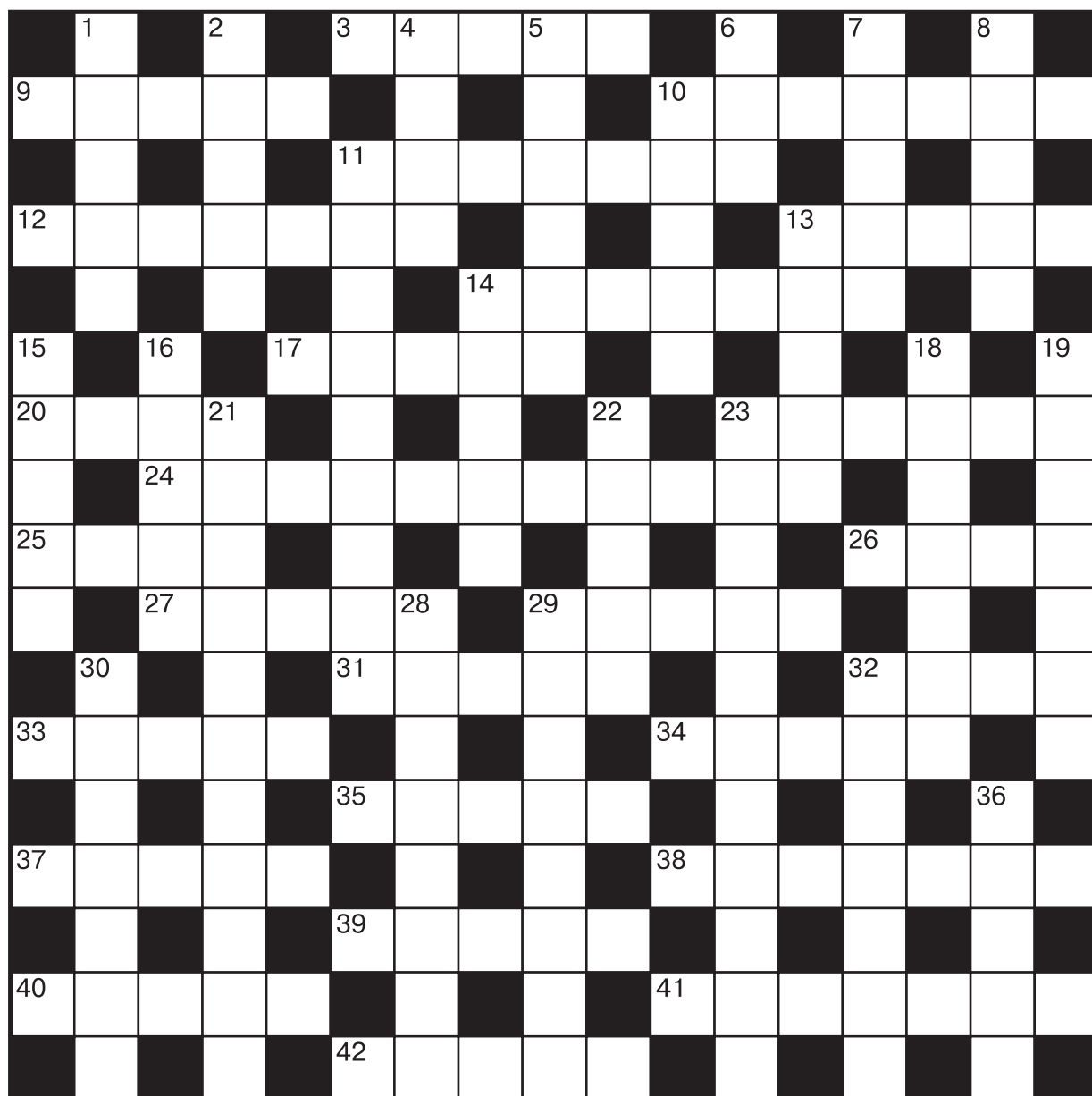
жетные рамки разговора. **5.** Куда выходят, чтобы с «мертвыми душами» поговорить? **6.** Последний фильм с участием Валерия Золотухина. **7.** Граф Монте-Кристо по имени. **8.** Что умывает землю? **10.** «Боевая раскраска» нашего времени. **11.** Продолжатель дела Уильяма Шекспира. **13.** Подушка «сарделькой». **14.** Олень с особо целебными рогами. **15.** «А потом будут падать на крышу снега, и ... колыбельную петь». **16.** Какой курорт Швейцарии все узнали благодаря экономическому форуму? **18.** Что помогает выбрать автомобильный навигатор? **19.** Беда «откуда ни возьмись». **21.** Крымский город, где Дмитрий Менделеев преподавал в гимназии. **22.** Воздыхатель сказочной Мальвины. **23.** «На нем защитна ..., она с ума меня сведет». **28.** Богиня всех античных юношей и девушек, дававших обет безбрачия. **29.** Через какую из великих рек Южной Америки не построили ни одного моста? **30.** Лоскут на продранный локоть. **32.** Венди, что заменила маму Питеру Пэну. **36.** «Природа жаждущих степей его в день гнева породила».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Петр. **6.** Пурпур. **10.** Галилей. **11.** Персей. **12.** Рацион. **13.** Бердяев. **14.** Корто. **17.** Туз. **18.** «Апокалипсис». **21.** Фестиваль. **22.** Амарула. **25.** Гаити. **26.** Кариатида. **27.** Веер. **29.** Биатлон. **30.** Звено. **31.** Агония. **33.** Нырляльщик. **36.** Оборот. **38.** Крах. **39.** Кукольник. **40.** Кедр. **41.** Обед.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Папа. **2.** Тормоз. **3.** Чай. **4.** Ливерпуль. **5.** Вердикт. **7.** Удав. **8.** Пшик. **9.** «Рено». **10.** Гейтс. **12.** Рекламщик. **14.** Купец. **15.** Оперативник. **16.** Чирлидинг. **19.** Отвар. **20.** Австрия. **23.** Заполярье. **24.** Авиаполк. **25.** Генофонд. **28.** Отрывок. **29.** Биток. **32.** Льюис. **34.** Краб. **35.** Вход. **37.** Туш.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Хан, чьим убийством кончилось на Руси монгольское иго. **9.** Смакование простых жизненных удовольствий. **10.** Праздник бразильских негров. **11.** Заброшенная пашня. **12.** Музыкальный кумир Сергея Довлатова. **13.** Тростниковый шалаш у венесуэльцев. **14.** Методика украшения. **17.** Кокетство из арсенала гейши. **20.** Бог с молотом

и пучком молний из шумерских мифов. **23.** Презрительное название француза у испанцев. **24.** Вече в средневековой Англии. **25.** Двойная корона на фараоне. **26.** Психоаналитик, один из ближайших учеников Зигмунда Фрейда. **27.** Какому химику поставлен памятник в Мюнхене? **29.** Какой датчанин первым поделил каменный век на палеолит и неолит?

31. Девичья фамилия Лили Брик. **32.** Какие папиросы курил Сергей Есенин? **33.** Соломенная шляпка на античной гречанке. **34.** Первый победитель веломарафона «Тур де Франс». **35.** Вариант устройства оружия в пейнтболе. **37.** Район Софии с резиденцией болгарского президента. **38.** Технология изготовления витража. **39.** Каким «канатом» до 70-х годов прошлого века женихи островов Санта-Крус платили выкуп за невесту? **40.** «Тоска по Африке», доводившая когда-то негров буквально до сумасшествия. **41.** Журавль с красными ногами из Южной Америки. **42.** Длинный кошелек у персов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Барабан для молитвы у калмыков. **2.** Популярное спиртное среди горнолыжников Тироля. **4.** Какую яблочную приправу в Австрии подают к тафельшпицу? **5.** В каком журнале впервые напечатали стихи Михаила Лермонтова? **6.** Тяга вальдшнепов. **7.** Что «в чечетке главное» для героя фильма «Зимний вечер в Гаграх»? **8.** Кого из лю-

бимцев Геракла растерзали кроваж- жадные кобылицы царя Диомеда? **10.** Традиционная японская выпивка. **11.** Парижская окружная доро- га. **13.** Безрукавка на белоруске. **14.** Первый концлагерь в фашист- ской Германии. **15.** День безвозмезд- ного труда у мусульман. **16.** Какому президенту британский драматург Том Стоппард посвятил свою пьесу «Профессиональный трюк»? **18.** Икра судака. **19.** Интенсивная форма обу- чения. **21.** Какой стиль живописи придумал Жорж Сера? **22.** Какому диктатору шумные вечеринки Авы Гарднер в съемных апартаментах причиняли сильнейшее беспокой- ство? **23.** Немецкий танец с подско- ками. **28.** Нож для разделки ибе- рико. **29.** Народная забава с ловлей коровы у бразильцев. **30.** Первая в мире школа дзюдо. **32.** Какой продю- сер заключил первый американский контракт с Альфредом Хичкоком? **36.** Генерал, у которого рука оказа- лась недостаточно твердой для успе- ха военного переворота в 1945 году, но достаточно твердой для харакири.

Ответы на эрудит, опубликованный в №8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Капо. **6.** Карлук. **10.** Гайвань. **11.** Биссап. **12.** Байгуш. **13.** Са- ломон. **14.** Сюкре. **17.** Фет. **18.** Карколепсия. **21.** Абдалоним. **22.** Еникале. **25.** Да- вул. **26.** Хусейниды. **27.** Ривз. **29.** Башелье. **30.** Силур. **31.** Ширмой. **33.** Халкаспид. **36.** Вишинг. **38.** Тару. **39.** Горислава. **40.** Конт. **41.** Лепа.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Коба. **2.** Пасьют. **3.** Шап. **4.** Эвтаназия. **5.** Энроске. **7.** Азан. **8.** Луга. **9.** Кишк. **10.** Гарри. **12.** Боллинген. **14.** Сейбл. **15.** «Эпикондилит». **16.** Библьдрук. **19.** Лабаз. **20.** Сокутай. **23.** Бульбкиль. **24.** Грошевик. **25.** Дворишин. **28.** Веларий. **29.** «Боинг». **32.** Усьва. **34.** Даве. **35.** Кука. **37.** Гог.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на текущие номера 2019 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 127 рублей 60 копеек	За 1 номер — 152 рубля 90 копеек
За 6 номеров — 765 рублей 60 копеек	За 6 номеров — 917 рублей 40 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 1 месяц	Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
46 рублей 20 копеек	138 рублей 60 копеек	277 рублей 20 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открывается подписка на 2-е полугодие 2019 года во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

ВНИМАНИЕ, **КОНКУРС!**

Дорогие читатели!

Мы не одиноки в этом мире, нас на протяжении жизни окружают родные, родственники, друзья, коллеги по работе... Но среди них всегда есть один самый-самый... Тот, кто никогда не предаст, протянет руку в трудную минуту, найдет для тебя нужные и теплые слова, одним словом, искренне поможет и словом, и делом. Ведь, что ни говори, миром все равно правит доброта, и добрых, отзывчивых людей вокруг нас очень много.

Вот мы и решили в 2019 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Близкие люди».**

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 000 знаков) в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru** до 20 октября 2019 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в 1-м номере 2020 года. Лучшие истории мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

